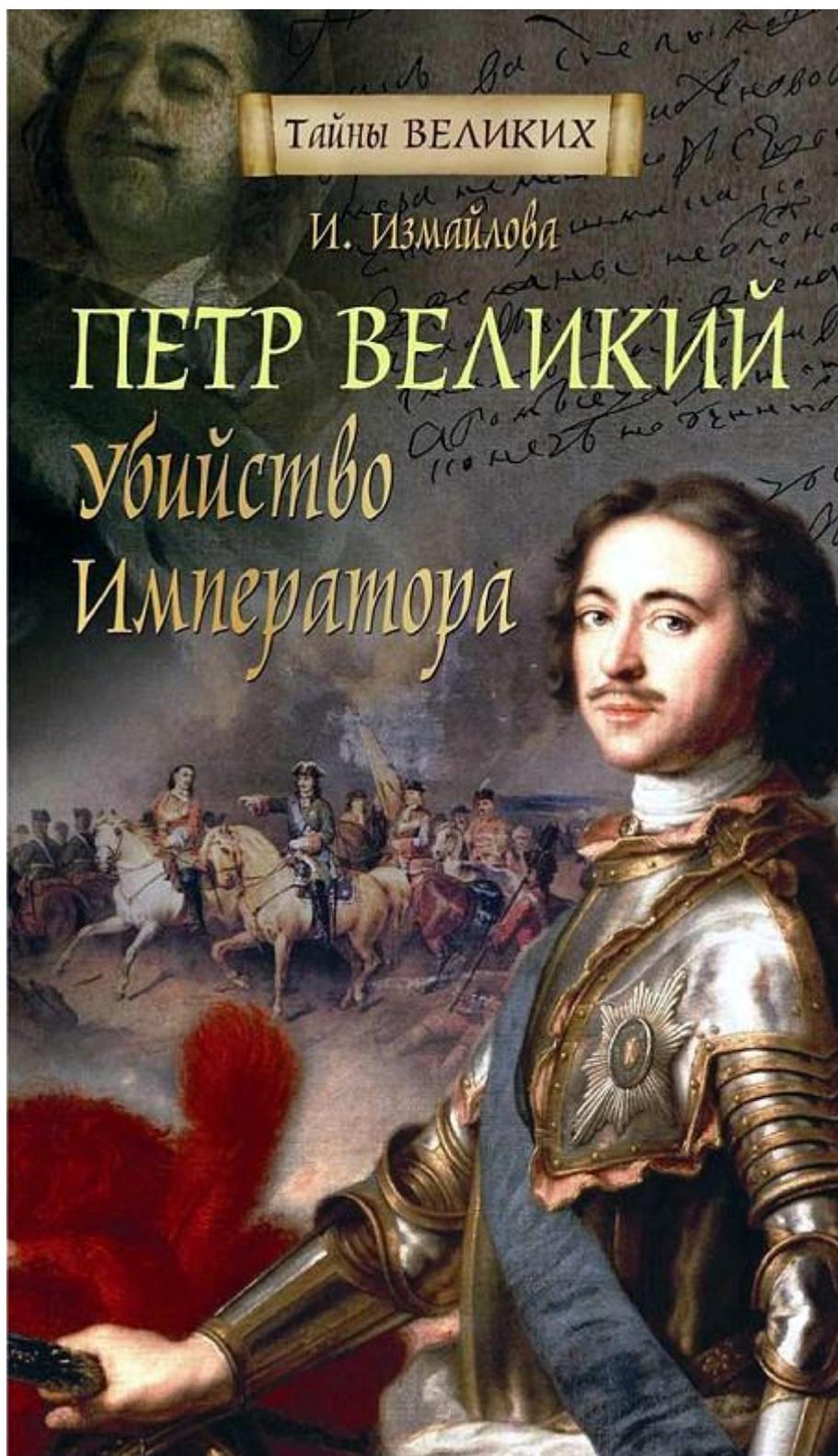

Петр Великий. Убийство императора

Ирина Измайлова

Петр Великий. Убийство императора

Вступление

— А вы знаете, что Петра I, возможно, убили? — сказал мне однажды знакомый историк. Скажи это другой человек, менее знающий, менее серьезный, наконец, менее прагматичный, можно было бы отнести заявление к разряду популярных ныне (да и всегда) исторических баек. Однако компетентность собеседника и его совершенно твердое убеждение, что в истории любые домыслы недопустимы, сделали фразу ошеломляющей и просто интригующей. Как! Еще одно убийство знаменитой исторической личности? И какой!

— А, собственно, откуда такое предположение? — задаю вполне понятный вопрос. — Есть какие-либо документы?

— Если бы их не было, то не могло быть и предположения. Документ только один, однако действительно очень и очень необъяснимый. Необъяснимый, если не принять вот эту самую версию: убийство!

Все еще не верю. Сознание так устроено: когда привыкаешь к какой-то определенной версии, к какому-то определенному осмыслению событий, новое, неожиданное предположение или гипотеза ставят в тупик. В истории немало всевозможных жутких событий, а уж убийства государственных деятелей — чуть ли не традиция. И все же — Петр I.

— А все-таки, что за документ?

Историк усмехается и тут же выдает еще более странную фразу.

— Документ вообще-то официальный. Письмо из дипломатической почты. В его подлинности нет никаких сомнений. Но если ему есть какие-то объяснения, кроме заговора и физического устранения русского царя, о которых автор знал заранее, то разве что он — спирт, медиум или что-то в этом роде.

В спиритов и медиумов можно верить, можно не верить. Но вот в то, что спириты и медиумы имеют отношение к дипломатической почте, хоть XVIII века, хоть XXI-го, не верится совершенно.

Так что же это за документ, и почему его существование ставит под сомнение общепринятую, всем хорошо известную версию?

Письмо шевалье де Кампредона

О смерти государя императора Петра Алексеевича документально известно следующее. 29 октября 1724 года вблизи Лахты, во время сильного шторма села на мель шлюпка с матросами. Находившийся в это время в Лахте Петр I вместе с моряками участвовал в спасении терпящих бедствие и довольно долгое время провел в ледяной воде. Возникла сильная простуда, и император слег. Правда, опасений его состояние тогда не вызывало: подобные простуды бывали у государя и прежде — он никогда не боялся ветра, сквозняков, а на судостроительные верфи ходил в парусиновой матросской куртке, даже в зимнюю стужу.

Действительно, через некоторое время наступило улучшение. Пренебрегая советами медиков, царь вновь занялся государственными делами, не избегая также обычных для его двора пиров и веселья. В начале 1725 года он вновь заболел, но, несмотря на жар и слабость, до 19 января продолжал заниматься делами. Потом слег, провел десять дней в жестокой горячке и умер 28 января 1725 года. Умер, не сделав распоряжения о наследнике, из чего следует вывод: все эти десять дней умирающий практически не был в ясном сознании.

Именно в этот день, 28 января 1725 года, посланник короля Франции Людовика XV в Швеции шевалье де Кампредон пишет своему государю письмо. И в этом письме подробнейшим образом описывает, как должна сложиться ситуация с дипломатическими отношениями между Россией и западными державами после смерти Петра I (не в случае смерти, а именно после смерти!), и как должны вести себя западные державы с Россией, дабы не допустить продолжения ее возвышения, наступившего после триумфальной победы в Северной войне и заключения Ништадтского мирного договора.

Что же, выходит в день смерти императора Кампредон уже знал о ней? Это при отсутствии телефона, телеграфной связи, не говоря о радио и телевидении?

Телепатия? Может, и в самом деле ушлый французский дипломат был еще и спиритом? Сказать бы — верится с трудом, но если честно, вообще не верится!

Можно, конечно, допустить, что, узнав о тяжелой болезни Петра Алексеевича, а продолжалась она, как было уже сказано, десять дней, опытный дипломат твердо уверился в неизбежности кончины русского царя и решил опередить своих коллег, сразу проявив прыть. Но возникают другие соображения. Во-первых, Петр неоднократно болел и прежде, и случалось, болел тяжело. Во-вторых, государю было пятьдесят три года, возраст не молодой, но еще вовсе не старческий, и, несмотря на целый букет заболеваний, он был еще достаточно крепок. Так что с уверенностью писать о его неизбежной смерти было со стороны шевалье де Кампредона довольно самонадеянно.

Если только он не ЗНАЛ ЗАРАНЕЕ, что Петр обречен.

И вот тут уже не приходится говорить об интуиции. Дипломат должен ею обладать, но не имеет права полностью на нее полагаться.

Сразу, как в настоящей детективной истории, возникает множество других вопросов. Если мы имеем дело с (простите за современную терминологию) заказным убийством, то кем оно было заказано и почему? Если след ведет в любую из иностранных держав, то не поздно ли спохватились? Северная война была уже проиграна, пренеприятный для Швеции, Англии, да и других европейских стран Ништадтский мир заключен, и тут уже ничего нельзя было исправить. Наконец, при чем здесь именно Франция, и кто такой шевалье де Кампредон, всего лишь посол французского короля в Швеции? Правда, да, в Швеции, пострадавшей от этого самого Ништадтского мира более всего. Но почему дипломат из Франции решил предложить Западу свою программу действий?

И последнее: если допустить, что в январе 1728 года русский император был действительно убит, то какое влияние это оказало на дальнейшую судьбу России и Европы?

Добились ли те, кто «заказал» Петра Великого, своей цели, или убийство оказалось бесполезным?

Чтобы ответить на эти вопросы, придется провести своего рода расследование, учитывая только, что теперь, спустя почти три века после случившегося, сделать твердые и однозначные выводы уже невозможно. Мы можем только ДОПУСТИТЬ вероятность и обосновать ее.

Исторический блеф

В истории довольно много загадочных личностей. Загадочных по разным причинам: из-за того, что о них известно мало, либо из-за того, что сведения о них противоречивы и многое сложно доказать. А бывают исторические загадки, созданные самими историками.

Одна из таких загадок — личность Петра Алексеевича Романова — первого императора Государства Российского.

О нем написано, казалось бы, уже все, что можно написать. Собраны, проверены и перепроверены все исторические факты, опровергнута большая часть досужих вымыслов, высказаны все точки зрения, созданы романы, сняты фильмы (опять же, с самой-самой разной трактовкой образа). И, как это ни странно, к нему не ослабевает интерес не только историков (которым здесь уже и копать-то нечего!), но вообще всех, кто, так или иначе, пользуется историей для работы, либо для увлечений. А еще более странно, что достоверного образа Петра I ни история, ни искусство так и не смогли нам представить. Более того — историки столетие за столетием старательно рисуют карикатуры на эту грандиозную историческую фигуру, даже не замечая, что чем больше они стараются следовать «исторической правде», тем дальше уходят от подлинного Петра.

Какой-либо «золотой середины» в этих изображениях практически нет. Впрочем, это бывает почти со всеми великими — их либо любят, либо ненавидят, и строят свою «объективность», отталкиваясь от субъективного личного восприятия. Так или иначе, но исторические портреты Петра Алексеевича обычно схожи либо с Медным всадником, либо (не к ночи будь помянуто!) с шемакинским чудищем, водруженным возле Петропавловского собора. При всем уважении к гению Фальконе и портретному мастерству Мари Калло, всадник наверняка имеет лишь условное сходство с оригиналом; что до чудища, то Петр Алексеевич уж точно не обиделся бы, увидав его, и не пошел бы никого колотить палкой — хотя бы потому, что ему и в голову не пришло бы, что это он...

Историк, много лет изучавший петровскую эпоху, профессор Н. Н. Молчанов, на которого в дальнейшем придется нередко ссылаться, потому что ему принадлежит одно из самых обстоятельных, подробных и трезвых исследований этого времени, справедливо замечает:

«...все оценки и характеристики людей и событий той далекой эпохи имеют неизбежно относительный характер, предопределяемый спецификой места и времени. Поэтому самый критический подход к Петру не означает посягательства на его несомненное историческое величие. В России начала XVIII века не было более реального, активного, передового носителя прогресса, чем Петр I».^[1]

С Молчановым можно, впрочем, не согласиться. Посягательств на величие сколько угодно, если учесть, что далеко не все историки умеют быть беспристрастными. А иные даже и не стараются.

Петра и его реформы либо превозносят, величают гениальными, либо осыпают проклятиями, обвиняют в разрушении подлинной России, в искоренении русских традиций, в безмерной жестокости, в бездарности (!!!) и т. д.

И у первых и у вторых примерно равные количества и убедительность доказательств. У первых чуть меньше эмоций и больше рационализма, у вторых чуть больше искренности и чуть меньше исторического прагматизма. Первых принято однозначно считать западниками (ибо западником принято считать и самого Петра, хотя сам он с такой точкой зрения едва ли согласился бы), вторые с XIX века именовались славянофилами.

Правда, стоит оговориться: с суровой критикой петровских реформ и самой личности Петра выступают и историки, которых трудно заподозрить в славянофильстве. Это представители либеральной интеллигенции, для которой историческая панорама всегда, так или иначе, заслоняется фигурами первого плана, а на первый план они ставят то и тех, что и кто им самим кажется наиболее значительным. Либералам очень нравится защищать народ, причем они это делают, любя себя и своей справедливостью.

Не стоит относить к ним такого значительного и бесспорно серьезного историка, каким был В. О. Ключевский — его нападки на Петра I все же далеки от огульных обвинений и скорее проистекают от неверного понимания исторической ситуации. При этом вольно или невольно во многих случаях, следуя достоверности фактов, Ключевский дает происходившему справедливую оценку, и она редко выглядит негативной.

Одним из самых яростных либералов, изучавших эпоху Петра I был человек, знакомый читателю скорее как политик, нежели, как историк. Кадет П. Н. Миллюков. В конце XIX века им была издана объемная монография о хозяйстве России в эпоху петровских преобразований. В этой работе он попросту играет цифрами статистики, не утруждая себя сравнительным анализом. Он признает, что благодаря Петру «Россия возведена была в ранг европейской державы», однако при этом добавляет, что сделано это было «ценой разорения страны».^[2]

Вот, кстати, интересная концепция! Европейская держава, ставшая таковой благодаря разорению... Интересно, задумывался ли автор о том, что, собственно, написал?

По утверждению Миллюкова, тяготы русского крестьянина в это время возросли в три раза. Такое заключение он делает, просто приводя цифры прежних налогообложений и введенной Петром подушной подати.

С резкой критикой Миллюкова и его книги «История России», изданной в 1935 году в Париже, выступили многие историки, и, самое удивительное, наиболее грамотно опроверг утверждения кадета советский исследователь, полностью коммунистической ориентации (а других тогда не публиковали!) профессор С. Г. Струмилин. Он убедительно доказал, что Петр I добился резкого увеличения бюджетных поступлений не вследствие утращения налоговых тягот каждого отдельного плательщика, а путем перераспределения доходов, централизации их сбора и исключения «промежуточных получателей».

Анализируя причину ошибок большинства исследователей в этой области, Струмилин выявляет еще один феномен, вернее, еще одно «белое пятно» в историографии эпохи, о которой, казалось бы, уже столько сказано:

«Петровская эпоха великих преобразований в России привлекала к себе внимание очень многих русских историков. И все же экономика этой эпохи не получила и доныне достаточного освещения. Во всяком случае, ошибочных оценок и легенд в этой области было до сих пор гораздо больше, чем твердо установленных фактов и бесспорных суждений».^[3]

Чуть меньше вольностей позволяют себе сторонники великого преобразователя. Правда, у них и больше возможностей доказывать свою правоту, обращаясь только к фактам. Положительных фактов, если судить о конечных результатах преобразований, несравненно больше. Но и замалчивать действительно огромную цену, цену жизни человеческих, заплаченную за эти преобразования, тоже нельзя. Нельзя недооценивать и странную противоречивость самой фигуры Петра Алексеевича, потому что она, конечно же, влияла на его дела, определяла отношения с людьми, возможно, стала причиной многих трагедий — трагедий самого самодержца и тех, кому приходилось сталкиваться с ним.

Западники, превознося государя, иногда попросту замалчивают негативные стороны его характера и его правления, в сущности, тоже принижая его этим: потому что Петр не был «медным всадником», он был человеком, и по-настоящему его величие в том, что обладая многими человеческими слабостями, он сумел одолеть работу, которую, казалось бы, могут вершить одни титаны.

Сравнивать эти две точки зрения мы не будем, ибо цель у нас другая: расследовать обстоятельства убийства, совершенного двести восемьдесят лет назад, если это было убийство. А кого убили, гения или злодея?.. Следователь, который, приступая к расследованию, задается подобным вопросом, рискует провалить дело.

Одним словом, личность пострадавшего (если мы такого имеем) придется рассматривать вне зависимости от всех тех портретов, которые написаны с него историками. Любой из таких портретов — в той или иной мере блеф. Захотелось историку, чтобы мы видели именно такого Петра, такого он нам и преподнес.

А нам важно увидеть его таким, каким видели все те, кого так или иначе можно заподозрить в причастности к преступлению, если, повторяюсь в десятый раз, оно имело место быть.

Однако если речь идет об убийстве политического деятеля, то анализ исторической обстановки, в которой происходили события, не менее важен, чем изучение личности пострадавшего.

И здесь нам опять придется отметить множество парадоксов, созданных во многом не сложностью исторического момента, а скорее, увы, — снова предвзятостью историков. И, добро бы, мы сравнивали мнение летописцев русских и западных — тут понятное дело, «каждый тянет одеяло на себя», по крайней мере, пытается тянуть. Но нет! Наши отечественные историки также рисуют петровскую эпоху с определенной предвзятостью, оценивая исторические факты каждый по-своему, иногда с очень условным толкованием, а порой даже с курьезной переоценкой. (Мне приходилось читать у одного, правда, весьма условного историка, что никакой заслуги Петра Великого в Полтавской победе нет, и сама эта победа была для России скорее вредна, нежели полезна! Вот уж, хоть стой, хоть падай!)

Что же, следуя принципу «от большого к малому» (здесь уместнее было бы сказать «к меньшему»), сначала об эпохе.

Дорога не в ту сторону, или мост через пропасть?

Итак, чтобы оценить негативное или позитивное влияние Петра I на внутреннее состояние и международное положение России, нужно сначала объективно оценить, какую же Россию получил государь Петр Алексеевич под свое управление в конце XVII столетия?

В те годы Московское государство по-прежнему, как до поля Куликова, платит дань крымскому хану. Что ж, Русь платила дань и при Александре Невском, однако после данного им урока псы-рыцари не рещались уже переступить ее пределы, а в разрозненных и враждующих меж собой западных странах Московия слывет грозным врагом, полезным, однако, тем, что ее пассивное, но непоколебимое противление помешало татарским ордам хлынуть в Европу.

А что же спустя четыреста с лишним лет? Европейские страны продолжают враждовать и воевать меж собою, однако поддерживают дипломатические отношения; умеют, когда нужно заключать союзы; восточных недругов, ослабевших в противоборстве с той же Русью, почти не боятся (за исключением Турции, с которой Франция успешно союзничает, прочие же страны, враждуя, успешно заигрывают). Войны обычно завершаются более или менее прочными мирными договорами. И в этом смысле любопытен знаменитый Вестфальский договор 1648 года. О чем там договорились европейские монархи, мы вспоминать не станем — не о них речь! Интересен перечень европейских государей, дотошно приведенный в этом договоре. Среди них великий князь Московский упоминается на... предпоследнем месте, за ним следует князь Трансильвании. А ведь в то время Россия стояла на втором месте среди европейских стран по численности населения: в ней жили 14 миллионов человек! Большим числом населения могла похвастаться лишь Германия — 20 миллионов, но зато куда ей было до нашей территории... Думаю, читатель простит мне отсутствие точного числа жителей Трансильвании: в популярных справочных изданиях его нет.

Стоит отметить и тот факт, что в пору, непосредственно предшествовавшую воцарению Петра I, в России существовало фактическое двоевластие: параллельно с властью царя точно такой же правомочной была власть патриарха, что, конечно, усложняло государственные отношения. Патриарх, как и царь, именовался «великим государем» и имел равные с царем права. А, учитывая сан и огромное уважение к церкви во всех слоях тогдашнего русского общества, он имел даже некоторые преимущества перед царем. Впрочем, эта «вторая власть» иногда бывала очень полезна. Зачастую именно патриаршее слово оказывалось самым значимым в критической ситуации и помогало ее разрешить.

Процветало местничество, и часто дело доходило до того, что государю приходилось лично разбирать бесконечные тяжбы бояр, «бывших челом» друг на друга и озбоченных личными обидами и распрями куда больше, нежели делами государственными.

Европейские державы не принимали Россию всерьез, однако торговали с ней, а в XVI–XVII веках уже поддерживали определенные дипломатические отношения. Правда, при этом европейские монархи и их послы не стеснялись сравнивать русских с варварами и почти в открытую их презирать.

Один из видных французских дипломатов XVII века герцог де Сюлли, мечтавший о французской империи, о «перекройке» европейской карты по французской выкройке, в своем политическом трактате упомянул и Россию. И что же он о ней написал? А вот что:

«Эти огромные земли, имеющие не менее 600 лье в длину и 400 лье в ширину, населены в значительной части идолопоклонниками, в меньшей части — раскольниками, как греки или армяне, и при этом множество суевериев и обычаев почти полностью отличают их от нас. Помимо этого русские принадлежат Азии столько же, сколько и Европе, и их следует рассматривать как народ варварский, отнести к странам, подобным Турции, хотя уже пятьсот лет они стоят в ряду христианских государств»^[4].

Далее герцог милостиво предлагает все же принять Россию «на третьих ролях» в систему европейских государств, но с условием: «Если великий князь Московский или царь русский, которого считают князем скифским, откажется вступить в это объединение, когда ему будет сделано соответствующее предложение, то с ним следует обращаться как с турецким султаном, лишить его владений в Европе и отбросить в Азию»^[5].

Эти слова могли бы вызвать изумление, если бы подобные планы в отношении России не вынашивались и позднее, вплоть до недавних времен. Что до представлений о нашей стране того времени — простим их герцогу де Сюлли. Как мог он, живя в крошечной по сравнению с нашими территориями Франции, представлять себе страну таких масштабов и верно оценивать духовное состояние ее населения, не говоря уже об особенностях обычаев, национальном характере... К тому же, подобным образом к России относились практически во всех странах Запада.

Справедливости ради, надо бы признать, что это отношение было взаимным. Даже отец Петра I Алексей Михайлович, уже активно приглашавший в Россию западных художников и мастеров, послов принимал «по старой форме»: подав руку для целования, потом прилюдно (при тех же послых) омывал ее, подчеркивая, что всякое прикосновение иноверца считается оскверняющим.

Все это можно было бы оставить без внимания: не любите нас — и не надо, мы вас тоже не любим.

Если бы при этом можно было верить, что не любящие нас западные страны будут от нас дистанцироваться и не посягнут на наши рубежи.

Но об этом мечтать не приходилось! И с Востока, где нарастала экспансия крепнущей Турции, и с Запада, где рост населения напоминал об ограниченности территорий, а главное — о потребности в новых и новых богатствах, России постоянно угрожала алчность соседей. Они отлично видели и наши бескрайние территории, и несметные богатства огромной страны, и, увы, несовершенство ее армии и государственной власти.

Мощную основу будущей Российской государственности заложили военные и политические реформы Иоанна Грозного. Именно тогда Запад впервые УВИДЕЛ Русь во всей ее силе и впервые устранился этой силы.

Но последовавшее за кончиной Иоанна Смутное время надолго затормозило стремительность прыжка, который уже тогда готова была совершить Россия.

Впрочем, мне вовсе не хочется срисовывать уже известную лубочную картинку допетровского государства: этакое дремлющее болото, с курными избами, лаптями, реакционным духовенством и... Что там еще из арсенала советских учебников?

Русь была и осталась собой. Самобытной, яркой во всех проявлениях, могучей нравственно и духовно страной, в которой власть всегда, хоть на полшага да отставала от потребностей и возможностей народа. Для примера: духовное объединение Руси на основе православия произошло задолго до того, как на той же основе стали объединяться ее князья. Первым стал Благоверный Великий Князь Александр Невский, понявший, что лучше еще пару сотен лет терпеть татарское иго, чем принять помощь папы римского и потерять Россию вместе с ее собственной Верой.

Россия до Петра I была такой же, какой осталась при нем и после него. И смешно, право, думать, что один человек, как бы он ни был велик, может переделать, перестроить веками созданный, в горне великих бедствий закаленный менталитет русского народа. А не изменишь менталитет, не переделаешь и страну — в этом убеждались правители до Петра и после него.

Но он-то как раз и не пытался переделать.

Весь смысл его преобразований сводился именно к тому, чтобы Россия и ее народ могли остаться собой, не быть поглощены и «съедены» с одной стороны Востоком, который с укреплением Турции серьезно рассчитывал на реванш за Куликово поле, с другой — Западом, у которого тоже занозой в спине сидела Невская битва.

Кстати, о терминах. Само выражение «допетровская Россия» звучит примерно как «долнодовиковская Франция». Как будто была одна страна, а с появлением монарха-реформатора вдруг стала совершенно иной. Русь, Россия, как и любое другое государство, проходила длинный и сложный путь развития, с взлетами и падениями, с зстоями и стремительными шагами вперед. В XI веке наша страна была единым целым с Европой, несмотря на то что именно тогда произошло резкое и полное размежевание католической и православной церквей. Никого не шокировал и не удивлял брачный союз дочерей Ярослава Мудрого с французским и шведским королями, брак Владимира Красно Солнышко с принцессой Ингегердой, принявшей православие и греческое имя Ирина.

Тогда Русь шла вровень со столь же разрозненной и обескровленной непрекращающимися войнами Европой, и хотя вражда, непонимание, противостояние и тогда существовали, однако европейские и русские государи (великие князья) стремились поддерживать разумный нейтралитет, поскольку существовало некое равновесие сил. Татаро-монгольское иго, которое, что бы ни писали иные модные историки, было жестоким и страшным для Руси, от которого Русь в полном смысле заслонила собой Европу, истощило физические силы страны, но укрепило ее силы духовные, заставив народ окончательно выбрать между православием и язычеством, а князей — между православием и католицизмом. Православная вера прочнейшими узами связала воедино народ, до того бывший лишь славянскими племенами, и навеки определила развитие русского самосознания.

Затем был новый виток активного развития, новая попытка преодолеть растущий разрыв с Западом и найти разумное равновесие. И был Иоанн Грозный, пришедший к власти тогда, когда кровавые смуты и потрясения изнутри и растлевающее духовное воздействие извне вновь готовы были разрушить фундамент русского царства. Собственно государством, с мощным государственным аппаратом, с армией, способной безоговорочно повиноваться государю, с твердыми законами — таким государством Россию сделал именно он, Иоанн Васильевич, стократ обלאанный нашей либеральной интеллигенцией.

А потом — Смутное время. Время, когда власть перестала верить самой себе, не говоря уж о том, что народ перестал верить власти. Слабость государственной машины лучше всего продемонстрировала польская интервенция и захват Москвы, тогда как, с другой стороны, ополчение Минина и Пожарского (правильнее, конечно, Пожарского и Минина, но куда денешься от советского стереотипа словосочетаний!) еще раз доказало, что вера по-прежнему объединяет народ, и у народа еще достаточно сил, чтобы эту веру отстаивать.

А потом — начало царствования Романовых, при котором Россия собственно и сделалась «допетровской», замкнувшейся в себе самой, словно замедлившей в десять раз процесс своего развития. Иначе как объяснить, что православная вера, свободная и открытая по своей сути, превращается для многих (и для царей в том числе!) в жесткий догмат? Вероятно, после нашествия еретиков и ересей в период царствования Иоанна Грозного и особенно Смутного времени это была единственная возможность сохранить себя, отстоять свое «я» перед лицом начавшего крепнуть Запада, еще сильнее желавшего разорвать Россию на куски и поглотить. И это при том, что с другой стороны все так же сторожили свой час Крым и Турция.

«Погружение в себя» было вынужденным и, вероятно, необходимым, но и затягивать его становилось смерти подобно.

Один священник, отслужив молебен над могилой Петра в Петропавловском соборе, в день кончины государя, сказал: «Петр воспринимал Россию как правопреемницу православной Византийской империи и стремился к тому, чтобы она заняла полагающееся ей место среди западных стран, то место, которое долгие века занимала Византия».

Славянофилы упорно утверждали и утверждают, что петровские реформы увели наше государство с его исконного пути в сторону, уничтожили основы основ русского сознания, повели Россию по западному пути развития.

То-то она очень по этому пути пошла! Другое дело, что не пошла бы и пожелай того Петр или какой угодно другой правитель. Извините, не так слеплены! Не для нас чужие мерки, и когда нам их навязывают, пардон — трещит по швам. И если бы государь желал напаять на нас откровенно чужой кафтан, остались бы от того кафтана только клочки да тряпки.

В этом случае петровские реформы должны были провалиться, как, скажем, коллективизация, или... Да мало ли примеров! Но реформы осуществились, и осуществились в таком масштабе, что спустя всего двадцать лет после воцарения реформатора отсталая в военном отношении Россия выиграла Северную войну, можно сказать, не только у Швеции, а у всей Европы... А для этого мало было только создать армию, превосходящую европейские армии. Для этого нужны были и экономический потенциал, и боевой дух народа. (Только не говорите мне, что воевать народ шел «из-под палки!» Из-под палки проигрывают. Побеждают добровольно.)

Однако, может быть, были другие пути развития? Другие возможности возвышения государства без столь резких перемен? Другие фигуры в русской истории, которые, при более удачном для них стечении обстоятельств, могли стать залогом грядущего процветания?

Романовы на царстве

Что бы ни говорили и ни писали любители совсем уж фантастической критики, род Романовых является исконно русским. И появление его в истории русского царства вписано в одну из самых драматических страниц нашей истории.

В октябре 1612 года народная армия Минина и Пожарского освободила Москву от польских захватчиков. Этому предшествовала длительная осада, во время которой у осажденных кончились все съестные припасы, и они буквально стали умирать от голода. И вместе с ними голодали захваченные в плен русские бояре. Среди них был и боярин Иван Никитич Романов с племянником Михаилом Федоровичем и его матерью инокиней Марфой.

Поляки не сдавались, надеясь на подмогу своей армии во главе с королем Сигизмундом. Но тот не прошел дальше Волоколамска — трижды русские отражали завоевателей, пока, наконец, они не убралась восвояси. Интервенция провалилась.

Однако, освободив Москву, ополченцам предстояло покончить с мрачным наследием Смутного времени, приведшего к появлению Лжедмитрия и пришествию «врагов иноплеменных». Им предстояло избрать нового русского царя, выражаясь традиционно — основать новую династию.

Князь Пожарский призвал для этого по десять выборных представителей от каждого из городов, однако «квоту» соблюдали не все: например, Нижний Новгород прислал аж девятнадцать человек. Но на это посмотрели сквозь пальцы — лучше лишних допустить до избрания, чем ссоры посланных разбирать.

На каждого из «кандидатов» была подана грамота с подписями тех, кто его выдвигал — подписывались бояре, выборщики из народа и духовенство.

Чем не демократия?

Но выборы дались непросто. Собор распался на отдельные партии, начались споры, выборщики растерялись. Много было споров, какой из родов боярских ближе всех к прежним царям. В конце концов, какой-то дворянин из Галича подал Пожарскому письмо, в котором утверждалось, что ближайшие родственники прежнего царского рода Рюриковичей — бояре Романовы.

Поднялся шум. Кто-то кричал, что дворянин подкуплен Романовыми, другие яростно спорили.

Летописцы утверждают, что дело решил донской казачий атаман из выборщиков. Он подошел к столу и положил на него свиток. «Какое это писание ты подал?» — спросил его князь Пожарский. «О природном царе Михаиле Федоровиче», — ответил атаман^[6].

И, как ни странно, споры прекратились. Возможно, спорящие просто устали, а может быть, атаман искусно выбрал самую подходящую минуту. Но, так или иначе, 21 февраля 1613 года состоялись окончательные выборы, и как теперь говорят, «подавляющим большинством голосов» избран был Михаил Федорович Романов, юный боярин, недавно вызволенный ополчением из голодного польского плена.

Несколько священников и бояр отправились на Красную площадь, где уже много дней собирались толпы народа. Однако посланные собранием ничего не успели сказать. Народ единодушно закричал: «Михаила Федоровича!»

Ведь выборы длились долго, и еще до их окончания москвичи уже знали, что мнение собрания склоняется к их земляку, претерпевшему плен и все тяготы осады. Как было не поддержать его?

Однако чтобы возвести вновь избранного царя на престол, надобно было сначала его отыскать... Дело в том, что Михаил Федорович после освобождения из польского плена уехал в свою Костромскую вотчину, о чем в Москве не знали. Посольство, состоявшее из двух архиепископов, бояр и выборных, отправилось сначала в Ярославль, где посланным и указали, куда надобно ехать.

К Ипатьевскому монастырю, где находились инокиня Марфа с сыном, шли крестным ходом.

Из ворот вышла монахиня Марфа. С тревогой выслушала посланцев и отвечала, что сын ее не в совершенных еще летах, и она боится за него: сколько измен было уже против государей, вокруг престола столько врагов — страшно садиться на престол.

Что до самого избранника, то с ним попросту началась истерика: юный Михаил расплакался и закричал, что царем быть не хочет. (И его можно понять!)

Но послы не отступались. Не зря же ехали, да и в Москве их бы ласково не встретили, привези они весть об отказе Михаила. Не заново же всем собираться и новые выборы затевать! (Думаю, в этом читатель почувствует собору князя Пожарского!)

В конце концов, Марфу и Михаила удалось убедить. Инокinya вынесла икону Богородицы и благословила сына. Но уезжать из Костромы они не спешили.

Новый царь проявил сообразительность и сказал, что въедет в Москву лишь тогда, когда Земский собор хотя бы немного наведет там порядок, а также будут приведены в исправность палаты Кремля, пострадавшие от осады и штурма.

Торжественный въезд основателя новой династии в столицу состоялся 2 мая 1613 года. В Москве уже ждали нового царя, и, по воспоминанию летописца, за городскую черту встречать царский кортеж вышло чуть не все население.

Михаил Федорович, продолжая удивлять взрослой сообразительностью и твердостью, до 1615 года не отпускал из Москвы выборных земских людей, приказав им наводить порядок. В 1615 году были проведены новые выборы, но до 1622 года Собор заседал постоянно, а затем стал собираться лишь тогда, когда, по мнению царя, это было нужно.

После Смутного времени, войны, интервенции государство было разорено. «Необходимо было, чтобы проявилось особое напряжение народных сил, которое спасло бы отечество от угрожавшей ему опасности. Личность самого государя Михаила Федоровича, в высшей степени симпатичная, своим обаянием способствовала укреплению царской власти и идею самодержавия»^[7].

Очевидно, молодой царь прекрасно понимал, что для наведения в стране порядка и для укрепления в народе веры во власть царя, нужно укрепить саму идею самодержавия. Именно тогда и был введен титул «самодержца», а над головами царского символа — двуглавого орла вырезаны короны.

Как отмечают все современники, царь был человеком мягким и отличался необычайной добротой. Впоследствии эта черта в полной мере перейдет к его великому внуку Петру Алексеевичу, и если бы не определенные обстоятельства его жизни, а в особенности его восшествия на престол, то, возможно, о нем говорили бы как о таком же кротком царе, каким был основатель династии.

При этом вся история воцарения Михаила Романова на престол доказывает, что твердость и ум ему тоже были свойственны, и как знать, если бы у него было больше возможностей, может быть, именно он начал бы проводить реформы. (Кстати, он их проводил, но об этом немного позднее.)

В начале царствования молодому царю пришлось прежде всего бороться с множеством бандитских шаек, которые буквально терроризировали страну. Эти шайки были печальным наследием Лжедмитрия и его сторонников, главным образом поляков. Один из атаманов, Заруцкий, особенно свирепствовал, опустошая своими набегами южные области. Наконец в Астрахани стрелецкое войско разгромило его банду, а главаря взяли в плен. С ним оказались приснопамятная Марина Мнишек и ее сын от Лжедмитрия.

Характерно, что мягкий и добросердечный Михаил Федорович в этом случае проявил не просто твердость, но скорее даже жестокость, которую трудно оправдать сложнейшей исторической ситуацией. То, что на плаху был отправлен атаман Заруцкий, вполне понятно и справедливо. Но казнь малолетнего сына Марины — факт труднообъяснимый. Ведь в том, что Лжедмитрий был самозванцем, что у него не было и не могло быть никакого родства с русскими государями, были к тому времени уверены почти все. Поэтому о каких бы то ни было будущих претензиях его потомков на русский престол вряд ли можно было беспокоиться.

Хотя, кто знает? Явления самозванцев иногда бывают совершенно необъяснимы логически, а Смутное время доказало, как легко они убеждают народ, манипулируя самыми бредовыми доказательствами.

Марина Мнишек умерла в темнице, и, таким образом, с памятью Лжедмитрия было покончено.

Кроме внутренних беспорядков, России постоянно угрожали внешние. Швеция и Польша, не желавшая отказаться от завоевания России. Мнивший себя претендентом на русский престол Владислав подступил вплотную к Москве с гетманом Сагайдачным, который привел с собою около двадцати тысяч казаков. В городе началась паника. Однако взять Москву полякам не удалось. Владислав отступил и попробовал взять монастырь Святой Троицы, однако его атаки были отбиты: монастырь был настоящей крепостью, и о нем нам еще предстоит вспомнить.

В конце концов, с поляками был заключен мир, но Россия теряла при этом захваченный неприятелем Смоленск и прилегающие к нему земли.

В таких непрерывных тревогах и битвах проходило нелегкое царствование первого из Романовых.

Вероятно, по этой причине царь очень поздно женился. Двадцати восьми лет от роду он обвенчался с Марией Долгорукой. Молодая царица вскоре умерла, увы, так и не оставив государю наследника.

Во второй раз Михаил женился год спустя. Причем на этот раз были устроены настоящие выборы невесты. В Москву съехались девицы из двадцати знатнейших семей. Их сначала представили матери государя инокине Марфе, а уже затем к выбору приступил сам Михаил. И совершенно шокировал матушку, выбрав не одну из боярышень, а служанку одной из них! Кроткая Марфа вышла из себя и потребовала от сына, чтобы он изменил свой выбор. Однако он со слезами напомнил матери, что всегда был послушен ее воле, но на сей раз хочет исполнить волю своего сердца — эту девушку, Евдокию Стрешневу, он полюбил с одного взгляда!

Марфа смутилась и... уступила.

Сердце Михаила не ошиблось — Евдокия оказалась доброй и любящей женою. Он прожил с нею до самой смерти и, по всей видимости, в любви. Так что в браке государь был счастлив.

Кстати, стремление к преобразованиям было развито у Михаила Федоровича в полной мере. И иностранцев на русской службе он тоже жаловал, так что, по сути, заслуживает названия западника не меньше, чем его гениальный внук. Просто его реформы не заходили и не могли зайти так далеко, да и масштаб их был совершенно иной.

Михаил желал привить в России различные ремесла, однако не озаботился, как впоследствии Петр, посылать русских на обучение. Он, напротив, приглашал в Россию иностранных мастеров — оружейников, литейщиков, на выгодных для них условиях.

Начатое в 1642 году преобразование войска тоже проходило с участием и под руководством иностранных офицеров. Тогда впервые появляются полки с иноземными названиями: драгунские, рейтерские, солдатские. Полки, в свою очередь, делились на роты.

Но далее этого реформа не пошла. Настоящей, регулярной, боеспособной армии у России все еще не было.

Очень много внимания уделял Михаил Федорович постройке новых хором в Кремле. Он обустроил хоромы для своих жены и сыновей, украсил парадные палаты.

Правление его было не слишком кратким, но и не столь долгим. Он умер 12 июля 1645 года, причем уже задолго до этого начал болеть: у него отнимались ноги — даже до возка от крыльца его носили в кресле.

Что стало причиной ранней болезни царя, сказать трудно. Возможно, его здоровье расстроилось из-за кончины двух юных сыновей и несостоявшейся свадьбы дочери: Ирину Михайловну собирались выдать за датского королевича Вольдемара, но гулять на этой свадьбе не пришлось.

Так или иначе, первый государь рода Романовых умер еще не старым, оставив после себя шестнадцатилетнего наследника.

Алексей Михайлович

При отце Петра Великого первые три года царством управлял регент — воспитатель государя Борис Иванович Морозов.

Современники отмечали крутость нрава временщика Морозова и находили его во многом человеком нечестным. Однако на государя он имел большое влияние, которое укрепил еще и тем, что женил Алексея на дочери бедного боярина Ильи Милославского, бывшего у него в подчинении.

Боярин Морозов не стеснялся вводить налоги на все, чем пользовались подданные, в буквальном смысле грабил народ и в конце концов навлек на себя и своих приспешников возмездие. После введения очередного налога, на сей раз на соль, вспыхнул мятеж. Были убиты несколько бояр, как водится, вовсе не тех, кто прогневил народ. Морозов сбежал из Москвы, двое его ближайших сподвижников — судья Земского приказа Плещеев и начальник пушкарского приказа Траханиотов спрятались от греха подальше.

Алексей Михайлович сумел успокоить народ. Сумел и выручить своего воспитателя, хотя чернь требовала его казни. Морозов отделался ссылкой в Кириллов монастырь, а на плаху, для успокоения страстей, были отправлены Плещеев и Траханиотов. Донгрались!

Алексей Михайлович не обладал, по всей видимости, твердым характером своего отца — не зря его прозвали «тишайшим». Он легко попадал под влияние более сильных личностей. Его новым покровителем, как он сам говорил, «собиным другом» становится патриарх Никон.

Московский мятеж 1648 года внушил царю мысль о необходимости нового закона — Уложения, которое упорядочило бы взаимоотношения государя с боярами и «всякими чинами».

Созванный на 1 сентября того же года Земский собор заслушал список Уложения, представлявший собой громадный свиток (343 аршина длины!). Его зачитали выборным людям от разных городов, затем, в 1649 году он был напечатан и разослан во все приказы, по городам и в воеводские канцелярии.

Уложение было составлено для умиротворения страны и предотвращения смут, но привело к абсолютно обратному результату. Очевидно, при его составлении не были учтены особенности всех групп населения и их привычные представления.

Первыми стали возмущаться «самые невозмутимые» — крестьяне. Часть их не смирилась с прикреплением к помещикам (до этого времени крепостные ходили от помещика к помещику, как им вздумается). Часть «смутьянов» стала уходить на Дон, где созревала опасная вольница, готовая взорваться разинским бунтом. Сильные и влиятельные люди тоже были во многом недовольны Уложением, видя в нем ущемление своих личных прав в пользу государственной власти.

Одним словом, собор 1648 года, самый влиятельный и самый масштабный из земских соборов, фактически положил им конец. Правда, соборы созывались потом еще трижды (в 1650, 1651 и 1653 годах), однако это было уже эхо прежнего собора.

Исследователи до сих пор спорят, что послужило настоящей причиной отмены соборов — ведь со стороны государя не было сделано ни единой попытки их прекратить. Возможно, причина в том, что на тот момент Россия находилась в положении осажденного государства — внешние враги и внутренние смуты угрожали ее существованию в такой степени, что решать ее судьбу коллективно и избирательно уже было смерти подобно. Перед страной встал выбор: жесткий, непреклонный абсолютизм или неизбежная гибель.

Алексей Михайлович, однако, был не тем государем, который смог бы осуществить такой перелом.

А ситуация накалялась. В городах прокатилась волна бунтов, разгоралась вражда между посадскими людьми, ссорились бояре, и все вместе, так или иначе, бунтовали против царского Уложения.

Право, невольно смеешься, читая размышления славянофилов о том, как мирно, благолепно и покойно жила Россия при «тишайшем» Алексее Михайловиче, и как взорвалась при реформаторе Петре. Возможно, и взорвалась, но Петр сам привел в действие взрывное устройство и контролировал направление взрыва. При его отце взрывалось где попадая, и никто ничего не контролировал.

Что до того, был ли Алексей Михайлович западником, то ответить несложно: был. И лекарь при нем состоял, выписанный из Англии (что вообще-то понятно: своих грамотных врачей на тот момент не было), и даже деньги в обращении оставались только иностранные: голландские и немецкие.

Когда в 1654 году началась война с Польшей за Малороссию, на которую поляки претендовали постоянно, стало отчаянно не хватать денег. И правительство пошло на довольно простую меру: стало чеканить монеты меньшего размера, присудив им большую стоимость.

В результате ловкие люди научились подделывать клейма и чеканить фальшивые деньги, а в народе к деньгам пропало доверие. Всем этим по-своему воспользовались купцы: подняли цены на товары... Это был первый в России дефолт!

В этот самый для государства период разразился бунт Степана Разина. Атаман без устали грабил воевод и купцов, лишая города необходимого подвоза товаров, соблазнял обещаниями вольной жизни казаков, стрельцов, всяких инородцев. Войско его выросло до угрожающих размеров. Бунтовщикам удалось захватить Астрахань и затем подняться по Волге до Симбирска. Разин грозил, что пойдет на Москву, и эта мысль всерьез стала пугать уже не только бояр, но и крестьян — их упорядоченная жизнь никак не вязалась с диким разгулом бунта.

Однако под Симбирском войско Разина было разбито князем Барятинским. Часть его войска была обучена европейскими офицерами, что и обеспечило успех. (Но не вразумило царя провести широкомасштабную военную реформу.) Разин бросил своих казаков и бежал на Дон, собираясь поднять новую волну мятежа. Но сами же казаки повязали атамана, отвезли в Москву, и там он был четвертован. Тут уж и «тишайшему» было не до проявления мягкости!

Но самым страшным, что произошло в царствование Алексея Михайловича, стал церковный раскол.

Патриарх Никон

Судьба этого священника тоже достаточно загадочна и, как это ни странно, исторической литературой освещена очень поверхностно.

Никон в миру звался Никитой, сан принял двадцати лет от роду. Монашество принял не сразу. Был женат, имел много детей, был счастлив. Но дети его умерли, и в 1642 году, в тридцать четыре года, он принял монашеский постриг. Был игуменом Кожезерской пустыни, потом попал в Москву, встретился с молодым царем Алексеем, придя по обычаю к нему на поклон. И так сумел обаять государя, что вскоре стал архимандритом Новоспасского монастыря в Москве.

В народе Никон вскоре стал тоже очень популярен. Он был действительно хорошим священником, добрым пастырем, говорил о нуждах обиженных и обездоленных. И не только говорил. Сменив умершего митрополита Новгородского Афанасия, Никон застал в Новгородской пятине жестокий голод, вызванный неурожаем. Новый митрополит раздавал народу деньги, доставал хлеб. Когда же в 1650 году в Новгороде вспыхнул мятеж, Никон наложил проклятие на его главарей. Бунтовщики возмутились и даже подняли руку на архимандрита. Но когда бунт был усмирен, Никон смиренно просил царя помиловать «смутьянов».

Алексею Михайловичу пылкий священник нравился все больше и больше, и когда скончался патриарх Иосиф, царь первым высказался за избрание Новгородского митрополита.

И вот тут-то произошло искушение, потому что иначе все случившееся не назовешь.

Приняв сан патриарха, Никон надолго затворился в книгохранилище, чтобы изучить старые книги и так называемые спорные тексты. Ему страстно хотелось, чтобы русское православие ни в чем не отступало от византийских исконных канонов.

Одной из причин его трудов была мечта о создании вселенского православного государства, которой он поделился с государем. Алексей Михайлович не только разделял эти надежды, но всерьез мечтал отнять у турок Константинополь и восстановить православный крест над Святой Софией. Но Россия была на тот момент слишком слаба, и эти мечты так мечтами и остались.

Сличая славянские тексты с греческими первоисточниками, Никон везде отыскал некоторые изменения.

Патриарх предписал «исправить» тексты, а также ход некоторых частей богослужения. И еще ввел троеперстие — крестное знамение тремя перстами.

Несоответствие канону новый патриарх нашел и в иконах, и в пении.

Причем, если бы он делал все это исподволь, постепенно, с соответствующими объяснениями, его, возможно, поняли бы, и никакого возмущения бы не последовало.

Но столь решительные и резкие вмешательства в привычный уже канон церковной службы вызвал настоящее смятение. Что же получается — выходит мы молиться-то не умеем! И икон писать не умеем, и крестимся не как надо!

Народ возроптал. Возроптали многие священники, понимая, чем грозит такая резкая, необдуманная реформа.

Кроме того, Никон, не уступавший в пафосе и рвении своему будущему антиподу раскольнику Аввакуму, решил действовать «с размаху». По его приказу в московских домах были учинены обыски, иконы старого письма были изъяты. У них выжигали глаза и носили изуверенные образа по городу, объявляя везде патриарший указ, который грозил суровой карой тем, кто будет писать «неправильные» иконы.

Никакой народ не любит насилия. А русский народ его напрочь отвергает. Поднялась волна такого глубокого, страшного возмущения, какого не было много десятилетий.

Вскоре по Москве прошла моровая язва — умерли сотни людей. Затем случилось солнечное затмение. И в народе стали почти открыто говорить: «Вот и кара Божия за нечестие Никона!»

Но вместо смирения, которое нужно было бы проявить в такой ситуации священнику, Никона обаяла гордыня. Он чувствовал свое огромное влияние и власть, и против этого искушения оказался бессилён.

Он стал даже говорить, что ему не нужна помощь царя — сам силен. Не желал слушать никаких замечаний со стороны бояр и знати.

Кроме того, его возвышение лишило власти и привилегий многие прежде влиятельные боярские фамилии, и этого уже бояре не пожелали терпеть.

Царю посыпались челобитные с жалобами на патриарха, причем исходили они буквально ото всех сословий. Люди, близкие к Алексею Михайловичу, уже в глаза ему говорили, что патриарших посланцев боятся более чем царских, что Никон открыто подчеркивает свою неудовлетворенность равенством власти и желает быть выше царя, что он постоянно, иной раз без надобности, вмешивается в государственные дела, отбирает и присуждает вотчины по своему усмотрению...

Алексей Михайлович не мог не прислушаться к таким заявлениям, но до поры терпел, хотя его отношение к Никону становилось все более и более прохладным. В конце концов, должно было произойти какое-то событие, которое стало бы причиной разрыва. И оно произошло.

Летом 1658 года Москву посетил наследник престола Грузии царевич Теймураз. В Кремле по этому случаю был устроен обед, и окольничие (охранники двора) были поставлены очищать гостю путь и следить, чтобы никто из любопытной толпы не попался на дороге. Один из окольничих, видя, что толпа слишком напирала, отрубил несколько особенно ретивых палкой. Под такой удар попался патриарший дворянин, посланный к царю с каким-то поручением от Никона. Посланный грубо закричал на охранника, тот, хотя и узнал его, разлился и, воскликнув: «Не чванься попусту!» — вновь ударил дворянина, на сей раз прямо в лоб!

Посланный тут же побежал с жалобой к патриарху. Никон написал царю письмо, в котором требовал наказать окольничего. Алексей Михайлович, которому про все случившееся уже донесли и рассказали, как все было на самом деле, сухо отписал, что сам во всем разберется, а после с патриархом увидится. Но свидания не последовало.

Через некоторое время к патриарху был отправлен царем князь Юрий Ромодановский, обратившийся к нему со словами: «Царское величество на тебя гневен, что ты пишешься великим государем, а у нас один великий государь — царь». На что Никон, не смущаясь, отвечал: «Называюсь я великим государем не сам собою, так восхотел и повелел его величество, о чем свидетельствуют грамоты, писанные его рукой!» «Царское величество, — воскликнул князь, — почтил тебя, как отца и пастыря, но ты этого не понял. Теперь же царь велел мне сказать, чтобы ты впредь не писался и не назывался великим государем и почитать тебя таковым не будет»^[8].

Никон в тот же день, во время обедни в Успенском соборе объявил народу, что слагает с себя сан патриарха. Народ взволновался. Несмотря на недовольство многих, не меньше было и тех, кто искренно любил патриарха. Когда он хотел уйти, толпа не выпустила его из храма, требуя изменить свое решение.

Не желал его отречения и государь. Он пытался через посланных к владыке бояр склонить того к мирному разрешению ссоры. Однако гордыня, увя, взяла верх. Никон, поселившись на подворье Воскресенского монастыря, которое сам выстроил, стал руководить церковными делами уже без ведома царя. Он как бы продолжал считать себя патриархом. Алексею Михайловичу пришлось напоминать, что Никон отрекся от сана, но тот отвечал, что «попечение об истине оставил»...

В растерянности были и духовные, и светские власти. Митрополиты не решались приступить к избранию нового патриарха, царь не оставлял надежды на примирение. Летом 1659 года он даже сам встретился с Никоном, но разговор их закончился ничем.

Наконец разразился скандал. В 1665 году, в канун праздника Крещения бывший патриарх явился со свитой монахов в Успенский собор и прервал шедшую там службу. Затем занял патриаршее место и приказал сообщить о том царю. На вопрос царских посланных, что все это означает, он ответил, что ему велели возвратиться в Москву святители, явившиеся ему в видении...

Царь был в растерянности и обратился за помощью к вселенским патриархам. Двое из них, Антиохийский и Александрийский приехали в Москву, патриархи Константинопольский и Иерусалимский дали им доверенность говорить и от их имени. В первый (и в последний) раз в России состоялось такое церковное собрание. Собор, в котором председательствовали патриархи, низложил Никона в простой монашеский чин и повелел заточить его в Феропонтовом монастыре.

Однако церковная реформа Никона была утверждена. Она задумывалась им с самыми благими целями, но то, как ее проводили, сама резкость осуждения старых правил богослужения, скандал, произошедший затем в церковной сфере, — все это привело к самым страшным последствиям. Начался раскол, поделивший русское общество независимо от сословий на две половины. Он коснулся даже самой царской семьи: среди родни царицы Марии оказалось несколько открытых раскольников, и она под их влиянием тоже колебалась в вопросе «как верить».

По всей стране прокатилась волна раскольничьих бунтов. Особенно страшен был бунт монастырской братии Соловецкого монастыря, поддержанный народом. Тишайшему Алексею Михайловичу для подавления этих мятежей пришлось проявлять жестокость.

Из-за всех этих тяжелых потрясений царь, обычно оживленный и приветливый, сделался мрачным и недоверчивым. Он учредил Приказ тайных дел, основанный «для того, чтобы его царская мысль и дела исполнялись все по его хотению, а бояре и думные люди о том ни о чем не ведали»^[9].

Развлекала царя и лечила от мрачных дум охота: он любил ее страстно, всегда держал не менее двухсот сокольничьих и кречетников, а также множество охотничьих соколов, ястребов, кречетов.

Из важных событий в это царствование, кроме печально знаменитого раскола и разинского бунта, произошло и событие доброе, небывало значимое для будущей истории России, а именно возвращение к ней ее исконных земель, земель, где собственно и зарождалась русская культура и государственность. И произошло это не благодаря войнам, а по доброй воле.

Украина, изнывая от польских набегов, избрала своим гетманом Богдана Хмельницкого, который, понимая, что с польским нашествием своими силами не справиться, обратился к Алексею Михайловичу с просьбой принять «Малороссию под свою руку». Земский собор 1653 года постановил эту просьбу исполнить, и 8 января 1654 года (по старому стилю) Украина присягнула русскому царю. Войско Богдана Хмельницкого вместе с войском русским дало достойный отпор полякам. Польша, по мнению некоторых историков, оказалась в тот момент на краю гибели, и только начавшееся противостояние России со Швецией помогло ей устоять.

Можно было не описывать так подробно всех этих событий, происходивших еще задолго до вступления во власть Петра I.

Но знание предшествующей истории помогает лучше понять состояние русского общества, русской экономики и самого положения России в канун начавшихся по воле нового самодержца преобразований.

А заодно стоит задаться вопросом: действительно ли после Смутного времени, с избранием на царство рода Романовых в стране установился добрый, благолепный порядок, о котором так часто ностальгируют славянофилы (кроме тех, которые вообще не любят русских царей и утверждают, что не стоило устанавливать самодержавие — были князья, ну и были бы дальше!)

Нет, события допетровского периода убеждают в обратном: по сути дела Смутное время в России не завершилось, а с возникновением раскола, пожалуй, обрело новый разгон. Страна оставалась в бедственном положении, сжигаемая внутренними раздорами и окруженная врагами, которые все больше превосходили ее силой.

С другой стороны, можно ли считать двух первых государей из рода Романовых приверженцами старины, при которых в Россию не проникало «иноземное семя»?

Нет. И тот и другой не только не гнушались привлекать иностранцев, но и заимствовали у Запада многие военные и технические достижения. Правда, именно заимствовали. Об усвоении этих передовых знаний и перенесении их на русскую почву, о подготовке своих специалистов речь тогда еще не шла.

Но утверждать, что в сознании людей петровской эпохи государь Петр Алексеевич мог быть резко противопоставлен своим деду и отцу как западник, нарушивший их веления и желания? Нет, это было бы ложное утверждение. Противопоставление произошло потом, еще век спустя, когда собственно и начался спор историков о роли царя-преобразователя в судьбе России.

Однако власть перешла к Петру не от его отца. Между ним и тишайшим Алексеем Михайловичем возникают другие фигуры, менее известные, менее заметные в истории. Но не придать им значения и пройти мимо мы не можем.

Царь Федор Алексеевич

Алексей Михайлович был женат дважды, и от первого брака у него родилось много детей. Старший сын, в честь отца названный тоже Алексеем, умер сорока семи лет от роду. Двое младших — Федор и Иоанн — пережили отца, и обоим довелось царствовать. Весь вопрос — как? Остались еще шесть дочерей, из которых знаменита лишь одна: Софья Алексеевна. Но о ней после.

В 1676 году Алексей Михайлович умер, оставив престол сыну Федору. Тому было пятнадцать лет. Начало его правления было омрачено грызней между приверженцами его матери Марии Милославской и сторонниками второй жены Алексея Романова Натальи Нарышкиной (матери Петра). Тогда верх взяли Милославские, но, став взрослее, Федор Алексеевич сам отстранил их от престола, приблизив к себе князя Василия Голицына, а также сдружившись с постельничим Языковым и стольником Лихачевым. Это были образованные и для своего времени передовые люди, которых славянофилы тоже несомненно окрестили бы западниками. (Строго говоря, западником был и тишайший Алексей Михайлович, не гнушавшийся приглашать иностранцев для всяких работ, которые свои мастера выполнить не могли.)

Молодой царь управлял государством достаточно мудро: старался упорядочить государственные доходы и воспрепятствовать оскудению казны. Он подтвердил повеление своего отца об отмене так называемых тарханных грамот, в свое время данных монастырям на рыбные, соляные и другие промыслы. Кстати, это первое ущемление монастырских прав многие славянофилы по инерции приписывают Петру. (А кому же еще!) Кроме того, под влиянием умных старших наставников царь Федор Алексеевич пытался произвести разделение гражданских и военных властей, однако это начинание так и осталось проектом.

Военные успехи России при этом государе были невелики, но, по крайней мере, они были! В 1678 году сорокатысячное русское войско вышибло из города Чигирин армию вконец обнаглевшего крымского хана, а спустя год было отбито нашествие того же хана на Киев. Однако настоящего порядка в тогдашней русской армии все равно не было: ссоры воевод меж собою привели к тому, что пока они выясняли отношения (кто храбрее дрался!), крымские войска и пришедшие им на помощь турецкие полки почти без потерь отступили. А ведь можно было разгромить врага полностью и на долгие годы отвалить от набегов на русские земли!

Еще хуже вышло с Польшей. Федор Алексеевич возобновил с нею мирный договор, подписав его на тридцать лет, но при этом уступил вечному сопернику России города Себеж и Велиж, хотя можно было не делать таких уступок...

А еще Федор Романов боролся с роскошью и излишествами. Само по себе намерение похвальное, но как все российские кампании «против», эти реформы все же приобрели несколько карикатурный облик. Так Федор Алексеевич установил для каждого сословия определенный вид одежды (и из чего шить!) и, скажем, число лошадей для выезда. Запрещалось носить дорогое платье, в особенности татарского покроя, а также почему-то шапки (разрешались только треухи). Зато мужчинам велено было носить кафтаны, вместо старинных долгополых охабней. Строго контролировалось, в чем и на чем (на ком) куда выезжать.

Особым пристрастием государя были красивые лошади, он сам имел не менее восемнадцати-двадцати прекрасных породистых аргамаков и всячески поощрял такое же увлечение у бояр. Это увлечение царя оказалось для России полезным: именно тогда у нас возникло несколько конезаводов и стало развиваться отечественное коневодство.

Заботился царь и об украшении Кремля, о разведении садов и защите домов от пожара. Мало кто знает, какие противопожарные меры были приняты в то время: крыши, покрытые тесом, сверху еще посыпали землей и обкладывали дерном.

При Федоре Алексеевиче был составлен проект создания Греко-латинской академии, где предполагалось преподавать грамматику, пиитику (стихосложение), риторику, диалектику и философию. Преподавателями Академии должны были стать монахи и ученые из Греции (тогда говорили «Востока»).

Личные пристрастия молодого монарха были традиционны. Кроме упоминавшихся чистокровных лошадей, он любил охоту, стихи, музыку, особенно вокальную. Он, кстати, распространил в церквях новый стиль пения, введенный патриархом Никоном, но позднее, после опалы Никона, запрещенный.

Больше, увы, об этом царе сказать нечего. Он был некрепок здоровьем и умер двадцати двух лет от роду, толком ничего не успев сделать и завершить. Однако его исторический портрет более или менее ясен: последователь своего отца, бывшего умеренным реформатором, не западник, но и не догматик, понимавший необходимость переустройства тогдашней России, но не имевший сил (а затем и времени) решительно взяться за дело.

Исходя из нашей задачи, зададимся вопросом: мог ли кто-то из окружения Федора Алексеевича счесть последующее правление Петра I разрушительным по отношению к тому, что делал царь Федор и пожелать смерти нового царя?

Ответ однозначный: нет! Во-первых, нечего было разрушать, а, во-вторых, общее направление царствования сына Марии Милославской никоим образом не противоречило тому, что впоследствии делал Петр Алексеевич.

Царь Иоанн Алексеевич

Соправителя Петра, младшего сына Алексея Михайловича и его первой жены, можно было бы, пожалуй, и не упоминать. Однако тут есть два возражения. Первое: воцарение сразу двух государей было первым подобным прецедентом на Руси, сопровождалось страшной кровавой смутой и вызвало «цепную реакцию» дальнейших смут. И второе: при всей невыразительности образа этого исторического персонажа, многие историки отмечают, что Петр

Алексеевич, будучи на шесть лет младше своего единокровного брата, при этом очень его любил. Интересная черта для создания образа самого Петра: настояя на коронации Иоанна, зачинщики смуты ущемили права юного царя, но это никак не отразилось на его отношении к последнему...

Иоанн Алексеевич был мальчиком слабым, косноязычным и, судя по всем описаниям, слабоумным. У него были большие глаза, он плохо видел. Все это вместе помешало ему получить какое-либо образование, а воспитывался он вместе с маленьким Петром, которого, видимо, тоже очень любил.

Когда молодой царь Федор Алексеевич скончался, не оставив наследника (он был женат, и у него родился сын, но умер в младенчестве), не написав на сей счет завещания, бояре оказались в смущении: кого же призвать на царство? Так как при дворе продолжалось и теперь должно было усилиться противостояние Милославских и Нарышкиных, многие опасались резни. А потому, отправляясь в Кремль на совещание, созванное тогдашним патриархом Иоакимом, бояре по большей части надели под кафтаны кольчуги и панцири.

Патриарх разделял общее беспокойство. Он напомнил собравшимся об отсутствии наследника у скончавшегося государя и о том, что его младший брат, хотя ему уже шестнадцать лет, «одержим скорбью и слаб здоровьем». Сказал владыка и о том, что сын Алексея Михайловича от Натальи Нарышкиной десятилетний Петр крепок и здоров. И затем решительно потребовал от бояр решения судьбы государства: «Из них, двух братьев, кто будет наследником российского престола, единый ИЛИ ОБА БУДУТ ЦАРСТВОВАТЬ? (выделено мною. — *И. И.*)».

Спрашиваю и требую, чтобы сказали истину по совести, как перед престолом Божиим, кто же изречет по страсти, да будет тому жребий изменника Иуды!»

Бояре, ежась от холода надетых на рубахи кольчуг, молчали. Никто не решался высказаться первым — ну как тут же вспыхнет раздор! Наконец кто-то предложил вынести решение на суд «всего православного народа». «Всем народом» наименовали, само собою, толпу москвичей, собравшуюся в тот день вокруг Кремля — людям не терпелось узнать, какова же будет судьба престола. Патриарх вышел вместе с архиереями и боярами на верхнюю площадку Красного крыльца и повелел собраться «людям всех чинов» на площади перед церковью Спаса. Народу и так уже было много, приказ патриарха стали передавать из уст в уста, и вскоре несметная толпа загрозила Красную площадь. Владыка Иоаким вывел к народу обоих царевичей и спросил собравшихся о том же, о чем вопрошал бояр, опустив, однако, вариант «или оба будут царствовать» (простому люду такая возможность понравиться вряд ли могла бы). Почти в один голос «люди всех чинов» закричали: «Петру царствовать!» Несколько голосов, правда, крикнули: «Ивану!», но их почти и не услышали. Один из этих протестующих голосов не раз звучал и впоследствии. Об этом голосе речь впереди, а пока нужно закончить рассказ об Иоанне Алексеевиче.

Итак, воля народа была высказана. Но последовавшие за этим страшные события, смуты и бунт стрельцов привели к тому, что уже по боярской воле Иоанн был провозглашен «вторым царем», а по малолетству его и царя Петра регентшей при них стала старшая дочь Алексея Михайловича царевна Софья Алексеевна.

Интересны воспоминания иностранцев, бывавших в то время в России и видевших Петра еще десятилетним мальчиком, которого лишь называли царем, которому было еще далеко до будущей державной власти, но его сила, ум и яркий характер обнаруживались уже тогда.

Летом 1683 года на приеме в Кремле побывал секретарь шведского посольства Кемфер. Он оставил такую интересную запись:

«В Приемной палате, обитой турецкими коврами, на двух серебряных креслах под иконами сидели оба царя в полном царском одеянии, сиявшем драгоценными камнями. Старший брат, наклонив шапку на глаза, опустив глаза в землю, никого не видя, сидел почти неподвижно; младший смотрел на всех; лицо у него открытое, красивое; молодая кровь играла в нем, как только обращались к нему с речью. Удивительная красота его поражала всех присутствовавших, а живость его приводила в замешательство степенных сановников московских. Когда посланник подал верующую (верительную) грамоту и оба царя должны были встать в одно время, чтобы спросить о королевском здоровье, младший, Петр, не дав времени дядькам приподнять себя и брата, как требовалось этикетом, стремительно вскочил со своего места, сам приподнял царскую шапку и заговорил скороговоркой: «Его королевское величество, брат наш Каролус Свейский здоров ли?»^[10]

На происшедшие затем в России события, равно как и на политику двора, царь Иоанн никакого влияния не оказывал, да и не пытался оказывать. Его слабоумие и общее болезненное состояние мешали ему хотя бы как-то себя проявить. После приснопамятных событий 1682 года его имя практически не упоминается в истории, разве что рядом с именем Петра, вместе с которым Иоанн присутствовал на официальных государственных приемах. Скорбный умом царь дожил без малого до тридцати лет и скончался.

Не стоит даже задаваться вопросом, имел ли он сторонников, которых огорчило и разгневало воцарение Петра и его реформы...

Но рядом с бледной фигурой слабоумного встает другая, достаточно мощная и мрачная, о которой, честно сказать, много говорить не хочется, но придется.

Царевна Софья Алексеевна

Всего не странно, что некоторые настроенные к Петру I негативно историки, противопоставляют ему царевну Софью. Их право предполагать, что она бы правила лучше. Но странно другое: ее упорно нарекают поборницей старых русских устоев, противницей западного влияния и чуть ли не радельницей Православия.

Между тем, если судить по делам (а по чему же еще?), Софья Алексеевна как раз была западницей, сторонницей реформ, возможно, куда более резких, чем те, которые осуществлял Петр, а образ ее жизни был весьма далек от положенного по Домострою.

Родилась Софья Алексеевна в 1657 году, и среди тринадцати(!) детей Алексея Михайловича и Марии Милославской (четырёх сыновей и девяти дочерей) она оказалась самой здоровой и смысленной. Остальные или умирали в младенчестве, или вырастали болезненными, как Федор Алексеевич, не говоря уж об Иоанне.

Воспитанием детей Алексея Михайловича занимался знаменитый Симеон Полоцкий, и он много раз отмечал, что Софья усваивает грамоту и другие познания куда скорее того же Федора. При этом, рано лишившись матери, девочка росла замкнутой и неласковой. Вероятно, она любила отца, но эта любовь была омрачена повторной женитьбой царя на красавице Наталье Нарышкиной. Молодую царицу, которая была лишь немногим старше ее, Софья пламенно возненавидела, и эта ненависть в полной мере перешла потом на юного Петра.

Наталья Кирилловна была обаятельна и нежна, образованна не хуже Софьи, к тому же под влиянием своих братьев выросла современной, чуждой пережитков девушкой. В словах, поведении, иногда даже в одежде она позволяла себе многое такое, от чего мамушки-нянюшки кремлевских палат только руками всплескивали. Надо думать, царевне Софье хотелось бы вести себя так же, но ее положение отличалось от положения царицы, бесконечно любимой государем, а значит, приходилось только сжимать кулаки...

От природы Софья была чрезвычайно честолюбива, она с детства мечтала о власти, сознавая себя лучшей, самой умной, самой развитой, самой... Но при этом она была женщиной и знала, что на Руси нет традиции передавать трон наследнице, а не наследнику, что буквально выводило ее из себя.

Грех предполагать такое, но возможно Софью обрадовала ранняя смерть ее брата Федора. Это означало, по ее мнению, что власть должна перейти к слабоумному Иоанну, а в этом случае она, став регентшей при нем, получит в свои руки власть почти неограниченную — какой там из Иоанна царь?!

И вдруг народ, призванный патриархом на Красную площадь, единогласно избирает царем десятилетнего Петра! Это означало крах честолюбивых мечтаний.

Однако Софья и не подумала сдаваться. Действовать она начала сразу и со всей своей непреклонной решительностью. Воспользовавшись тем, что Наталья Кирилловна увезла маленького Петра из храма сразу по окончании панихиды по усопшему Федору Алексеевичу и не поехала с ним на погребение, Софья принародно подняла крик, объявляя, что царь был отравлен... Вне сомнения, она так не думала, но рассчитала точно — народ заволновался.

Когда же Петр был избран царем, крику было еще больше. «Наш брат Иоанн старший, — кричала Софья народу, — а его не избрали царем!

Если мы провинились в чем перед вами и боярами, то пусть нас пошлют в чужие края, к христианским королям!» Вот вам и поборница Православия... К каким же, интересно, королям собралась Софья Алексеевна? Само собою, она никуда не собиралась. Ей важно было посеять семена смуты, и она это делала виртуозно, нисколько не задумываясь, как опасна смута и раздор в любой стране, а уж в той, которую столетиями терзали противостояния и бесчисленные войны, смута может оказаться источником разрушения. Плевать! Софья хотела власти и шла к ней в прямом смысле по трупам.

Могущественная партия Милославских, противников Нарышкиных, оказалась достойной союзницей Софьи. Пустили слух, что Иван Алексеевич тайно задушен в Кремлевских палатах, и об этом тотчас объявили стрельцкому войску, на которое Милославские имели большое влияние. Правда стрельцам тотчас показали вполне живого Ивана, и он сам сказал, что никто его не изводит и ему не на кого жаловаться. Но это уже не подействовало. Сторонников Нарышкиных объявили изменниками, не утруждаясь вникнуть в то, кому, в чем и как они изменили.

Вспыхнул бунт. Стрельцы бросились к Грановитой палате Кремля, чтобы расправиться с ненавистными приверженцами Нарышкиных. На глазах Натальи Кирилловны, вышедшей на крыльцо вместе с десятилетним Петром, были зверски убиты князь Михаил Юрьевич Долгорукий и друг царицы старик Матвеев, которого буквально вырвали из ее объятий.

Стрельцы стаскивали бояр с крыльца, кидали на пики и потом в прямом смысле рвали на части и таскали по улицам их бьющиеся в агонии тела, крича при этом: «Боярин едет! Дайте дорогу!»

Все, кто был очевидцами этих событий, отмечали, что юный Петр держался с удивительной твердостью, не выказав никакого страха. Но разве могли эти страшные сцены никак не отразиться на психике и характере государя? Вряд ли кто-то заспорит, утверждая, что они изменили характер Петра в лучшую сторону...

Двух убийств озверевшим стрельцам показалось мало. Они врываются в палаты Кремля, вытаскивали оттуда родственников и сторонников царицы и бросали их на копья, а потом рубили бердышами на части. Боярина Афанасия Нарышкина изрубили прямо на паперти церкви Воскресения...

Более всего бунтовщикам хотелось расправиться с любимым братом Натальи Кирилловны Иваном Нарышкиным, который был главной опорой сестры и имел большое влияние на бояр. (Нетрудно догадаться, кто именно объявил его главным «изменником»).

Бояре в Кремле уж не надеялись на свои колючуги, тряслись от страха и умоляли царицу выдать стрельцам брата. А более всех усердствовала царевна Софья, уговаривая Наталью Кирилловну пожертвовать одним человеком, дабы спасти многих, в том числе, возможно, и юного Петра. Дело решил сам Иван Кириллович. С необычайным мужеством он объявил, что готов выйти к стрельцам. В церкви Спаса он причастился и соборовался, а потом просто и с достоинством попрощался с сестрой. Все та же Софья услужливо подала царице образ Богородицы, которым Наталья благословила брата. Он взял образ и, прижав его к груди, спокойно вышел к толпе. Сцену его убийства летописец излагает столь красочно, что процитировать даже часть ее не поднимается рука.

После всех этих событий, спустя целых десять дней, собралась наконец Боярская дума. (Где она раньше была?) И на ее совете решено было короновать обоих наследников, и Иоанна, и Петра, причем Иоанн назывался «первым царем» (не совсем понятно, что сие значит). Регентшей, или по-русски правительницей до совершеннолетия царей сделалась Софья, как ей и мечталось.

Но мечтала она и дальше, а дальше не выходило. Если бы при Иоанне она царствовала бесконечно, то Петр явно не должен был «засидеться» в несовершеннолетних. И Софья стала теперь уже думать о смерти брата.

Между тем Россия на какое-то время и в самом деле оказалась в руках Софьи. И наша задача, коль скоро мы рисуем объективную картину происшедшего, не поддаваться эмоциям, даже после описания стрельцкого бунта, а объективно рассудить, как распорядилась властью честолюбивая дочь Марии Милославской.

Князь Василий Голицын

Говорить о правлении царевны Софьи невозможно, не упомянув ее фаворита, князя Василия Васильевича Голицына.

Интересно, что некоторые историки-западники называют его «духовным предшественником Петра». Трудно с этим согласиться, но бесспорно одно: князь считал себя западником.

Любовником царевны Софьи честолюбивый князь стал явно не по страстной любви. Тут надо бы оговориться, что облик Софьи историки рисуют поразному. Одни, ссылаясь на современников, называют ее красивой, другие, опять же приводя мнения видевших Софью людей, говорят о ее золотушной коже, резковатых чертах и т. д. Известная гравюра Блотелинга изображает женщину средних лет, в царской короне, со скипетром в руках. Портрет

заказной, стало быть, идеализированный. Но и на нем изображена не красавица. Довольно тяжелое лицо, небольшие глаза, чрезмерно высокий лоб, массивный подбородок.

Словом, влюбиться, конечно, можно в кого угодно, но едва ли красавец и женский баловень Василий Васильевич выбрал бы Софью, не будь она правительницей и, как ему мечталось, будущей царицей.

Князь слыл западником не из-за каких-либо проведенных им реформ, скорее, из-за своего образа жизни и, видимо, образа мысли. Он знал латинский, немецкий и польский языки, любил носить европейское платье, свой дом в Охотном ряду обставил роскошной европейской мебелью и украсил зеркалами. Иностранцы, с которыми он много общался, вспоминали, что он часто говорил о реформах, а вот передать его слов никто не сумел — вероятно, красноречие князя затмевало суть того, о чем он говорил.

Софья влюбилась в Василия Васильевича без памяти. Она готова была делиться с ним вожденной властью, а он, судя по всему, просто использовал доброе отношение правительницы, надеясь, что ее позиции окажутся прочны.

В октябре 1683 года правительница назначила князя «царственные большие печати и государственных великих посольских дел оберегателем». Буквально это означало назначение главным дипломатом России.

И Василий Васильевич тут же принялся за дело. В первую очередь он отправил посольства в Стокгольм, Варшаву, Вену и Копенгаген. И везде послы от имени правительницы и обоих царей (!) объявляли, что Москва подтверждает все существующие договоры. Это означало признание всех воистину грабительских захватов русских территорий, на которых жили миллионы православных русских людей! Наилучший «подарок» получил король Швеции Карл XI: Москва подтвердила правомочность Кардисского договора, отрезавшего от России Балтийское море. То есть царевна Софья, с подачи Василия Голицына, устами русских послов дарил алчным соседям все, что они украли у России, отказываясь от идеи объединения русских земель, православного населения, от борьбы за выход к морю. Таким образом, считают историки — «западник» Голицын признавал отделение Московского государства от Западной Европы, значит, заведомо ставил его на третье место, после «великих держав» (это уже напрашивается современная терминология!).

Запад оценил угодничество Москвы, которую втайне продолжал бояться. Правда, помогли обстоятельства: Австрия, Польша и Венеция заключили Священный союз против Турции и стали настаивать на участии в этой коалиции России — ей нужно было отвлечь на себя крымского хана, дабы тот не оказал туркам военной помощи.

Князь Голицын принял предложение, требуя за это признания «вечного мира» с Польшей. (Князь, князь! И когда же вы слышали, что в этом мире есть хоть что-либо вечное?..)

На Крым Голицын ходил два раза. В первый раз летом 1687 года.

Вначале поход шел гладко, по пути к войску присоединились казаки во главе с гетманом Самойловичем. Тот, правда, не очень верил в победу Голицына над турками и до того пытался отговорить Софью от такого похода. Но она свято верила в полководческий гений Василия...

Однако до Крыма войско не дошло. На протяжении многих верст степь горела. Кто-то предположил, что ее подожгли татары, но потом пошли слухи, что это сделали казаки, недовольные затянувшимся и бесплодным походом. Голицын сместил Самойловича и заставил казаков избрать нового гетмана. Им стал печально известный в последующей истории Мазепа. Не то, чтобы он так уж понравился князю. Скорее, понравилась сумма, которую он уплатил за свое избрание — десять тысяч рублей...

А войско прочно засело в степи, далеко не дойдя до Крыма. От огня, голода, вспыхнувшей эпидемии погибли сорок тысяч человек. И это не приняв ни единого сражения!

Неудача этого похода воочию обнаружила слабость России и вдохновила крымского хана возобновить набеги на Украину. Орды татар подступали к Киеву, угрожая захватить и разорить его.

Софье ничего не оставалось, как отдать приказ готовиться к новому походу. Весной 1689 года Василий Голицын вновь выступает во главе войска и ведет его к Крыму. На сей раз он застрял возле Перекопа, потому что из-за дурной организации похода обозы отстали от армии на несколько дней, и солдаты стали попросту умирать от голода. Князь затеял переговоры с крымским ханом и в результате отправился восвояси, назад в Москву, по дороге с грехом пополам отражая нападения татарской конницы. Итог был все тот же: двадцать тысяч убитых, пятнадцать тысяч пленных. Веселый поход!

Но что было еще веселее, это встречи, которые оба раза ждали Голицына в Москве.

Полководца, откровенно провалившего военные операции, встречали как победителя, более того — как триумфатора, награждая деньгами и чествуя звоном колоколов и пушечными залпами. После второго похода Голицын получил три тысячи рублей, золотой кубок, кафтан, отделанный соболями и расшитый золотом, а также несколько деревень с множеством крепостных.

Народ был в полном недоумении. Поднялся ропот. Истерзанное войско, тысячи погибших, позорные уступки всем, кому можно уступить, бегство от врага, и... триумф?

В Крымских походах князь Голицын оскандалился, а пытаясь завязать дипломатические отношения с Францией, оконфузился, продемонстрировав, ко всему прочему, полное незнание европейской политической карты. В 1687 году он направил двоих послов в Париж, всерьез рассчитывая привлечь Францию к войне против басурманов. На границе с послами возник скандал: таможенники велели им, как то и положено, показать свою обширную поклажу. Оба посла (князя Мышецкий и Долгорукий) наотрез отказались. Выяснилось, что сундуки дипломатов были набиты... соболями и чернобурками! Ехать в Париж и не потрогать русскими мехами? А что дипломаты да князья, Бог с ним! Не зря же работать на Голицына!

В конце концов, князей-фарцовщиков пропустили, и они рьяно взялись за исполнение своей миссии. А заключалась она в том, что от имени главы Посольского приказа князя Голицына, а значит, правительницы Софьи послы предложили Франции вступить в союз с Россией и Австрией и начать войну против Турции. А Турция была давним, традиционным союзником Франции, не говоря уже о том, что австрийские Габсбурги уже не одно столетие являлись злейшими врагами французской короны!.. Можно только представить себе лицо Людовика XIV, когда ему доложили о таком предложении русских дипломатов.

Миссия завершилась полным провалом, и послов выслали за пределы Франции. (Успели они допродать своих лис и соболей или нет, история умалчивает.)

Позиции Москвы пошатнулись не только на Западе, но и на востоке. В 1689 году правящая тогда в Китае династия Цинь вынудила Россию заключить еще один унижительный договор. За много десятилетий до этого русские поселенцы уже освоили Приамурье и вышли к Тихому океану. В основном это были казаки. Но правительство России не имело достаточно сил, а главное, не имело достаточно боеспособной армии, чтобы защитить эти завоевания.

Династия Цинь, очевидно хорошо понимая ситуацию, выдвинула притязания на все земли за Байкалом, хотя китайскими они никогда не были. К городу Нерчинску подошла китайское войско численностью семнадцать тысяч человек. Русское правительство начало переговоры, а точнее, приняло ультиматум захватчиков. Россия отказывалась от приамурских областей и обязалась ликвидировать там все русские поселения.

И это вынужденное, достаточно унижительное соглашение Софья вновь объявила победой, приписав ее снова гению князя Василия — на этот раз гению дипломатическому...

Нарисованная картина говорит о многом. Во-первых, царевна Софья, противница западника Петра, оказала Западу столько услуг, сколько не оказывали ни Лжедмитрий, ни Мазепа вместе взятые. Во-вторых, при всем своем уме и способностях, на поверку правительница оказалась самой обыкновенной женщиной: ее страстная любовь к князю Голицыну помешала увидеть в нем полное политическое ничтожество, а в результате он опозорил Россию за самое короткое время так, что этот позор потом долго надо было «отмывать»...

В народе без устали шептались, что «не стоило власть в бабы руки отдавать».

А между тем Петр Алексеевич, вместе с матерью фактически удаленный из Кремля, живший большей частью в селах Коломенском и Преображенском, рос и мужал, и все чаще стали раздаваться уже громкие голоса, что пора бы передать правление царю. Тем более что свое совершеннолетие государь удержал очень рано: в 1688 году мать женила его на Евдокии Лопухиной, а по тогдашним обычаям женитьба означала полное возмужание. Стало быть, регентство Софьи было уже не нужно, и это понимали все. Семь лет ее правления лишили честолюбивую царевну многих прежних приверженцев.

Тем не менее Софья по-прежнему мечтала о неограниченной власти, но теперь это можно было сделать, только устранив Петра, причем устранив в полном смысле слова — физически. Он был законным государем, Софья не имела прав на престол.

Именно к этому времени, по воспоминаниям современников, относятся первые признаки нездоровья у всегда крепкого и сильного Петра. Приступы бешенства, которых прежде не бывало, можно еще объяснить нервным напряжением, сознанием постоянной смертельной опасности, в которой находился юный царь, страшными воспоминаниями о кровавых ужасах первого стрелецкого бунта. Но обмороки и припадки вряд ли могли стать следствием одних лишь волнений и тревог. Некоторые историки высказывают мнение, что Софья могла подкупить кого-то из окружения царя, и ему в течение некоторого времени добавляли в еду или питье медленно действующий яд. Возможно ли такое? Учитывая «традиции времени» — вполне. Но прямых доказательств этому нет. Поэтому говорить о том, что «первое покушение» на жизнь будущего императора состоялось в период регентства Софьи можно, лишь поставив в конце большой знак вопроса.

«Годны ли мы вам?»

Все ожидали, что повод для открытого конфликта и решительной борьбы с Софьей найдет сам Петр. А так как ситуация действительно напоминала пороховую бочку, сделать это было нетрудно.

Однако первый повод для открытого публичного скандала подала сама правительница. Случай, который произошел 8 июля 1689 года, добавляет еще несколько характерных штрихов к портрету Софьи и заставляет задуматься о ее религиозном сознании.

В этот день состоялся крестный ход, и, как принято, вслед за процессией священников двинулись с иконами два молодых государя. Софья, тоже с иконой в руках, поравнялась с ними и пошла вровень, вызвав изумление и ропот даже среди своих сторонников — по тогдашним (да и по теперешним!) понятиям это было неслыханно... Петр сперва негромко потребовал, чтобы сестра шла за ним и Иоанном. Софья словно не слышала. Государь повторил свое требование, теперь его слышали все. Но правительница отказалась подчиниться. Щеки молодого царя залились краской, но он сдержался, не стал нарушать священную церемонию, однако в гневе развернулся и, покинув крестный ход, уехал в Коломенское.

Теперь всем стало ясно: решающее столкновение произойдет вот-вот.

Еще одним поводом для открытого размежевания стал второй «победоносный» крымский поход князя Василия Голицына. Софья составила манифест о награждении «победителей». Но утвердить его должны были оба царя. С Иоанном проблем не было. Что касается Петра, то он был отлично проинформирован о действительных «подвигах» Василия Васильевича, о громадных потерях войска, иными словами, о полном провале похода. И Петр впервые пошел на открытую, уже политическую конфронтацию. Он отказался подписать манифест. Начались уговоры и просьбы, а так как по воле именно Софьи молодой царь жил не в Кремле, а в то время в Преображенском, то выглядело все это достаточно унижительно для регентши: ежедневно она отправляла боярские посольства к Петру и даже к ненавистной Наталье Кирилловне, надеясь, что та по мягкости характера уступит и уговорит упряма. В конце концов, Петр уступил, но уступил лишь внешне: он поставил свою подпись под манифестом, однако наотрез отказался принимать Голицына и его свиту, когда князь явился в Преображенское благодарить царя за награды.

Софья была в ярости. Уступать власть правительница не собиралась. Под указами и грамотами она уже подписывалась «самодержица всея Руси». Хотя шаткость своего положения отлично сознавала. Тем более что к внешнеполитическим неудачам прибавились осложнения внутренние.

Основной своей опорой царевна по-прежнему считала стрельцов. Хотя кровавый стрелецкий бунт, приведший ее к власти, мог и самой Софье внушить страх: можно ли доверять войску, которое так легко выходит из-под контроля и впадает в бешеное буйство?

Семь лет, находясь у власти, Софья опасалась стрелецкой вольницы, в которой сама пробудила жажду крови и разгула. Она понимала, что стрельцы могут стать недругами также легко, как стали союзниками.

И вот, в канун решающего момента, когда назревала последняя схватка за власть, именно со стрельцами у правительницы возник конфликт.

Начальник войска Иван Андреевич Хованский находился под большим влиянием тогдашнего главы московских раскольников Никиты Пустовята. Хованский требовал от Софьи организовать прилюдные споры о вере. Но она была воспитана на никонианских церковных правилах, к тому же в государстве, где и так было слишком много поводов для народного недовольства, только споров о вере и не хватало... Хованский имел громадное влияние не только среди стрельцов, но и среди бояр, и правительница боялась его. А потому поступила чисто по-женски: устроила коварную провокацию. Никита Пустовят был приглашен в Грановитую палату для беседы о вере с самим патриархом. Возник спор, спорящие стали бурно жестиковать, и вдруг Софья, вскочив со своего места, призвала охрану. Она заявила, будто священник ударил патриарха. Правда, стрельцы не решились схватить Пустовята, и он покинул Кремль, но спустя несколько дней был схвачен и казнен по обвинению в покушении на владыку.

Князь Хованский был разгневан, и царевна поняла, что уже не может положиться на него. Впрочем, это, скорее всего, и входило в ее планы. В ту пору у правительницы возник новый роман: разочаровавшись, видимо, в Голицыне, она увлеклась боярином Федором Шакловитым. Этого чернوبرового красавца правительница прочила сделать командиром стрельцов. А для этого Хованского нужно было устранить. Снова сработал заговор. Под каким-то предлогом князя заманили в Коломенское, якобы для конфиденциальной беседы с правительницей, и там он был убит.

Видимо, этот шаг был тактическим просчетом Софьи. Вступив в любовную связь с Шакловитым, она потеряла поддержку Голицына, который, несмотря на свои политические промахи, был все же умным и достаточно порядочным человеком, по-своему преданным царевне. Пошатнулась и вера в Софью среди стрельцов — многие не простили ей убийства Хованского, равно как не могли забыть крымских походов.

Накануне роковых событий осени 1689 года Софья, выходя из храма, спросила склонившихся перед нею стрельцов: «Годны ли мы вам?» Ответом было молчание...

И при этом все чаще и чаще царевне говорили, что народ склоняется к мысли о необходимости утвердить на царстве Петра.

Два откровенных убийства — священника и командира стрельцов — сошли правительнице с рук, и она решилась на убийство брата.

В ночь с 7 на 8 августа в Кремле было прочитано подметное письмо, где говорилось, будто «потешное войско» царя Петра (об этом войске речь впереди) идет к Кремлю, чтобы убить Софью, ее приближенных и царя Иоанна. Стрельцов поставили под ружье, установили охрану Кремля и создали еще один отряд в триста человек, которых Софья думала двинуть на Преображенское, чтобы захватить Петра врасплох. Правда, стрельцам толком ничего не объяснили, но многие догадались. А двое, поняв, в какое грязное дело их втягивают, помчались в Преображенское.

О том, что Петр и не мыслил вести своих «потешных» к Кремлю, говорит уже тот факт, что стрельцы застали его спящим. Получив тревожную весть, государь спешно, подхватив свою одежду, бросился в одной рубашке на крыльцо, вскочил на коня и поскакал к Троице-Сергиеву монастырю. Оделся уже в пути, во время краткой остановки, а утром 8 августа уже был в безопасности, за неприступными стенами Троицы. К нему спешно приехали основные его сторонники, среди которых оказался и князь Борис Алексеевич Голицын, двоюродный брат Василия Васильевича, разжалованного фаворита царевны. Это был дальновидный и умный человек, сумевший фактически возглавить борьбу сторонников царя с Софьей.

Немного позже в Троицу приехала и царица Наталья Кирилловна, так что Петр мог уже не опасаться за нее.

Прошло пять дней. В полной растерянности, не зная, что предпринять, Софья решила направить к Петру посольство, чтобы уговорить вернуться в Москву. Она стремилась уверить брата, что никакая опасность ему не угрожала, а все были лишь глупые домыслы легковерных стрельцов. Однако Петр помнил печальный опыт князя Хованского, однажды поверившего Софье, да и мудрых советчиков у молодого царя было немало. Не отвечая на Софины послания, он отправляет указ всем стрелецким начальникам прибыть к нему в монастырь. Софья под угрозой смерти запретила им слушаться, но видела, что они могут на сей раз выбрать не ее волю...

«Самодержица» направляет в Троицу одно посольство за другим. Послы уезжают и... не возвращаются. И не потому, что с ними приключается что-либо дурное: они просто-напросто не возвращаются к Софье, понимая, что ее игра проиграна. Царевне было это отлично известно.

И тогда правительница просит отправиться на переговоры человека, которого Петр не мог не принять и не выслушать — самого патриарха Иоакима. Царевна знала, что при всем своем вольнодумстве ее брат человек верующий и не укажет владыке на дверь.

Иоаким уехал в Троицу и тоже не вернулся оттуда, открыто приняв сторону молодого царя. В этом он проявил последовательность: ведь еще во время роковых событий 1683 года, когда решался вопрос с выбором царя, владыка фактически высказался в поддержку Петра и благословил его на царство, когда тот был избран народом.

Это уже был провал. Однако Софья все еще продолжала на что-то надеяться. 29 августа она сама отправилась к монастырю, возможно, уже искренне желая до поры до времени пойти на мировую с Петром.

В десяти верстах от Троицы навстречу ей показался небольшой отряд. То ехал в сопровождении охраны боярин Иван Троекуров, один из тех, кого в течение этих роковых дней Софья Алексеевна посылала на переговоры к брату. Троекуров, равно как и патриарх, остался с царем, и теперь был им послан сообщить царевне, что ее не пустят за стены монастыря.

«Велено тебе назад воротаться, а иначе и с тобой нечестно обойдутся»¹¹¹.

Можно только представить себе, в каком бешенстве находилась «самодержица всея Руси»... В Кремль она приехала, не помня себя от ярости, а тут еще вскоре явился посланный от Петра с требованием выдать царю на суд Федора Шакловитого, как главного зачинщика несостоявшегося царевичества. Софья окончательно разъярилась и приказала... отрубить голову посланному, как будто он был в чем-то виноват.

Попытки царевны найти поддержку среди бояр, торговых и посадских людей не имели успеха. Она созывала народ на площадь, обращалась к старым стрельцам, на которых особенно надеялась, напоминала о своих заслугах: «Всем вам ведомо, как я эти семь лет правительствовала... учинила славный вечный мир с христианским соседним государством, а враги креста Христова от оружия моего в ужасе пребывают».

При последних словах иные из стрельцов начали усмехаться в бороды. Это какие же «враги креста Христова» пребывают в ужасе? Турки, что ли, или, может, татары? После провала двух подряд крымских походов князя Голицына, в которых Россия потеряла за два года семьдесят пять тысяч человек, после фактического бегства от татарской конницы, с чего бы это врагам пребывать в страхе? Едва Киев не взяли, южные области России грабят и грабят безо всякого стыда, а государыня говорит, что навела на них страху... А «вечный мир», заключенный в ущерб российским интересам, вызывал только досаду. Зато уж сколь много за свои «подвиги» наград получил славный князь Василий Васильевич, сколько душ крепостных ему было передано, сколько соборей да золота, да денег из казны!

Нет, и служилые люди, на собственном опыте увидавшие несостоятельность правительницы, и бояре, которым шаткость положения правительства и бесконечность противостояния уже начали внушать страх, и купечество, которое от всех «политических успехов» Софьи приобрело лишь право торговать китайским чаем после того, как Россия потеряла с такими трудами обжитые приамурские земли, — все они уже убедились, что поддерживать такую власть недальновидно.

Один за другим, тайно или открыто, Софья покидали прежние сторонники и уезжали все туда же — в Троице-Сергиев монастырь, к молодому царю, на которого теперь возлагали все надежды.

Росло и возмущение стрелецкого войска. Кстати, многие историки, вольно или невольно искажают события, стараясь представить всех без исключения стрельцов стойкими противниками царя. Но это далеко не так. Прежде всего, стрельцы были недовольны Федором Шакловитым и вскоре после провала Софьиной поездки в Троицу потребовали, чтобы она подчинилась указу царя и выдала ему Шакловитого с сообщниками. Вряд ли можно сравнивать в данном случае чувства Софьи с тем, что семью годами раньше пришлось пережить по ее вине Наталье Кирилловне, но определенная параллель все же напрашивается. Тогда, в дни кровавого бунта, спровоцированного честолюбивой царевной, царице Наталье пришлось благословить и проводить на лютую смерть любимого брата Ивана Кирилловича. Теперь Софья была вынуждена отдать на суд и казнь милого ее сердцу любовника. И все, что происходило, происходило опять же по ее вине...

Впервые за все время противостояния Софья сдалась. Шакловитый и его приспешники были под охраной отправлены к царю. Бравый стрелец оказался на поверку слаб: на дыбе, после первых же ударов кнута, он сознался, что замышлял убийство царя, и выдал всех заговорщиков.

Петру тогда впервые пришлось присутствовать при пытке, и, видимо, ему это стоило немалых усилий. При всей жестокости времени, при том, что такие вещи воспринимались как естественная реакция на измену и бунт, чувствительная натура молодого царя не могла принять этого. Когда решалась участь заговорщиков, государь неожиданно заявил, что не хочет казнить Шакловитого и его сообщников. Убедить его удалось лишь патриарху Иоакиму. Престарелый владыка сумел внушить Петру, что достаточно один раз проявить слабость и не покарать виновных в измене, и многим станет повадно изменять. Будущее доказало царю: патриарх был прав. И все же Петр согласился осудить на смерть только троих заговорщиков — самого Федора и двоих его ближайших помощников.

Стрельцы были злы на Шакловитого, и некоторые из тех, что перешли на сторону царя, стали требовать, чтобы его перед казнью подвергли жестокой пытке. Петр отказал им, на лице его при этом читалось отвращение.

От побежденных противников нужно было избавиться, однако если царевна Софья предпочитала физически устранять своих врагов, то Петр считал невозможным посягать на жизнь сестры. Она была отправлена в Новодевичий монастырь.

Весной 1698 года произошли новые стрелецкие волнения, разгорелся новый бунт, расправляясь с которым царю пришлось уже куда жестче и суровее. Многих зачинщиков и участников пришлось казнить.

Часть историков утверждают, что Софья не принимала участия в подготовке этого бунта. Факты, однако, говорят об обратном. Не имея возможности встретиться с руководителями заговора, опальная царевна писала им письма, в чем многие из них позднее признавались на допросах, подстрекала к восстанию, видимо, думая, что бунт сметет еще не укрепившуюся власть Петра, и народ придет молить ее вернуться на царство.

Однако, несмотря на свое, хотя и косвенное участие в заговоре, Софья не испытала новых притеснений. Ее не сослали в отдаленную обитель, не усилили охрану — теперь ее поражение было окончательным. Вскоре она добровольно приняла постриг и прожила оставшиеся годы под именем инокини Сусанны.

Ее фаворит князь Василий Голицын был отправлен в ссылку, что, скорее всего, было наказанием не только за сообщничество с Софьей, но и за крымские походы, и за позорные договоры с Западом.

Князь Борис Алексеевич Голицын, очень много сделавший для победы государя в его противостоянии с «самодержицей», к его чести не побоялся просить Петра о смягчении участи родственника. Но ему было сказано, что участь князя и так оказалась мягкой, в сравнении с теми провинностями, которые за ним числились.

Петр Алексеевич, тоже к его чести, не разгневался на просителя, и тот, без сомнения, получил бы новую высокую должность при дворе, однако на него ополчилась царица Наталья Кирилловна: ей было неприятно, что приближенным государя окажется родственник ненавистного Голицына, а тут он еще и посмел просить за Василия... В результате Бориса Алексеевича оставили в должности начальника одного из приказов.

6 октября 1689 года Москва огласилась звоном колоколов. Во главе огромного торжественного кортежа, состоявшего из бояр, стрельцов, потешных людей, государь Петр Алексеевич возвращался в свою столицу. Его встречали толпы людей. Недовольные правлением «самодержицы всея Руси», москвичи были искренне рады законному царю. При этом формально все равно оставалось два царя: Иоанн, о котором в официальных бумагах постоянно забывали иностранные дипломаты, никогда не бывал забыт Петром. На всех церковных праздниках и дворцовых церемониях его скорбный умом брат появлялся в парадном царском одеянии и по-прежнему вместе с Петром подписывал все государственные документы. Надо думать, отношения между братьями тоже оставались дружескими — Иоанн был недалеким, но добрым человеком, никому не делал зла, и никому не мешал.

Стоит ли описывать так подробно противостояние царевны и ее брата? Об этом уже немало написано и сказано, только акценты у разных историков расставляются по-разному. И по сей день многие из них сожалеют, что победа тогда не досталась Софье. Особенно забавно, когда Софью, откровенную приверженку Запада, поднимают на щит славянофилы...

Однако для нашей цели этот исторический момент весьма важен. Ведь если мы хотим обосновать возможность убийства, нужно выяснить все причины, которые могли к нему привести.

Итак, могло ли у кого-то в России возникнуть недовольство от воцарения Петра? Да, конечно, если рассматривать партию его противников. Но она была устранена, и спустя тридцать пять лет вряд ли вблизи царя мог оказаться кто-то из ее последователей. Народ, как видим, был недоволен Софьей и обрадовался Петру. Его приход к власти был абсолютно законным, законным изначально, поскольку он был избран народом при поддержке бояр и патриарха, и лишь потом возникшая смута привела к воцарению второго претендента, заведомо неспособного управлять страной.

Что все это означает? Только то, что тогда, в конце восьмидесятых годов XVII века, в России не могла возникнуть сила, последовательно стремившаяся к устранению государя, а стихийный стрелецкий бунт оказался страшен лишь для самих стрельцов.

Запад? Ему пока что было неясно, что означает восход на русском небосклоне этой новой звезды.

Правда, некоторые иностранные дипломаты в Москве быстро сообразили, что события предстоят необычайные. Голландский резидент ван Келлер писал в своем донесении уже в октябре 1689 года: «Как царь Петр обладает выдающимся умом и проницательностью, обнаруживая в то же время способность завоевывать преданность к себе. Он отличается большой склонностью к военным делам, и от него ожидают героических деяний, и поэтому предполагают, что настал день, когда татары обретут своего истинного вождя»^[12].

«Татарами» господин посол в этом донесении именует нас, русских. Сразу вспоминается герцог де Сюлли и его высокомерные рассуждения о том, как нужно указать России на ее место, и ежели она заупрямится, «отбросить ее в Азию». Ну ладно, простим... Тем более что спустя очень короткое время «татары» воочию доказали Западу, как опасно мыслить старыми стереотипами.

На небосклоне всходила звезда новой, великой России.

Склонность к военным делам

Спустя двадцать лет, когда Россия выиграла Северную войну, многие на Западе, ломая руки, недоумевали: как, каким образом за такое короткое время страна, которую считали столь отсталой, сумела создать армию, способную не просто противостоять лучшим армиям Европы, но и громить их...

Стоит вспомнить, как начинал Петр Алексеевич свою «воинскую карьеру», и как рождались первые его полки, затем и на долгие времена элитные полки русской армии — Семеновский и Преображенский.

Возможно, первой причиной, побудившей юного царя еще в пору его «ссылки» заняться «марсовыми потехами», было осознание постоянной опасности, исходившей из Москвы. Он сознавал, что «любезная сестрица» Софья намерена его убить, и понимал, что ему придется защищаться.

И все же не страх заставил его думать о создании новой, мощной и совершенной армии — для защиты хватило бы просто пары преданных полков, были бы они вооружены и накормлены. Но Петр, наделенный удивительным, «государственным» складом ума, рано начал понимать, что России, окруженной реальными врагами и беззащитной перед ними, нужна новая, современная армия. В этом убеждал и печальный опыт дипломатии и военных походов «западника» князя Голицына.

Из своих «потешных» людей юный царь постепенно формировал боевые полки, которые получили затем названия по селам, в которых оказались расквартированы. Семеновцы и преобразенцы вместе с государем учились управляться с оружием. Сам Петр, по выражению историка Н. Н. Молчанова, «проходил солдатскую науку с самых азов, начиная с барабана». Позднее потехи ради государь не раз веселил себя и приближенных игрою на барабане.

Село Преображенское усилиями царя превратилось за короткое время в хорошо укрепленный воинский гарнизон. Причем военным делом здесь занимались серьезно и подолгу — Петр не давал поблажки и отдыха ни себе, ни другим, формируя, ко всему прочему, отменную воинскую дисциплину.

Многие из историков (даже и западников, как, например Соловьев), говорят об этих занятиях юного Петра с некоторой снисходительностью — «государевы игрушки!» Но это были не игрушки, а, если хотите, рабочие макеты будущих профессиональных армейских подразделений.

Н. Н. Молчанов, подробно изучивший этот период жизни юного царя, так описывает его любимые упражнения:

«Все началось с детских игр в войну, к которым Петр привлекал детей бесчисленной челяди, жившей при дворе. Когда Софья выжила Петра с матерью из Кремля в Преображенское, то просторы для «потех» расширились. Уже вскоре образовались два батальона по 300 человек, которые в начале 90-х годов преобразовали в полки. Почти ежедневно Петр проводил военные учения — эскерциции под руководством иностранных офицеров. Сержанты же были русские. Сам Петр тоже имел сначала чин сержанта. Впоследствии из потешных вышли фельдмаршалы Меншиков и Голицын, много генералов. Здесь потешалось немало детей из знатных семей, наряду с безродными вроде Меншикова. Хотя офицерами были иностранцы, во главе потешных Петр поставил русского — Автонома Головина.

На Яузе построили по всем правилам фортификации настоящую крепость — Пресбург.

И оружие применялось вполне настоящее. В октябре 1691 года при штурме Семеновского Петр получил серьезный ожог от близко разорвавшейся гранаты. Подобным образом пострадал генерал Гордон. Это случилось во время первых крупных учебных сражений в районе Преображенского и Семеновского, продолжавшихся несколько дней, с участием более 10 тысяч человек. Сражались две «враждебные» армии: во главе первой, состоявшей из потешных и регулярных полков — лефтортовского и бутырского, стоял «прусский король» генералиссимус Фридрих (им был князь Федор Юрьевич Ромодановский). Противник выступал во главе с «польским королем» Иваном Ивановичем Бутурлиным, под началом которого были старые стрелеческие полки. Им обычно отводилась роль побежденных, что, впрочем, объяснялось не только затаенной неприязнью Петра к стрельцам, но и слабой их военной подготовкой. В боях тогда уже отличился ротмистр Петр Алексеев, взявший в плен «неприятельского» полковника. Были убитые и раненые. Так, от ран скончался князь Иван Долгорукий»^[3].

Правда, с точки зрения профессиональных военных «войны» Петра были больше похожи на массовые спектакли. Генерал Гордон вначале, шутя, окрестил их «военным балетом». Потом, видимо, понял, что в этой юношеской затее много серьезного, и она вовсе не бесполезна. Интересно, что бои устраивались как бы между двумя европейскими армиями — прусской и польской, то есть участвовавшим в них воинам предлагалось почувствовать уровень этих армий.

Петр подвергал своих потешных опасности, но он подвергал ей и себя, причем наравне со всеми. За это семеновцы и преобразенцы прониклись к нему уважением и любовью.

Но два полка — это еще не армия. И умение сражаться на потешных полях — это еще не умение побеждать в настоящей войне. Даже будучи юношей, Петр прекрасно понимал это. Кроме того, если подготовить хорошо обученных солдат можно довольно быстро, и это не так сложно, то куда труднее воспитать настоящих грамотных офицеров, генералов и адмиралов. Где их взять? Где взять тех, кто действительно превратит потешное войско в настоящую, боеспособную русскую армию, которая не станет бегать по степям, спасаясь от татарской конницы? Об этом молодой государь думал постоянно.

А состояние армии российской на тот момент истории было, мягко говоря, не лучшим. Отошли в прошлое великие ратные дружины русских князей, позабыты были подвиги на поле брани. Московское войско и войском назвать было трудно: основной состав — стрельцы, дисциплину которых наилучшим образом продемонстрировал бунт 1682 года, да еще — дворянское ополчение и воеводы, от которых давно перестали требовать храбрости и стойкости. Один из современников Петра Великого с горечью писал о состоянии этой армии: «У пехоты ружье было плохо, и владеть им не умели, только боронились ручным боем, копыями и бердыщами, и то тупыми, и на боях меняли своих голов по три, по четыре и больше на одну неприятельскую голову. На конницу смотреть стыдно: лошади негодные, сабли тупые, сами скудны, безденежны, ружьем владеть не умеют... Иной дворянин и зарядить пищали не умеет, не только что выстрелить в цель; убьют двоих или троих татар и дивятся, ставят большим успехом, а своих хоть сотню положили — ничего! Нет попечения о том, чтобы неприятеля убить, одна забота — как бы домой поскорей. Молятся: дай, Боже, рану нажать легкую, чтоб немного от нее поболеть и от великого государя получить за нее пожалование. Во время боя того и смотрят, где бы за кустом спрятаться; иные целыми ротами прячутся в лесу или в долине, выжидают, как пойдут ратные люди с бою, и они с ними, будто также с бою едут в стан. Многие говорили: дай, Бог, великому государю служить, а саблю из ножен не вынимать!»^[4]

Да уж — грустная картина. Можно было бы считать эти рассказы преувеличенными, но это воспоминания современника событий, человека военного, безусловно, болеевшего о русской армии и грустившего о ее величии. Звали автора этих строк Иван Посошков, и он со временем стал одним из сподвижников Петра в его преобразованиях.

Реформа в армии, притом скорая и очень решительная, была необходима, это сознавали все более или менее умные люди. Но многие историки отмечают в Петре еще одно удивительное стремление: выросши на суше, вдали от моря, он необыкновенно рано понял, что для настоящей мощи России необходим военный флот.

Первым учителем, с которым юный царь стал заниматься математикой, фортификацией, артиллерией, оказался голландец Франц Тиммерман. Он сразу понял, что юноша проявляет к этим наукам огромные способности, и занимался с ним, не жалея сил.

Когда готовилось печально известное посольство князя Якова Долгорукого во Францию, тот перед отъездом встретился с Петром и похвалился, что вот-де, во Франции умеют инструмент делать такой, чтоб расстояние на глаз определять до любого места, к этому месту не приближаясь. Очень полезный в навигацком деле инструмент.

«А ты привези мне такой!» — тотчас потребовал пятнадцатилетний Петр. Долгорукий не позабыл царев наказ и привез ему астролябию. Некоторые историки, описывая этот эпизод, с иронией замечают, что то была единственная польза от поездки князя в Париж...

С тем же Тиммерманом Петр поделился и своей мечтой о настоящем русском флоте. И судьба тут же послала им первый «боевой корабль». В селе Измайлово, в старом амбаре, ученик и учитель совершенно случайно отыскали вдруг большую лодку, конструкция которой удивила Петра.

— Что это? — спросил он Тиммермана.

— Это, ваше величество, английский парусный бот, — отвечал голландец. — Сего бота паруса так устроены, что он может ходить даже против ветра. Судно маленькое, однако, быстроходное и надежное.

Петровский ботик ныне всем знаком. А вот о его происхождении спорят и по сей день. Иные историки считают, что он был подарен еще Иоанну Грозному английской королевой — Елизаветой I. Другие полагают, что бот был выстроен в России голландскими плотниками, строившими корабли на Оке, по повелению Алексея Михайловича.

Так или иначе, суденышко оказалось достаточно сохранным, а небольшие повреждения удалось легко устранить. Однако же по мелководной и узкой Яузе Петру плавать вовсе не хотелось — какое уж тут проверить ходовые качества кораблика! Со свойственным ему упорством Петр принялся искать «большую воду» и вскоре обнаружил в 120 верстах от Москвы великолепное Переяславское озеро.

Испытания бота превзошли все ожидания. Но теперь Петру было мало одного корабля. Вооружившись топором и пилой, засучив рукава выше локтя, юный царь принялся за сооружение настоящей флотилии, чтобы затем устраивать «потешные водные баталии», как ранее в Семеновском и Преображенском научил своих «солдат» штурмовать крепости, вести рукопашные бои, отражать атаки.

Это была игра. Но игра всерьез. А если совсем серьезно — это была по масштабам времени грандиозная репетиция создания будущей русской армии и флота, завоевания будущей сухопутной и морской славы России.

Впрочем, большинство историков еще не видят в этих забавах государя великих замыслов. Один из самых серьезных исследователей петровской эпохи С. М. Соловьев пишет об этом так: «Семнадцатилетний Петр был еще неспособен к управлению государством, он еще доучивался, довоспитывал себя теми средствами, какие сам нашел и какие были по его характеру... великий человек объявился после, и тогда только в потехах юноши оказались семена великих дел»^[5].

Возможно, Соловьев прав. Но ведь, чтобы учиться, доучиваться, воспитывать и довоспитывать себя, нужно видеть цель, ради которой стараешься. А, учитывая цельность характера, которым обладал юный государь, можно быть уверенным — целью его были не одни забавы. Может быть, желания и мечты Петра еще не были оформлены в четко поставленные задачи, скорее всего, так оно и есть. Но он уже имел представление о том, какую страну получил в наследство от предков и их предшественников, и какой он ее хотел бы видеть.

Иностранных обычаев не вводить!

В ту же пору, в пору своей нелегкой юности, государь Петр Алексеевич заложил основы будущего противостояния своего с теми, кто так и не смог принять его идей и реформ. Внутренних врагов, врагов в самой России он стал наживать с того момента, как начал активное и упрямое общение с иностранцами.

О том, что таковое общение было и до него, мы с вами уже убедились. Активно пользовались услугами иностранцев и Михаил Федорович Романов, и тишайший Алексей Михайлович, и Федор Алексеевич. Иностранные мастера, ученые, медики, офицеры. И никто не видел в этом ничего дурного! Даже среди историков-славянофилов практически нет таких, которые бы упрекали в «преклонении перед Западом» предшественников Петра.

О Софье Алексеевне и говорить нечего. Надо думать, доведись ей проводить реформы, они были бы куда более прозападными, нежели реформы Петра, но, можно предположить — куда менее продуманными и полезными. (Если судить по достижениям иностранных «посольств», Нерчинскому миру и других «успехах» ее дипломатии.)

Фаворит Софьи князь Голицын, как уже упоминалось, водил с иноземцами тесную дружбу, одевался по европейской моде, дом украшал завозной мебелью и зеркалами. И ничего. Если это у кого-то вызывало негодование, то так, на минуту. Быстро забывалось.

Отличие Петра в том, что он никогда не подражал Западу и не стремился к тому, чтобы ему подражала Россия. Его задачей было освоить то, что на Западе было более передовым и развитым, внедрить это в русскую действительность и научиться «делать лучше», то есть хотя бы на полшага обойти Европу, чтобы более никогда и ни в чем ей не уступать.

Интересный факт: историки-славянофилы обычно полностью соглашались с тем, что Петр был прав, создавая русские армию и флот по лучшим западным образцам. (Есть и такие, что говорят: «Нам этого было не надо!», но о таких стоит ли вспоминать?..) И при этом, едва речь заходит о светских обычаях, одежде, манерах, все они дружно поднимают крик: «Отказ от самобытности! Подражание чужому!» и т. д. Однако же, как мыслят такие историки разделение: вот в этом можно быть передовым и современным, а в этом вот нельзя... Впрочем, кое в чем они правы: во всем надо знать меру. Петр ее знал не всегда.

Но одно бесспорно. Если бы государь хотел просто уподобить Россию Европе, он бы посадил везде и всюду иностранцев, не утруждаясь посылать за границу на обучение русских, не расхищаясь в лепешку, дабы всему научить своих и сделать их мастерами, военными, учеными лучше «тамошних».

Да, Франц Тиммерман был не единственным иноземцем, с которым государь общался самым тесным образом, однако это общение было нужно Петру в основном в первые годы правления, покуда он постигал (и создавал!) азы современного военного и гражданского управления в государстве.

Главным источником его «зарубежных контактов» стала так называемая Немецкая слобода. «Немцем» в ту пору на Руси звали вообще всякого иностранца, отсюда и название поселения, возникшего еще за столетие до Петра на реке Яузе. А жили там выходцы со всей Европы. Впрочем, первыми здесь поселились действительно немцы-протестанты. Потом объявились голландцы, англичане — в основном то были католики-роялисты, бежавшие из-за гонений приснопамятного Оливера Кромвеля. По причине религиозных гонений приехали в Россию и французы-гугеноты. Различные жизненные потрясения привели в слободу итальянцев, шведов, датчан. Эти эмигранты большей частью были людьми образованными, причем многие владели профессиями, тогда или неизвестными, или позабытыми в России: среди них были и инженеры, и врачи, искусные аптекари и хорошие офицеры. Неистощимый источник знаний и искусств! Кроме того, молодого царя влекло сюда стремление своевременно узнавать, что творится в мире — приезжие жили вовсе не в изоляции: они поддерживали связь с резидентами своих стран, и в Слободу «международные новости» узнавали раньше, чем они доходили до Кремля.

Иностранцы, такие, как упомянутый Тиммерман, стали для Петра первыми учителями, и, несомненно, он испытывал к ним привязанность. Но с некоторыми из них его постепенно связала тесная дружба.

Историки-западники (давно мы о них не вспоминали!) часто противопоставляют обстановку, в которой рос и мужал Петр, в частности и Немецкую слободу, патриархальному быту Москвы, «сонному царству» Кремля, старому укладу, в котором свободолобивому от природы юноше было душно и тесно.

Ну, прежде всего, в период правления царицы Софьи Кремль был Петру не душен, а опасен — отсюда исходила угроза, появляться там было нельзя. Что до «сонного царства», то, положив руку на сердце — а какому юноше шестнадцати-семнадцати лет от роду когда-либо хотелось вести тихую, размеренную, ограниченную строгим укладом жизнь? И вовсе не потому Петр тяготился такой жизнью, что она была связана с православными обычаями и традициями, а потому, что московский придворный этикет, особенно в тот период, действительно казался тяжеловесен и утомителен.

В. О. Ключевский пишет: «Петр ни в чем не терпел стеснений и формальностей. Этот властительный человек, привыкший чувствовать себя хозяином всегда и всюду, конфузился и терялся среди торжественной обстановки, тяжело дышал, краснел и обливался потом, когда ему приходилось на аудиенции, стоя у престола в парадном царском облачении, в присутствии двора выслушивать высокопарный вздор от представлявшегося посланника»¹⁶¹.

Интересно было бы представить себе Петра, скажем, королем Англии, стоящим возле трона в горностаевой мантии, с золотым скипетром, в паричище, на фоне собственного портрета во всю стену, а перед ним — толпу придворных, а впереди всех — какого-нибудь французского посланника, несущего тот же самый вздор, что его коллега в России... Надо думать, государь конфузился и терялся бы там несколько не меньше. И несколько не меньше ненавидел бы английский двор и придворные правила.

Впрочем, иной раз свободолобие царя и его привычка к свободному, без условностей общению действительно сталкивалась с барьером запретов, не всегда преодолимых.

Одним из наиболее уважаемых Петром обитателей Немецкой слободы стал пятидесятипятiletний генерал, родом шотландец Патрик Гордон. Он много лет прослужил в разных странах наемным офицером, в Россию приехал уже на склоне лет и думал, верно, что будет жить спокойно. Но знакомство с юным русским царем изменило жизнь генерала. Одним из первых он приехал в Троице-Сергиев монастырь в тревожные дни противостояния. (И, надо заметить, появление иностранца, иноверца несколько не смутило ни монахов, ни явившегося позднее патриарха — никому не показалось, что присутствие шотландца оскорбляет стены православной святыни!) Конфликт возник позднее.

В 1690 году у государя родился сын, получивший при крещении имя Алексея, и по сему случаю в Грановитой палате Кремля был объявлен праздничный обед. Воспоминания о нелегких днях в Троице были еще свежи, и Петр пригласил на праздник среди прочих гостей и генерала Гордона. К его изумлению против этого категорически выступил патриарх Иоаким. «Не подобает звать к царскому столу иноземца-еретика!» (т. е. католика). Петр глубоко чтил владыку и не посмел с ним спорить. Он отменил приглашение, а чтобы генерал не почувствовал обиды, специально для него устроил на другой день торжественный обед в загородном доме.

Владыка Иоаким был мудрым и разумным человеком, однако его нетерпимость к иноземцам иногда тоже переходила границы. В том, что он призывал русских государей не доверять иностранцам высоких воинских постов, смысл, разумеется, был. На ту пору сама русская армия еще была слаба, неорганизована, и появление в ней инородцев, не знакомых с русскими традициями, могло только внести дезорганизацию и вызвать раздражение. Однако же владыка требовал вообще запретить русским людям общаться с иностранцами, а запретный плод, как известно, сладок. Категорически возражал Иоаким и против ношения европейского платья (возможно, это было одной из причин его нелюбви к князю Голицыну). «Опять напоминаю, — неустанно повторял он, — чтоб иностранных обычаев и в платье перемен по-иноземски не вводить».

Возможно, именно эти постоянные запреты и вызвали у Петра желание как раз носить иноземное платье. Впрочем, скорее всего он носил немецкий камзол, чулки и башмаки потому, что такая одежда была свободной и удобной. Что до парика, который он себе из любопытства тоже купил, то это «украшение» надоело царю после первого же дня носки, и впрямь, даже на самых торжественных приемах и ассамблеях Петр Алексеевич не надевал парика.

Кроме Патрика Гордона и Франца Тиммермана царь сблизился (причем, теснее всего) со швейцарцем Лефортом. Этот человек стал для Петра не только учителем в военном деле, организатором «потешных боев», но и близким, искренне преданным другом. Меж ними была немалая разница лет — когда они познакомились, Петру сравнялось семнадцать, Францу Лефорту было тридцать пять. Но их отношения не стали отношениями ученика и учителя, они именно подружились. Франц был блестящим офицером, служившим в нескольких армиях и затем поступившим на службу в русскую. Он знал несколько европейских языков, сумел, в отличие от многих иностранцев, хорошо овладеть русским. (Правда, писал по-русски латинскими буквами.) Замечательный фехтовальщик, искусный наездник, веселый и отважный. Франц во всем привлекал юного государя, который, в свою очередь, восхищал швейцарца умом, стремительным воображением и взрослой, ненасытной потребностью в знаниях и умении.

Франц знал и умел практически все, что нужно уметь и знать офицеру. Когда строились «потешные» укрепления в Преображенском, он проявил отменное знание фортификации, помог спроектировать не игрушечные, а самые настоящие укрепления, которые могли выдержать настоящую осаду. Разбирался и в морском деле, недаром впоследствии, когда у Петра появляются настоящие армия и флот, Лефорт становится адмиралом, командующим уже не «потешной» флотилией русских военных кораблей, а самой что ни на есть настоящей.

Вместе с Петром они иной раз проводили время и не в военных занятиях, а в веселых развлечениях.

Славянофилы постоянно напоминают о том, что Петр был пьяницей, что пил постоянно, и что пить приучился именно в Немецкой слободе.

Ну, положим, пьяницей государь не был. Что вы там ни говорите и ни пишете, господа — пьянице не удалось бы создать за тридцать лет мощнейшие армию и флот, которым не было равных в Европе, выиграть Северную войну, выстроить город-крепость, потрясший всех европейцев своей красотой (и потрясающий по сей день!), реформировать полностью государственную систему, увеличить многократно доходы в государственную казну, причем не разоряя определенных слоев населения, как померещилось упомянутому выше господину Миллюкову, а просто научившись централизовать доходы и контролировать их.

Да, выпить Петр любил. Но, во-первых, питье хмельного при русском дворе было традицией, притом традицией долгих столетий, и пили «зелено вино» (то бишь хлебное вино, а по нашему водку) большими чарами, с обильною закуской, и хмельные сцены во время русских застолий были совершенно традиционной картиной.

Тем же, кто скажет: «Вот основной русский порок!» — придется напомнить, что по свидетельству историков, в Западной Европе в средние века, в эпоху Возрождения и в те годы, о которых мы рассуждаем, пили еще больше. Кто усомнится, пускай откроет «Декамерон» Бокаччо либо сборник итальянских новелл эпохи Возрождения, либо перечтет пьесы Шекспира, особенно его комедии, прочтает воспоминания современников о пирах французских королей, включая короля-солнце Людовика XIV. Ну а уж за пределами дворцов, где не нужно было соблюдать всяческие куртуазные правила, пить вволю и вовсе не возбранялось.

Да что там! Довольно вспомнить иные высказывания видных европейских деятелей. Известный церковный реформатор Мартин Лютер, не смущаясь, писал: «Германия зачумлена пьянством!» Английский священник Уильям Кет признавался, что иногда вынужден был прерывать воскресную проповедь, чтобы унять прихожан, разгоряченных спиртным, а к концу службы иные из них валились на пол прямо в храм. В XVIII веке, на фоне строгих пуританских законов, в Англии процветало пьянство среди знати. Современники рассказывают, как однажды герцог Норфолкский (примерный протестант!) свалился прямо на улице в таком состоянии, что его приняли за мертвеца... Спикер парламента, знаменитый сэръ Корнуэлл однажды председательствовал, забаррикадировавшись от зала десятком кружек с портером. В одном только Лондоне насчитывалось 17 тысяч пивных!

К слову сказать: парламента в России в XVII веке не было — сравнивать не с чем, но если бы у нас в то время (да и в наше) кто-то попробовал заявиться пьяным в церковь, был бы тут же выдворен. А в те времена еще и отлучен на какое-то время от причастия.

Так что еще один миф, миф о непобудном пьянстве русских, давайте оставим на совести тех, кто его многие десятилетия культивирует. Да, не безгрешны, но не грешнее других... (Что, конечно, не оправдание — будем честны.)

Поэтому утверждать, что Петр приучился пить, именно взирая на нравы Немецкой слободы, было бы ошибкой. Другое дело, что там он чувствовал себя куда свободнее, чем дома, в присутствии строгой матери, и уж куда свободнее, чем прежде в Кремле. И пиры там были естественнее, и можно было шутить, смеяться сколько душе угодно, и дамы не прятались по углам, а охотно общались с мужчинами, танцевали, принимали участие в застольях.

Именно Франц Лефорть познакомил Петра с юной красавицей, купеческой дочкой Анной Моне, которая сыграла в его жизни столь печальную роль. Однако о ней — позднее.

Но влекли юного царя в Немецкую слободу, конечно, не только и не столько гуляния и пиры. В обществе Лефорты, Гордона, Тиммермана он постигал основы общения с подданными, узнавал все, что ему было необходимо.

Характерно, что этим небольшим списком исчерпываются тесные «иноземные» связи царя Петра. Иностранцы никогда не приобретут при его дворе силу и влияние, никогда не вытеснят русских с государственных и военных постов.

Н. Н. Молчанов пишет: «...нелепо было и думать о преобразовании России с помощью одних только иностранцев. Ведь речь шла не о колонизации, а о возрождении величия извечной Руси. Соработников предстояло найти и ВОСПИТАТЬ (выделено мною. — *И. И.*). И они должны были быть русскими, ибо в противном случае народ России совсем не понял бы смысла деятельности преобразователя»¹⁷¹.

Но, несмотря на все это, враждебный Петру лагерь внутри России начал формироваться именно на этой основе. Врагов государя принято называть «приверженцами старых порядков».

Хотя в основе их враждебности, пожалуй, все тот же древний как мир страх — страх потерять власть, утратить нажитое, твердую почву под ногами. Любая реформа, любое преобразование всегда сотрясает общество, колеблет устои, и всегда находятся люди, которым эти потрясения страшны. Это бывает и в случае дурных перемен (но интересно, что тогда недовольных обычно меньше!), и в случае перемен необходимых. У большинства людей сознание устроено таким образом, что человек склонен цепляться за уже существующий порядок, даже если он его не устраивает. Принцип простой: «А вдруг будет еще хуже?» И так как любые перемены всегда заставляют испытывать временные (иногда довольно продолжительные) трудности, неудобства, порой бедствия, люди шарахаются от реформ, ужасаясь им еще до того, как они наступают.

Достаточно вспомнить, сколько в России было противников крепостного права среди... крепостных крестьян! У кого помещики были плохие, жестокие, те, скорее всего, были «за». Но жестоких помещиков, что бы ни писали советские историки, было совсем не так уж много — вспомним, какое потрясение вызвал во всей России судебный процесс по делу помещицы Салтыковой. А если помещик не плох, или хотя бы не так уж плох, то к чему терять устойчивое положение, место, владения, землю, которую можно обрабатывать, будучи уверенным, что никто ее не отберет, потому что она принадлежит барину, а барин за свою землю постоит! Конечно, огромная масса народа обрадовалась «воле», однако голоса «против» звучали еще долго.

Кстати, первым из русских царей, кто стал думать об отмене крепостного права, был именно Петр I. Однако положение в стране и необходимость использовать дворянство, как основную движущую силу реформ, не позволили поставить этот вопрос на повестку дня. Это было еще одним слишком сильным потрясением, которое могло разрушить все прежние социальные отношения и привести к взрыву. Недовольных очень многими царевыми делами и без того оказалось немало.

Итак, можно сделать вывод: уже на заре реформ в России появились люди, а значит, появились силы, готовые оказать сопротивление царю, а значит, при удобном случае, его уничтожить. Но, как мы увидим позднее, это было не так просто сделать.

Спас нерукотворного образа

Почти все историки, неважно — славянофилы или западники, считают непримиримыми врагами государя Православную церковь и ее иерархов. Для такого мнения, по правде сказать, есть немало оснований.

Спокойе веку жизнь русских людей была самым тесным образом связана с православным образом мысли, с православным укладом. Это не было, как пытаются представить историки советского времени, каким-либо духовным насилием. Православие, выражаясь нынешним языком, глубоко соответствовало русскому менталитету. Правда, довольно долго жили на Руси и пережитки язычества, но то были отголоски не религии — института жречества у древних славян не было, и их языческие традиции нельзя называть религиозными. Просто в иных местах сохранялись обычаи предков, которым вольно-невольно противопоставлялись обычаи новые. И все же душа русского народа была с самого начала раскрыта для светлой веры в Бога Воскресшего, для красивой и торжественной религии, пришедшей из Византии. (А не то, как объяснить нынешнее стремительное возрождение православия в России, где его семьдесят лет выжигали каленым железом, обвирали и ошельмовывали как только могли, со всей мощью современной пропагандистской машины?)

Парадокс допетровской России (а о том, что «допетровской» она была не несколько веков, а всего несколько десятилетий, мы уже говорили), так вот один из ее парадоксов заключается в том, что по устоям веры именно тогда был нанесен сильнейший удар, возможно, даже более страшный, чем в советские времена.

При государе Алексее Михайловиче православная церковь разделилась сама в себе. Мы уже касались печальных последствий реформы, проведенной патриархом Никоном. И уже отмечали, что причины, двигавшие Никоном, были отнюдь не разрушительного характера. Он как раз стремился привести церковную службу и традицию в соответствие с традициями византийскими. Но при той государственной неустойчивости, которая осталась после Смутного времени, эта реформа сыграла роль фитиля, поднесенного к пороховой бочке. Возникновение раскола, смертельная вражда, разделившая русских людей, вызвали самые страшные последствия. Вместо призыва к любви и терпению с амвонов (что никонианских, что раскольничьих) стали звучать проклятия. Потребовались долгие десятилетия, чтобы православная церковь, которую расколу все равно не удалось уничтожить, сумела преодолеть и залечить эту духовную рану.

На фоне болезни, которую переживала церковь, развивалась и тогдашняя болезнь общества. Безделье и разврат боярской верхушки — не выдумки советских историков, это действительно имело место быть. Нежелание трудиться для своего Отечества, сребролюбие, лицемерие — много в чем можно было упрекнуть тех, кто по самому своему положению мог и обязан был отдавать России свои силы и умы.

Увы, коснулись эти неприятные явления и церковной жизни. Раскол породил то, с чем верующему человеку всего сложнее бороться: сомнение в вере. Если эти утверждают, что молиться надо ТАК, а те говорят: нет, молись ПО-ДРУГОМУ, то как молиться-то?

Были и среди священников-раскольников и среди никонианцев люди самой пламенной веры, самого искреннего служения. А были и слабые, которым казалось, что строгое, затвердевшее следование догме (той либо другой) может заменить в опустошенных расколом душах настоящую благодать.

Самым догматичным, самым «затвердевшим», в светских ли, в религиозных ли традициях стал московский царский двор. Борьба за власть, предшествовавшая воцарению Романовых, последующее соперничество между Милославскими и Нарышкиными, — все это наполнило величественные кремлевские палаты ядом вражды под покровом лицемерного благочестия. Вряд ли при таком дворе мог удержаться священник, у которого хватило бы духа с этим бороться.

Конечно, к патриарху Иоакиму это ни в коей мере не относится. Высота сана делала его почти недосягаемым для боярского и отчасти даже для царского гнева. Он был человеком строгих устоев и правил, никонианцем по совести, а не по расчету, яростным приверженцем традиций и устоев старой Руси.

Но именно он поддержал юного Петра в его борьбе с царевной Софьей. И дело тут не только в том, что Петр был законно избран народом и боярами. Иоаким не мог не видеть пагубных, с его точки зрения, увлечений царя, его повышенного интереса к Западу, но видел он, конечно, и его искреннюю любовь к России, стремление служить ей. Всего этого не было в честолюбивой и себялюбивой Софье, в умном, но недалеком Голицыне, в боярах, обеспокоенных лишь удержанием власти и привилегий.

Как государь, Петр Алексеевич, несомненно, не раз исповедовался у самого патриарха. А поскольку даже многие историки-славянофилы с неохотой отмечают, что царь был человеком верующим, то владыка Иоаким верил каждому слову его исповеди. Он знал все его мысли и сомнения и знал, что внутренне Петр готов к делам добрым и праведным. (Достаточно вспомнить, как сам патриарх уговаривал царя предать казни изменника Шакловитого!)

Возможно, если бы владыка, со всей его нелюбовью к новым традициям, иностранцам, европейскому платью, прожил на несколько лет дольше, ему удалось бы немного уравновесить бурное стремление Петра к переменам, внести в них более спокойное и разумное начало, обуздать неумный юношеский порыв молодого царя сломать сразу, одним махом мешавшие ему старые государственные устои. И тогда реформа проходила бы спокойнее и безболезненнее, без ошибок и лишнего насилия?

А быть может, наоборот, уважение к владыке не смогло бы удержать государя, противоречия привели бы к столкновению, и тогда... Но история не та наука, в которой стоит принимать во внимание словечко «если». Так или иначе, Иоаким умер вскоре после воцарения Петра, и царю предстояло участвовать в выборе нового патриарха. Симпатии молодого царя были на стороне псковского митрополита Маркела. Это был очень образованный человек, который, несомненно, понял бы стремления государя и оказал ему поддержку.

Однако московской знати и духовенству такой патриарх показался не по душе. Им удалось склонить на свою сторону и мать Петра Наталью Кирилловну. Избран был Адриан, митрополит Казанский, а Маркела признали непригодным по причинам, которые теперь могут вызвать только улыбку: за пользование «варварскими» языками (латынь и французский), за излишнюю ученость и... слишком короткую бороду. Петр не стал спорить, но очень возможно, что его последующее, резкое и недальновидное решение вообще упразднить патриаршество в России было связано с укоренившимся в юности убеждением в реакционности церковной верхушки.

На протяжении всего пути петровских преобразований интересы государя не раз сталкивались с интересами церкви. Когда приходилось снимать колокола, потому что не из чего было лить пушки, когда на работы по прокладке дорог привлекали монастырскую братию. Были священники, которые понимали жестокую необходимость и благословляли действия царя, иные молчали, некоторые за глаза прозывали его еретиком (в особенности за европейское платье и пристрастие к табаку). При всей необузданности нрава Петр старался избегать откровенных конфликтов с духовенством, но со своего пути не отступал.

Мнение о нем, как иерархов, так и простых священников полярно разделялись, как и мнения простого народа. Для кого царь-батюшка, кормилец, царь, отправлявший на учебу в чужие края за государственный счет как бояр, так и холопов — была бы голова на плечах, а для кого — антихрист, губитель, не жалевший людских хребтов ради своей грандиозной работы.

Свой постулат веры Петр Алексеевич выразил раз и навсегда одной фразой: «Ежели кто в Бога не верует, он или сумасшедший, или от рода безумный!» (Если кто думает, что слова «сумасшедший» и «безумный» — синонимы, предлагаю выделить корень в том и в другом. Сшедший с ума, то есть изначально имевший ум, но его потерявший, или без ума от роду. Как точно!)

Много говорят и пишут о петровском «всешутейном соборе». До того много, что не хотелось бы и трогать эту тему. Действительно, карикатурные шутовские попойки ряженных, именуемых псевдоцерковными званиями, выглядят грубо и неумно, и сказать тут можно только одно: так, увы, тогда жили если не все, то почти все, по крайней мере, в Москве. Кто-то изображал благочестие, и очень мало, кто был благочестив по настоящему...

От одного священника мне пришлось услышать мнение, что «всешутейный собор» пародировал нравы не русской церкви, а католической. Но согласиться с этим трудно. Историк Н. Н. Молчанов высказывает мнение, что этим «собором» государь пытался бороться как раз с пьянством, процветавшим, увы, среди духовенства. Действительно, несколько церковных соборов XVII века принимали специальные решения, направленные на искоренение пьянства среди священников, так что XVIII век всего лишь «продолжил традицию». Своей злостной карикатурой Петр, по мнению Молчанова, «как бы вышибал клин клином». Если это так, то уже отдает определенным юродством, а юродства в натуре и характере Петра не было. Впрочем, на протяжении всей его жизни он так часто обнаруживал в себе самые неожиданные черты и особенности характера, что нельзя отвергать и такой возможности.

Однако шутки шутками, а всерьез государь везде строил храмы. При основании Санкт-Петербурга первым заложен был на территории будущей крепости собор святых Петра и Павла, а в конце Невской перспективы началось строительство даже не монастыря, а лавры — то есть высшего духовного учебного заведения! Так-то государь не интересовался и не радел о духовном, религиозном воспитании русских людей...

Некогда один монах с Афона привез в Москву удивительную икону — «Спас нерукотворного образа», специально для государя Алексея Михайловича. Но откуда вез дар, царь скончался. И случилось так, что икона оказалась у малолетнего царевича Петра.

С этим образом Петр провел всю свою жизнь. Он был с ним во всех его странствиях и боевых походах, за границей и в дебрях финских болот, над которыми предстояло вскоре подняться самой прекрасной столице мира. Этот образ был с Петром под Азовом, где пришлось пережить горечь военного поражения, и под Полтавой, когда русские одержали блистательную победу. На эту икону царь молился перед сражениями и после них.

Сохранилось воспоминание об одном из эпизодов Полтавской битвы. Когда Петр поскакал в бой во главе Преображенского полка, солдаты были в изумлении от такой отваги — пули густо свистели кругом, и многие видели, как одной из пуль с государя сорвало шляпу.

Лишь после боя узнали еще о двух пулях. Одна угодила в седло царя и там застряла. Вторая, как вспоминал сам Петр, на всем скаку ударила его в грудь, и он подумал было, что она попала ему в сердце. Однако боли не было, не почувствовал он и текущей по телу крови и вскоре забыл об этом — ему было не до того.

Больно стало уже тогда, когда все кончилось. Боль в груди была тупая и глухая, будто от сломанного ребра. Царь расстегнул камзол и рубашку и увидел вмятину на своем большом натальном кресте... Именно он спас Петра от смерти. И никто не знает, какую молитву шептал царь в тот вечер, преклонив колена перед своей любимой иконой.

Когда смотришь на нее, сердце против воли замирает. Обычно Спас нерукотворный — икона светлая. На чистом поле, как бы на белом платке, четко написанный лик Спасителя, обрамленный волосами и бородой. Тернии венцом обвивают лоб, глаза смотрят прямо, ясно. Афонский образ не таков. Лик Христа выступает, словно из тьмы, и сам темен, не искажен, но как бы овеян страданием. Глаза болезненно сужены, и смотрят не просто прямо, но так глубоко, что, кажется, видят душу. Переплетения тернового венца как черные змеи окружают лоб, и из-под шипов — не капли, а темные струйки крови.

Кажется, что этот необычайный образ связан со всей жизнью Петра, прошедшей на самом резком контрасте. Контрасте между верой и набожностью и кощунственными «церковными потехами». Между огромной любовью к Отечеству и к русским людям и необходимостью «выжимать из них соки», заставляя работать на пределе сил. Между трудолюбием, подвижничеством и разгульными попойками. Между состраданием, чувствительностью и вынужденной обстоятельством жестокостью.

Тем не менее, придется снова задать тот же вопрос. Могли ли желать смерти Петра представители русской церкви, недовольные его реформами?

Возможно, могли, хотя уж точно далеко не все. Но если Запад являет нам множество поистине великолепных примеров, когда духовные особы, вплоть до самого папы, становились отравителями, использовали наемных убийц, расчищая себе дорогу, то о представителях церкви православной даже советские историки ничего такого не накопили...

Вряд ли возможно допустить, чтобы идея убить царя родилась и вызрела среди русского священства. Да если и предположить такое, то у людей из этой среды едва ли нашлась бы возможность осуществить намерение — Петр общался лишь с немногими священнослужителями, с теми, кому доверял и кто уж точно не отравил бы его.

Итак, круг подозреваемых сужается. Но рассмотрены далеко не все «кандидатуры».

Государева компания

Став самостоятельным, Петр Алексеевич почти все время стал проводить со своей «компанией» — среди людей в основном молодых, преданных ему, среди тех, от кого он мог ожидать помощи в задуманных делах.

«Эта «компания» служила ему для изучения и подбора ближайших помощников, — пишет Н. Н. Молчанов, — ведь в основе петровской реформы — прежде всего принципиально новые методы управления, переход от слепого повиновения к сознательному исполнению замыслов преобразователя». А В. О. Ключевский раскрывает механизм отношений в «компанин», поясняя, как и чего добивался Петр от людей, с которыми на первый взгляд просто весело проводить время: «Ближайшие исполнители должны были знать прежде и лучше других, с каким распорядителем имеют дело и чего он от них ждет и требует».

В то время Петр уже двухметровый богатырь недожинной силы и действительно богатырского здоровья. Хотя у него и проявляются временами уже упомянутые признаки недуга: дерганье головы, судороги в лице, которых прежде не было и в помине.

Большая часть историков в один голос утверждают, что Петр страдал эпилепсией. Если это так, то объяснимо внезапное возникновение болезни: эпилепсия чаще всего проявляется с наступлением полового созревания. Однако по описанию припадков Петра мало походят на характерные проявления этого недуга: чаще всего во время припадков он не терял сознания полностью, а главное — после них отчетливо помнил все, что перед тем происходило, и даже, как правило, то, что слышал во время самого припадков, между тем как у эпилептиков обычно наблюдается хотя бы частичная потеря памяти.

Упорнее всего слух о яде, которым по тайному повелению Софьи якобы травили молодого царя, распространялся в Немецкой слободе. Оттуда же происходит еще одна версия: на Петра было совершено покушение, и его нездоровье — следствие сильного удара по голове. Однако в истории нет даже намека на подобный факт...

Недомогания не мешали государю заниматься делами, «потешными боями», созданием своих полков, и, видимо, он сам этим недомоганиям вовсе не придавал значения.

Правда, однажды царь заболел серьезно. Возможно, он простудился. Недуг свалил его в ноябре 1692 года, и выздоровел Петр лишь к Рождеству. Его близкие друзья всерьез тревожились, и, как сообщал шведский резидент своему правительству, обдумывали, как, в случае чего, покинуть Москву — ведь умри Петр, и на кремлевскую сцену вновь могла выйти Софья...

Но этого, к счастью, не произошло.

Со своей верной «компанией» государь приступил к осуществлению своих смелых и, как тогда многим казалось, безумных планов.

Часто встречаясь с иностранцами, беседуя с ними, расспрашивая об истории их стран, юный царь сделал для себя однозначный вывод: по-настоящему могучими, диктующими другим свою волю становятся только морские державы, имеющие сильный боеспособный флот.

Трудно сказать, являлась ли у него уже тогда идея строительства новой морской столицы. Пока об этом трудно было и мечтать. Однако у России был выход к морю, правда, несколько месяцев в году замурованный льдами. Это был морской порт Архангельск.

В 1693 году, получив благословение матери, Петр с верными друзьями отправляется через Вологду в долгий путь к русским морским воротам. Из иностранцев его сопровождал тогда только Франц Лефорт. Остальные были русскими: князь Федор Ромодановский, Апраксин, Бутурлин и другие. Всего около ста человек. Не так много, учитывая, что путешествия по тем временам не всегда бывали безопасны.

В мае Петр провел три недели на Переяславском озере. Он плывал на своих потешных судах, но теперь они казались ему маленькими, неуклюжими и смешными. Он вырос из них, как юноша из детских обносок.

Потом государь отправился к Лефорту — устраивать прощальный пир: как-никак, путешествие будет долгим. Франц хотел порадовать друга и закатил великолепный фейерверк. Петру все больше нравилась эта потеха, он уже начал причитать к ней москвичей, и тем (вот, что значит, красивое развлечение!) фейерверки тоже уже начинали нравиться.

До Вологды ехали верхом, в сопровождении отряда стрельцов. Затем двинулись речным путем. ИЗО июля Архангельск встретил государеву флотилию громом пушечных залпов.

Морской порт Архангельска поразил воображение государя: иностранные суда и флаги, разгрузка и погрузка товаров — жизнь здесь была ключом, что являло разительный контраст со степенной Москвой.

Несколько английских и голландских судов с грузом готовились выйти в открытое море, и Петр тут же решил проводить их на своем судне. Кто-то из сопровождавших честно напомнил государю, что, уезжая из Москвы, он обещал матушке Наталье Кирилловне, что ни за что на речном судне в море выходить не станет... (Да уж знала своего сынка царица!) Петр лишь досадливо махнул рукой. Плавание в открытом море продолжалось шесть дней! Потом пришлось возвращаться, а в порту ждали новые суда, приехали новые люди, с которыми хотелось говорить, узнавать что-то новое. А главное — лучше рассмотреть морские суда.

Местные жители рассказали государю, что за период навигации в Архангельск приходит до ста кораблей из разных стран. Каких только флагов не повидал этот порт, каких товаров не выгружали на доски его причалов!

Тут же Петр решил заняться всерьез строительством русского флота, о котором мечтал уже давно.

Ф. М. Апраксин был оставлен в Архангельске воеводой, и именно там обрел навыки будущего флотоводца, которому Петр позднее доверит свои боевые корабли.

Он вернулся в Москву поздней осенью, а зимой его постигло несчастье: умерла Наталья Кирилловна. Петр не скрывал своего горя и делил его опять-таки с друзьями и соратниками. Но даже это не заставило государя изменить планы: весной — новая поездка в Архангельск, уже в сопровождении трехсот человек.

Поехали, как и в прошлый раз — на лошадях до Вологды, затем по рекам на двадцати двух баркасах. Дорогой останавливались в прибрежных городах, и одну из остановок сделали в Великом Устюге.

Здесь Петру довелось познакомиться с поистине выдающимся человеком, который впоследствии сыграл большую роль в политической жизни России, став ее ведущим дипломатом.

Воеводой в Устюге служил в то время П. А. Толстой. Петру успели доложить, что этот человек, по всему видно грамотный и образованный, оказался в захолустном северном городке не по своей воле. Он был замешан в мятеже 1682 года и выступал тогда на стороне царевны Софьи. Так что назначением в Устюг еще легко отделался.

Но царя не смутила такая «неблагонадежность». Воевода ему понравился. К тому же Толстой устроил гостям богатый ужин, приняв Петра от всего сердца. Надо полагать, он это делал не просто так: главной мечтой энергичного и честолюбивого воеводы было вырваться назад, в Москву! Но у него хватило сдержанности и дальновидности не кидаться сразу же государю в ноги и не просить за себя. Он умел ждать своего часа. А час этот, как мы вскоре убедимся, был уже недалек.

В Архангельск прибыли 18 мая. (Все путешествие заняло 18 дней — по тем временам очень недолгое время.) Снова пушечная пальба, снова радостная встреча, ужин у Апраксина.

А через два дня — торжественный спуск на воду первого корабля, того, что Петр собственноручно заложил в прошлом году. Государь радовался как ребенок, хотя прекрасно понимал, что это лишь самое начало.

На другой день государева яхта «Святой Петр» отходит от берега и берет курс на Соловецкий монастырь. Еще годом раньше, во время прошлой поездки, молодой царь обещал матери, что обязательно побывает в этой святой обители, но увлекся своими делами, кораблями и обещания не выполнил. Теперь, после смерти Натальи Кирилловны, он чувствовал раскаяние и хотел поскорее сдержать данное матери слово.

Погода портилась, налетел ветер. Шкипер предложил вернуться, Петр отказался наотрез. И впервые в своей жизни испытал ужасную силу и мощь грозной морской стихии. Яхта попала в шторм, ее швыряло и мотало, будто сухой лист. Даже морякам стало не по себе, многих спутников государя мутило, валило с ног. Петр вел себя, будто старый морской волк. Казалось, он был уверен, что в море с ним ничего дурного случиться не может. Целым и невредимым пристал «Святой Петр» к Соловецким берегам.

Вернувшись в Архангельск, государь вскоре встретил новый корабль, который был им заказан в Голландии и в середине июля прибыл по назначению. Ему дали имя «Святое пророчество».

Капитаном Петр назначает своего друга Франца Лефорта, хотя некоторые из его компании и посмеивались: «Решил государь сделать моряком уроженца самой что ни на есть сухопутной страны — Швейцарии!» Однако Лефорт свое назначение вполне оправдал, как и все прочие, которым государь доверял. Впервые на корабле был поднят русский трехполосный флаг: красно-сине-белый. Здесь, впрочем, Петр не был оригинален: он просто поменял местами синюю и белую полосы голландского флага.

И вновь Петр Алексеевич не устоял перед искушением выйти в море, сопровождая уходящие на родину иностранные корабли. Вновь целую неделю длится плавание. Первые русские корабли обогнули Кольский полуостров и дошли до мыса Святой нос в Баренцевом море, аж за триста миль от Архангельска.

Сопровождавшие государя в этом походе друзья не без содрогания вспоминали этот морской поход. Еще не было штурманов, не было лоций, почти никакой навигационной техники, не было даже опытных рулевых. Корабли неоднократно садились на мель, сбивались с курса, попав в сильный шторм, лишь чудом избежали крушения. А Петру опять все было ничем! Он пришел в восторг и понял отныне, что не сможет больше жить без моря.

Сохранились несколько писем, отправленных Францем Лефортом из Архангельска. В них он рассказывает, как много они с Петром говорили тогда о необходимости выхода России к морю. Архангельск был хорошим торговым портом, но ведь половину года путь к нему перекрывали льды, да и плыть из него в Европу приходилось вокруг берегов Скандинавии. Хорошо, что есть в нем флот, однако это не решает проблемы. Есть еще Астрахань, но она на Каспии, а куда из него плыть? Большое озеро, и все, одно название — море.

Вот если бы выйти к берегам Балтики, о которой мечтал, за которую воевал, но тщетно Иоанн Грозный! Вот если бы вернуть Черное море — не зря же в древности звалось оно Русским!

Тогда же Петр рассказал Лефорту, что в юности был поражен, прочитав летопись Нестора, в которой рассказывалось о походе князя Олега на Царьград.

«А ныне, — думал Петр, — Константинополь под властью турок!» И в его душе возникла мечта: дойти до Константинополя, освободить его, отплатить туркам за все обиды, что понесла от них Русь!

Но Петр был человеком трезвого ума. Он мечтал, но не забывал о сегодняшних делах: об организации строительства кораблей и создании собственного русского флота, без наличия которого нечего было предаваться мечтаньям о завоевании морей.

Однако нужно было организовать и обучение созданного царем сухопутного войска. Осенью 1694 года на берегах Москва-реки, между селами Коломенское и Кожухово, развернулась настоящая битва. Первые в истории России крупномасштабные военные учения длились две недели, и участвовали в них двадцать тысяч человек.

Бой шел между «польским королем», в роли которого выступил Бутурлин, командовавший старыми стрелецкими полками, и князем-кесарем генералиссимусом Ромодановским, которому подчинялись Семеновский, Преображенский и еще несколько новых полков.

На стороне «князя-кесаря» сражался бомбардир Петр Алексеев — то есть сам государь.

Все было всерьез — только штыки деревянные с тупыми концами, зато порох настоящий. В этой «потешной экзерциции» были даже убитые и раненые...

Как всегда, побеждены были стрельцы «польского короля».

Но это была последняя игра в войну. Дальше начались настоящие войны. «Эта игра стала предвестником настоящего дела», — написал потом Петр.

В этих потехах, которые многие современники, а затем и многие историки ставили в упрек Петру Алексеевичу, не только мужал и учился сам царь, но отбирались из среды его товарищей те, кому действительно можно было доверять государственные дела.

С самого начала оказалось, что не все те, кто явились поддержать царя в Троице-Сергиев монастырь во время противоборства с Софьей, способны оправдать его надежды и в работе.

Одним из первых разочарований стал дядя царя Лев Кириллович Нарышкин. Он был молод. Когда Петр пришел к власти в 1689 году, брату его матери было всего двадцать пять лет. Тем не менее, отчасти по совету Натальи Кирилловны, молодой царь поставил дядю во главе правительства. А тот оказался лентяем и бездельником — процветавшие при нем неразбериха и казнокрадство даже породили ропот в народе и заставили иных верных Петру бояр пожалеть о правлении Софьи — при той хоть тихо было... Роптали многие, и уже тогда стали шептать друг дружке:

— Одни потехи на уме у государя. Одно слово, связался с немцами...

Но вряд ли недовольные в то время могли сплотиться в сколько-нибудь серьезную партию. Да и Петр очень скоро опроверг мнение о себе, как о бездельнике и гуляке. И размах его деятельности вызвал у многих еще большие ропот и потрясение, нежели кажущееся бездействие первых лет его правления.

Виват царю, его милости!

Первой крупной военной победой Петра стало взятие Азова. Правда первый поход к этой неприступной крепости завершился неудачей, зато второй оказался успешным и воочию показал, как быстро умеет Петр учиться на своих ошибках и исправлять их.

Н. Н. Молчанов так описывает причины, побудившие царя предпринять Азовские походы:

«Поход в южном направлении предопределил и внешнеполитические обстоятельства. Затеяв крымские походы по условиям «вечного мира», София провозгласила некогда явно недостижимые цели. Она требовала от Турции, чтобы России был возвращен Крым, его татарское население выселено в Турцию, а русские пленные, находившиеся там, без выкупа возвращены в Россию, и т. п. Османская империя должна была также передать России крепости Очаков в устье Днепра и Азов в устье Дона. Подобные требования уместны были бы лишь в случае сокрушительного военного разгрома противника. Однако этого нельзя было сказать о результатах крымских походов Василия Голицына»^[18].

Неудачные военные операции Софии, на фоне ее грандиозных амбиций, привели лишь к еще большему обострению ситуации на юге. Почувствовав слабость Москвы, крымские татары, с полного одобрения Турции постоянно совершали нападения на русские области. В 1692 году двенадцатитысячная татарская армия напала на город Немиров и сожгла его. Две тысячи русских людей были уведены в плен и проданы в рабство. И такие набеги повторялись постоянно.

Не лучше обстояли дела и в Малороссии. Правда Украина уже была присоединена к России, но соглашение о воссоединении оставляло за гетманами право иметь самостоятельные дипломатические отношения с другими странами. (Почтице любой автономии!) И, к сожалению, после Богдана Хмельницкого у власти в Малороссии оказываются отнюдь не преданные России союзники. Первое предательство интересов России произошло еще при Алексее Михайловиче, когда гетман Выговский преспокойно сторговался со шведским королем Карлом X и в 1659 году разбил под Конотопом русское войско. А затем сын Богдана Хмельницкого Юрий «перебежал» к туркам, защиты от которых так настойчиво добивался его отец, присоединив Украину к России. Гетман-хриstopродавец (а иначе в ту пору таких не называли) помог туркам захватить южную часть Украины. Его примеру затем последовал гетман Дорошенко, уже собственными руками передавший Правобережную Украину в руки турецкого султана. Противные, но факты! Никуда не денешься...

Петру I «в наследство» от сестрицы Софии достался гетман Мазепа, избранный с подачи князя Голицына во время одного из его «блистательных» крымских походов.

В разгар противоборства Петра и Софии, в то время когда молодой государь в окружении верных ему людей находился в монастыре Святой Троицы, а царевна в последней отчаянной надежде пыталась найти себе опору среди разных сословий и чинов, Мазепа явился в Москву. Сперва он был принят в Кремле и стал всячески расхваливать там подвиги и отвагу князя Василия Васильевича, однако быстро почувствовал, что дело неладное. Через пару дней он уже примчался к Троице и, не раздумывая, принялся жаловаться Петру на «треклятого Васю Голицына», который-де выманил у него огромную сумму денег за право стать гетманом. И уж так усердствовал, что после падения Софии и ссылки ее фаворита благополучно был оставлен на своем месте.

Лев Кириллович Нарышкин, возглавивший с подачи своей сестры-царицы Посольский приказ, отнесся к двурешнику спокойно и терпимо, видимо, помня его предшественников и рассуждая, что лучше уж такой, чем какой-нибудь новый Дорошенко.

Между тем Мазепа оказался несколько не лучше. Пользуясь Софиным «вечным миром», давшим так много прав Польше, гетман давно уже водил дружбу с польскими магнатами, которым ужасно хотелось стать соседями султана: захватить Левобережную Украину.

Современники вспоминают, какому психологическому давлению подвергалось тогда православное украинское население: если какую-либо область не удавалось насильно перевести в католичество, там учреждали унию, то есть официально оставляя православный обряд богослужения, подчиняли приходы католической иерархии. В ответ на запросы Посольского приказа хитрые польские резиденты разводили руками: мол, население само того хочет... И тут же спешили напомнить, что по принятым Софией Алексеевной обязательствам Россия должна продолжать военные действия против крымского хана, отвлекая на себя основные турецкие силы. На том же настаивала и Австрия.

Впрочем, для Петра, не считавшего себя особо обязанным соблюдать прежние, недалёковидные и бесполезные для России соглашения, гораздо важнее был призыв с «другой стороны». Разобраться с турками потребовало греческое православное духовенство. Как раз в это время турки передали святыне места в Иерусалиме, в частности, Голгофу и Святую пещеру католическому французскому духовенству, хотя до того эти святыни принадлежали греческой церкви. Это очередное оскорбление заставило патриарха Досифея обратиться в Москву с письмом, в котором он напоминал о дани, которую Россия по сию пору платит татарам, подданным туркам, а раз так, то выходит, что и русские — подданные турок.

Была и еще одна причина, которая толкала Петра начать боевые действия против татар. Нет, нет, не юношеская мечта овладеть Константинополем — он понимал, как далека она от осуществления. Но в ту пору он уже думал о большом посольстве в Европу. К этому его все время побуждал Лефортов, резонно замечавший, что для развития армии и экономики России надо бы побывать на Западе, все изучить самому, сравнить, понять, что называется, «примерить на месте».

Петр был согласен с другом. Но приехать в страны, где на Россию смотрели свысока, судили с пренебрежением... Нет! В душе молодого царя созрело намерение показать миру, что отныне на Россию придется смотреть другими глазами, подобрать к ней другие термины и разговаривать с русскими другим тоном.

А для этого нужно было перед тем, как куда-то ехать, одержать хотя бы одну крупную военную победу.

Еще с конца 1694 года Петр начинает обсуждать с преданными ему людьми поход против крымского хана. А 20 января 1695 года служилым людям был отдан приказ собираться под началом боярина Шереметьева и выступать в поход. Официально говорилось, что войско пойдет «воевать Крым», но на самом деле Петр собирался нанести первый же удар по турецкой крепости в устье Дона. Турки именовали ее Саад-уль-Ислам — «оплот ислама», но у нее уже тогда было (и теперь осталось) русское имя — Азов.

Первый крымский поход Петра (как уже упоминалось, он закончился неудачей) сам государь впоследствии счел школой войны, в которой он научился видеть и оценивать собственные ошибки.

Войско Б. П. Шереметьева составляло сто двадцать тысяч человек. Выступило оно в заранее заявленном направлении — к низовьям Днепра, к Крыму. А между тем другое войско, состоявшее из отборных петровских полков, двинулось к Азову. Оно насчитывало всего тридцать одну тысячу человек.

В этом войске был и сам Петр, числившийся все под тем же именем «бомбардира Петра Алексеева».

Небольшая армия была разделена на три части, которыми командовали Лефорт, Гордон и Головин.

Серьезные военные историки считают это первой большой ошибкой Петра: ни в коем случае нельзя было лишать войско единого командования, тем более что ему предстояло вести осаду. Второй просчет заключался в том, что царь не озаботился тем, чтобы отрезать туркам подступы к крепости со стороны моря: турецкие галеры свободно подходили к Азову и доставляли туда продовольствие и оружие, сделав осаду практически бесполезной.

Три отважных генерала не нашли общего языка и в разгар боевых действий затеяли споры меж собою, а сам «бомбардир», фактический главнокомандующий армией, не имея опыта, передоверяясь им, вместе с тем торопил их и только «путал карты».

Осада длилась без малого три месяца, не давая никакого успеха. Два раза войско поднималось на штурм, но оба раза они заканчивались неудачей. Сказалась и неопытность не только рядовых, но их командиров, давно не бывавших в сражении, в закладке мин: несколько раз русские пытались подорвать крепостные стены, но взрывы почти не несли разрушений мощным укреплениям Азова, зато на своих же минах подорвалась часть русских солдат.

Как водится, не обошлось и без предательства. К врагу перебежал голландский матрос по фамилии Янсен. Особой пользы от него не было бы — не офицер, но он догадался выдать туркам одну «тайну» — сообщил, что после обеда солдаты обычно отдыхают или спят. Турки не замедлили этим воспользоваться: совершили вылазку, перебили сотни сонных солдат, захватили часть пушек, а некоторые испортили. Остается только изумиться наивности петровских генералов в этом походе: как же можно было не выставить надежных караулов — ведь все происходило под носом у турок, а о дневном отдыхе они в конце концов могли догадаться и без Янсена. (Это наводит на мысль, что офицер, проשляпавший вылазку, просто оправдывался предательством и выданной «тайной», скорее всего дело было в его собственной нерадивости.)

Все это заставило Петра задуматься о снятии осады. Если вначале он надеялся на успех, то спустя почти три месяца стал понимать, что поход был подготовлен плохо. Но, как водится, винил он в этом себя самого, поэтому никто из его отважных генералов и офицеров не пострадал, хотя профессиональные военные были, без сомнения, виноваты в провале похода куда больше, чем их необстрелянный предводитель...

В конце сентября осада была снята. Потерь у русских было, конечно, больше, чем у турок, кроме того, немало жизней унес и обратный путь — в тот год рано настали холода, не хватало продовольствия, и, припомнив времена Василия Голицына, вновь на арбергарт русской армии стала наседать татарская конница.

Правда, полным провалом этот поход все же не завершился. Довольно удачным было выступление армии Шереметьева: он захватил на Днепре четыре опорных пункта турок, из которых два были уничтожены, а в двух оставлены русские гарнизоны.

Однако сам Петр был опечален результатами похода. Свое возвращение в Москву он иронически назвал возвращением от «невзятия Азова».

Опечален, но не обескуражен. Буквально сразу по возвращении он начинает готовиться к новому походу, дабы исправить ошибки и, несмотря ни на что, одержать победу.

«Благодаря этой неудаче, — пишет С. М. Соловьев, — и произошло явление великого человека. Петр не упал духом, но вдруг вырос от беды и обнаружил изумительную деятельность, чтобы загладить неудачу, упрочить успех второго похода. С неудачи азовской начинается царствование Петра Великого»^[19].

К новому походу Петр готовится уже не как новичок, а как человек, получивший наглядный опыт. Он дает указание Нарышкину «отписать в Вену» и вызвать из Австрии офицеров, имеющих опыт штурма и осады крепостей. Затем приказывает отправить подобную просьбу и в Пруссию. Главным образом ему нужны люди, владеющие техникой подрывных работ, чтобы при новых попытках взорвать крепостные стены, но при этом не получить тот же результат, что и в первом походе.

В декабре 1695 года был объявлено о новом походе. На этот раз Петр назначает одного командующего всем войском — боярина А. С. Шеина, человека не очень опытного в ратном искусстве, зато русского, решительного и отважного. Помощником Шеина назначается опытный генерал Гордон, который на сей раз, ввиду необходимости подчиняться командующему, был лишен возможности проявлять амбиции, как то было во время первого похода.

Однако прежде, чем выступать, необходимо было отрезать туркам всякую возможность вновь снабжать Азов продовольствием и оружием с моря. А для этого нужен был флот.

Лефорт, годом ранее уже ставший капитаном корабля «Святое пророчество», теперь получает и вовсе невиданное для швейцарца звание — адмирал. Франц не стал спорить. Он уже понимал, что Петр, создающий свою армию почти из ничего, более всего хочет видеть во главе ее людей, которым он доверяет.

На создание военных кораблей государь бросает теперь все силы. Он собирается поехать в Воронеж, на корабельные верфи уже в январе, но его задерживает кончина брата Ивана — второй (вернее, как когда-то было решено, первый) царь умер 29 января 1696 года. После его похорон государь тотчас едет руководить работами. При этом он сам работает наравне с простыми мастерами: машет топором, пилит доски и проявляет при этом такое умение и прилежание, что опытные плотники только руками разводят: «Эвона! Царь, а плотничать умеет!»

Благодаря невероятной энергии и напору царя, строительство идет очень быстро. Уже в апреле первые военные корабли спускают на воду. В новой флотилии было два больших корабля, двадцать три галеры и четыре брандера.

В то же время идет подготовка сухопутных войск в Преображенском. Чтобы пополнить армию, Петр приказал зачислять в нее даже крепостных, таким образом давая им свободу и не спрашивая на это согласия хозяев. Интересы отечества важнее!

Надо думать, в ту пору государь нажил еще несколько десятков тайных врагов!

Армия под командованием Шеина составила семьдесят тысяч человек и, таким образом, более чем в два раза превысила прежнюю численность «ударной группировки».

Шереметьев, как и в прошлый раз, был направлен в низовья Днепра, и его войско по-прежнему состояло в основном из стрельцов, хотя на сей раз к ним присоединились украинские казаки.

К стрельцам государь предъявлял все больше претензий — особенно его возмутило, когда во время первой осады эти бесшабашные вояки вдруг показали себя трусами...

«Петр не был доволен их службою, — пишет историк Н. Устрялов, подробно изучивший все военные операции Петра I, — в особенности при первой осаде Азова, и не раз изъявлял им гнев за малодушное бегство из траншей во время вылазок неприятеля»^[20].

Увы, сказывалось то, о чем так выразительно писал современник Петра Иван Посошков: «Нет попечения о том, чтобы неприятеля убить, одна забота — как бы домой поскорей»... Утратившее дисциплину, а вместе с нею и боевые навыки, стрелецкое войско давно перестало быть надежным — на него нельзя было полагаться.

Но другого пока не было — своих, обученных полков Петр еще не имел.

23 апреля корабли с погрузившимся на них войском отправились в поход. На этот раз «Петр Алексеев» повисил себя в звании — он плыл капитаном на передовой галере «Принципиум».

К середине июня подошли к Азову и началась новая осада. Пушки осыпали укрепления крепости ядрами, но вначале большого результата не было.

Петр гневался: ведь он требовал, чтобы вызванные из Австрии военные инженеры уже были здесь, а они опаздывали! В ярости государь пишет в Посольский приказ, велит поторопить думного дьяка Емельку Украинцева, который якобы из осторожности не донес вовремя о планах царя русскому посланнику в Вене. Может, Емелька повредился умом? Послу доверяют важные государственные тайны, а то, что всем ведомо, от него решили скрыть «из осторожности». «Пускай пишет обо всем подробно, а чего не допишет на бумаге, то я после допишу ему на спине».

Зная Петра, можно не сомневаться: и дописал бы! Посольский приказ засуетился, и вскоре артиллерийские инженеры подоспели к русским войскам. Тогда пушки заработали вовсю! Могучие крепостные сооружения Азова стали разрушаться на глазах.

Государь отдал приказ готовиться к штурму.

Турки понимали, что русские на этот раз куда лучше подготовились, и если не дать им отпор еще до начала штурма, то он, пожалуй, может на сей раз завершиться удачей. Едва русские войска подступили к крепости, на помощь ей пришел, как и в первый раз, турецкий флот.

И вот тут-то турок ожидал сюрприз... Как оказалось, они даже не подозревали о том, что у русских есть боевые корабли! Турецкий флот, который 14 июня 1696 года в полном боевом порядке подошел к устью Дона, не ожидал встретить на воде никакого сопротивления. И вдруг взорам турок явились стройные ряды галер, которые при их приближении стали сниматься с якорей.

Решив не искушать судьбу, басурманы подняли паруса и ушли в море. После этого осада Азова длилась еще месяц, затем гарнизон объявил, что сдается. Победа была внушительной: тысячи пленных, 136 трофейных пушек и... в качестве еще одного трофея тот самый голландский матрос Янсен, что годом ранее перебежал к туркам. Что называется — давно не виделись!

У Петра сразу же родилась мысль устроить гавань возле крепости. Однако вблизи оказалось так мелко, что глубоко сидящим кораблям было опасно подходить вплотную к крепостным стенам. Но совсем неподалеку нашлась удобная морская гавань. Петр направил флотилию туда и приказал заложить там укрепленный город — Таганрог.

Вместе с первой значительной победой пришло и первое признание Европы.

С изумлением и некоторой настороженностью зарубежные дипломаты сообщают своим правительствам о победе русских. В Австрии и Венеции успешнее пошли переговоры русского посланника о возможном союзе против Турции, Франция напустилась, Швеция забеспокоилась. А в Варшаве российский резидент, не раздумывая, велел палить из пушек и ружей, и народ встретил этот салют ликованием. А уж когда посол приказал выкатить собравшимся пять бочек пива и три бочки меду, раздался единодушный крик: «Виват, виват царю, его милости!» Зато потом кусать губы пришлось польскому королю: тот же посланник России потребовал, чтобы отныне короли польские в официальных бумагах «не именовали себя властителями киевскими и смоленскими, поскольку оными не являются». Пришлось подчиниться. А куда денешься? Но тут же начались тайные сношения Польши с крымским ханом и послания гетману Мазепе. Знакомое имя? Еще бы!

Итак, Россия впервые заявила о себе миру в полный голос, и нельзя сказать, чтобы ее возвышение было встречено с особой радостью, если, конечно, исключить восторг по поводу бочек с хмельным медом...

Оказывается, эта страна, на которую так долго смотрели свысока, может быть серьезным военным противником. Оказывается, русские посланники умеют не только приторговывать соболями, но и решительно отстаивать права своей державы. Оказывается, молодой русский царь, который все играл в войну на Москва-реке да на Яузе, так вот «играючи» создал армию, и эта армия осадилась и взяла крепость, о мощи которой было хорошо известно в Европе.

Ликовала Москва. Давно, давно уже русским не приходилось радоваться победам над самым ненавистным врагом — Турцией.

Толпами выходили люди навстречу возвращавшимся в столицу победителям. Войска шли, растянувшись через весь город, причем не обошлось и без столь любимых Петром шуток: во главе шествия ехал в золоченой карете глава «всешутейского собора» Никита Зотов, в не менее шикарном экипаже следовал за ним адмирал Лефорт, которому на этот раз не пришлось повоевать на море, но это, конечно, не умалило его заслуг.

Победители прошли под специально сооруженной роскошной Триумфальной аркой, на которой были начертаны библейские изречения и изображены поверженные враги.

«Но где же государь-то?» — недоумевал народ.

А государь в это время шагал среди преображенцев, в простом камзоле, с пикой в руке.

Впрочем, среди устроенного в Москве всеобщего ликования Петр оставался достаточно серьезен, хотя вначале веселился вместе со всеми. У царя лишь прибавилось хлопот.

Он по-прежнему был не слишком доволен тем, как вела себя армия во время штурма и осады Азова. В осаде и штурме участвовало в общей сложности семьдесят тысяч человек. Многие проявили себя героически и были достойно вознаграждены.

Отважно дрались петровские полки — Семеновский и Преображенский.

Но основная часть войска по-прежнему состояла из стрельцов. И именно на них было более всего нареканий со стороны командиров. Генерал Гордон жаловался царю, что стрельцы проявляют непротистительную лень и беспечность, а с командирами бывают строптивы.

Для разгрома турок такого войска оказалось достаточно, но Петр прекрасно понимал, что любая дисциплинированная европейская армия легко одолеет его.

Вскоре по возвращении из-под Азова государь собирает Боярскую думу, которая по представленным им документам принимает решение о создании сильного военного гарнизона в Азове, о строительстве крепости в Таганроге и о дальнейшем развитии русского морского флота. Постановление по последнему вопросу достойно эпохи Петра: «Морским судам быть!»

С этого времени Россия окончательно перестает быть сухопутной и становится морской державой. Этим временем датируются развернувшиеся с полным размахом грандиозные реформы Петра I.

И именно с этого момента он, очевидно, наживает себе настоящих, опасных врагов. Пока что только в России.

Первая попытка

Документально известно, что первое покушение на Петра было задумано в феврале 1697 года. 23 февраля заговор был раскрыт.

Но сначала о том, что ему предшествовало.

После решения, принятого Боярской думой, началось строительство кораблей русского флота. Через два года пятьдесят боевых судов смогут выйти в море. Прекрасно. А кто их поведет? Кто проложит курс по картам и лотциям? Или опять садиться на мели и терять направление, как в Баренцевом море? И для пушек, что покажут свои черные жерла в бортовых люках, нужны опытные бомбардиры, умеющие рассчитать путь ядра до цели...

В прежние времена подобные вопросы решались просто. Не сумели мастера Ивана III достроить главную кремлевскую колокольню — царь призвал итальянцев. Заплатил золотом — достроили! Нужны хорошие лекари? Отчего не вызвать ко двору немцев или швейцарцев? Дорого берут? Да и Бог с ними! Как мы убеждались уже не раз, приглашение иностранных специалистов в Россию не только не возбранялось, но даже считалось делом обычным.

Но Петр вовсе не хотел нанимать на русскую службу иноземцев, и уж тем более доверять им свои боевые корабли. А если так, нужно было обучить своих людей всем сложным заморским наукам и сделать так, чтоб они, в свою очередь, учили других, и чтоб в России отныне инженеры, моряки и военные были не хуже, чем в Европе. Не то какая там независимость, какая там сила, если те же немцы да швейцарцы будут тыкать русским в глаза: «Да все ведь за вас мы делаем! Вы ничего не умеете!»

Так и возник замысел — посылать за границу на обучение русскую молодежь. А вопросом, из кого ее набирать, царь долго не озадачивался. При дворе государя служили стольниками десятки отпрысков знатных боярских семей. Стольник — от слова «стол», то есть человек, прислуживающий за столом. Но этих самых стольников было так много, что кроме «столовых» обязанностей они исполняли и всякие другие. Попросту — куда пошлют.

Но никто из этих недорослей даже предположить не мог, что будет послан на обучение в заморские края! И когда в ноябре 1696 года явился царский указ, повелевающий молодым стольникам числом около шестидесяти ехать в Италию, Англию и Голландию, обучаться навигации, управлению кораблями и навыкам морского боя, это вызвало шок. А в указе еще было прибавление, что особую царскую милость заслужат только те, кто смогут овладеть еще и искусством кораблестроения. Это что же? Пилу с топором в руки брать? Кроме того, с каждым стольником положено было ехать солдату либо сержанту, и этих «подлых» (т. е. неродовитых) людей тоже надлежало обучить всем означенным искусствам, правда за них уже платила казна.

Недоросли и их родители пришли в полнейший ужас...

Как все это звучит в наше время! Государство направляет молодежь учиться за границу, гарантирует по возвращении рабочие места, а за тех, у кого своих денег нет, еще и платит! Нынешние недоросли прыгали бы от радости. А вот в те времена поехать за границу было то же самое, что теперь пешком пересечь Уссурийскую тайгу.

Царский указ был воспринят как тягчайшее и незаслуженное наказание. Тем более что юноши были из знати — двадцать три человека (из шестидесяти одного) носили княжеский титул. Большинство из них не привыкли, не умели, не хотели работать... Начались попытки знатных родителей подкупить чиновников, дабы избавить своих чад от такой ужасной участи. Но чиновники страшились царева гнева. Дворянские сынки вынуждены были исполнить приказ, скривив зубами и трясясь от страха.

Правда, нельзя так говорить обо всех. Некоторые вызвались ехать по доброй воле. А нашлись и настоящие герои.

Из Великого Устюга прикатил в Москву тот самый воевода Петр Андреевич Толстой, что так радушно принимал государя, когда тот ехал в Астрахань. Прослышав же про знаменитый указ, воевода решил напомнить о себе: за границу так за границу, лишь бы вырваться из захолустья. Решительный и талантливый, Толстой не боялся совершенно изменить свою жизнь. А что придется ехать в заморские края вместе с зелеными юнцами... так разве это позор? Главное оказаться не хуже их. Меж тем самому воеводе давно перевалило за пятьдесят.

Петр оценил рвение давнего знакомого. Разумеется, ему не было отказано. И надежды он вполне оправдал — в учении превзошел многих дворянских недорослей.

Так Россия получила в будущем виднейшего государственного деятеля и дипломата, а Петр Алексеевич нового верного сподвижника.

А в среде «обиженных» бояр ропот усиливался. Состояние тогдашнего российского общества лучше всех охарактеризовал С. М. Соловьев:

«Чем яснее обозначались стремления Петра, тем сильнее становился ропот в толпе, и роптали не одни те люди, которые уперлись против естественного и необходимого движения России на новый путь; роптали и люди, которые признавали несостоятельность старины, необходимость преобразований, но которые не могли понять, что преобразования должны осуществляться ИМЕННО ТЕМ ПУТЕМ (выделено мною. — *И. И.*), по которому шел молодой царь. Им бы хотелось..., чтоб вдруг бедная страна закипела млеком и медом; эти люди... считали возможным внезапное облегчение и улучшение, видели, наоборот, требование страшного напряжения сил, требование пожертвований — и роптали»^[21].

Недовольство и привело к заговору, конечной целью которого было не просто устранение государя. Ради достижения своих целей заговорщики пошли на открытую измену — вступили в связь с недовольными новым порядком начальниками стрельцов, с некоторыми из также недовольных казачьих командиров и собирались устроить восстание против Москвы, а в качестве поддержки привлечь... турецкого султана! Под шумок они рассчитывали убить Петра Алексеевича.

Во главе этих «патриотов» стояли дворянин Иван Цыклер, окольный Алексей Соковнин и стольник Федор Пушкин. Соковнин был из тех, чьи сыновья оказались направлены за границу на учебу. Цыклер получил назначение руководить постройкой Таганрога и счел это опалой, хотя с точки зрения государя, это было важное и почетное поручение. Пушкин тоже остался недоволен назначением — его направили воеводой в Азов. И этих причин оказалось достаточно не только для покушения на помазанника Божия, но и для государственной измены.

Боярская дума признала виновными всех троих, а также двух стрельцких начальников и одного казака, хотя заговорщиков, вероятно, было гораздо больше. Всех шестерых осудили на смерть и казнили.

Итак, наконец, обозначилась сила, которая противостояла Петру внутри России, объединяла достаточно много людей и, несомненно, представляла опасность в течение всего правления государя.

То, что заговор был раскрыт, и грандиозная измена не состоялась, заслуга не только бдительных государевых друзей и сыскарей. Главная заслуга, надо думать, принадлежит... самим заговорщикам. Все было устроено по старинке: во-первых, слишком многие были посвящены в план, во-вторых, довольно открыто, среди всех своих знакомых, они вслух выражали свое недовольство тем, что делает государь, много говорилось и о том, что вот если бы, да хорошо бы! В таких случаях доносы пишутся порой и на тех, кто от слов к делу не переходит... Расчет же был (опять-таки по старинке) на традиционную неповоротливость государственных служб: мол, пока дойдет, покуда донесут, пока соберутся, а уж войска султана будут стоять под стенами Москвы!

Не тут-то было! Государственные службы работали уже в совершенно другом ритме и с другой отдачей.

Очень возможно, что в это же время существовали и другие заговоры, но участь, которая постигла трицу «служилых людей», могла напугать и остановить их.

Вполне логично и то, что помощь в деле устранения Петра изменники рассчитывали получить из Турции. Турция всегда оставалась врагом России, а теперь, после взятия Азова, султан стал бояться русских и еще сильнее их ненавидеть. Измена внутри страны была ему очень на руку, и нет сомнений — он бы ею с удовольствием воспользовался. Надо думать, неудачи своей армии и падение Азова султан однозначно связывал с именем и деятельностью Петра I.

Великое посольство — провал или успех?

Раскрытый в Москве заговор не напугал и не обескуражил царя. Он давно понимал, что затеянное им дело опасно и готов был к этой опасности. Но при этом он был твердо убежден и в том, что в конце концов большинство соотечественников поймут его намерения и оценят их, иначе ради кого он выкладывал столько сил и энергии?

Важным шагом на пути дальнейшего состязания России с Западом стало организованное Петром в 1697–1698 годах Великое посольство.

Западные историки, оценивая этот грандиозный замысел, единодушно утверждают, что целью государя было окончательно направить Россию по европейскому пути развития. Самое обидное, что им дружно торят наши славянофилы.

Но что же задумал Петр на самом деле, и что представляла собою организованная им поездка и к каким результатам в итоге она привела?

Н. Н. Молчанов пишет: «В истории дипломатии трудно найти столь знаменательное предприятие, каким оказалось русское Великое посольство в Западную Европу 1697–1698 годов. С точки зрения достижения конкретных внешнеполитических задач, поставленных перед этим посольством, оно завершилось неудачей.

Однако по своим реальным практическим последствиям оно имело поистине историческое значение, прежде всего для отношений между Россией и европейскими странами, а в дальнейшем для судьбы всей Европы»^[22].

Царь с огромным числом государственных деятелей и представителей чуть не всех имевшихся в России профессий отправился на восемнадцать месяцев в Европу, чтобы изучить процветающие там науки и ремесла, главным же образом морское дело. И снова встает вопрос: если целью было уподобить свою страну Западу, то для чего было тратить столько сил, времени, денег? Для чего было куда-то ехать? Проще, дешевле, удобнее было назвать в Россию иностранных специалистов, поручить им, в конце концов, обучать русских, и дело бы пошло...

Но цель у Петра была фактически обратная: он, конечно, хотел научиться сам и научить своих сподвижников строить и водить корабли, владеть ремеслами, но хотел он и другого: явить Европе образ новой России и на сей раз заставить ее, Европу, идти по нашему пути, то есть считаться с нами. А для этого они должны были, по крайней мере, нас узнать, перестать называть татарами, оценить нашу силу и способность державы в считанные годы преодолеть пропасть нашего вынужденного отставания.

Правда, официально царь объявил о своем намерении именно учиться и даже заказал себе сургучную печать с надписью «Я ученик и ищу себе учителей».

Еще одной важной целью было, посетив основные европейские столицы, найти возможность контактов с правительствами этих стран и пути сотрудничества, в частности военного — Петр не оставлял мысли объединить хотя бы часть христианского мира в борьбе против турок и крымского хана.

Западники, анализируя итоги Великого посольства и отмечая, что его дипломатическая миссия, по сути, успехом не увенчалась, восхищаются, тем не менее, решительностью царя, поспешившего дать своей стране европейскую цивилизацию.

Славянофилы в то же время возмущенно ропщут, считая, что эта цивилизация кроме вреда ничего нам не принесла.

Спор, между тем, ни о чем.

Бесспорен тот факт, что так называемая отсталость России была следствием тяжелейшего татаро-монгольского ига, от которого наша страна сумела спасти Европу, а затем Смутного времени, наставшего после кончины Иоанна Грозного.

Но ведь был и совсем другой период — период, когда страны Европы пребывали в дикости и темноте на фоне цветущей, культурно развитой Византии и не менее процветающей Руси. Впрочем, тогда Русь тоже была европейским государством, и никому не пришло бы в голову это оспаривать.

Академик Б. Д. Греков, анализируя период времени, ставший для Запада ранним Средневековьем, пишет: «Киевская держава при Владимире (980–1015) и Ярославе (1019–1054), объединившая все восточно-славянские племена, была самым обширным и сильным государством Европы».

Так оно и было, и правители маленьких отсталых западных государств почитали за честь породниться с русским двором. Ярослав Мудрый выдал свою дочь Елизавету за короля Швеции Гарольда, а свою дочь Анну за короля Франции Генриха. Это был удачный дипломатический ход, но в выигрыше были в данном случае эти короли, а со стороны обеих княжен требовалось большое мужество, чтобы, покинув блестящий двор, цивилизованную и развитую страну, поехать к дикарям.

Даже странно, как быстро Европа успела забыть о тех временах, и о том, кто оплатил цену наставшей для нее эпохи Возрождения.

«Западная Европа была, да и остается сейчас, в неоплатном долгу перед нашей родиной, — пишет Н. Н. Молчанов. — Отправляясь с Великим посольством в Европу, Петр хотел что-то получить по этому долгу, хотя бы ничтожную компенсацию в виде освоения некоторых технических достижений... У него не было оснований для какого-то чувства извечной национальной неполноценности»^[23].

Оценивая эти самые технические достижения, Петр I ясно видел и многочисленные пережитки средневековья, оставшиеся во внешне культурных странах. Набирая обороты научно-технического развития, развивая литературу и искусство, Запад как бы приносил в жертву определенную этику бытия, без которой все его победы казались пестрой ширмой над прежними мрачными фасадами.

В Голландии Петра, по его признанию, поразила странная картина: целая семья, семья зажиточного горожанина, дружно мылась у одного-единственного корыта. Русский царь никак не мог взять в толк, как может такое быть в стране, где так много воды, если в России даже в самых засушливых краях у всех есть бани.

Все тот же историк Молчанов приводит очень убедительную подробность: знаменитый Версальский дворец и не менее знаменитый деревянный дворец в Коломенском были построены практически в одно время. Но в Коломенском дворце для всех — и для бояр, и для челяди, были устроены «мыльни» — домашние бани и туалетные комнаты. В Версале туалета не было даже у короля, не говоря уж о том, что во дворце не было ни одной ванной комнаты!

Петр отлично понимал, что копировать Запад не стоит. Его целью было взять (точнее купить у Запада то, что могло помочь России в укреплении ее независимости и военного могущества.

И в этом смысле Великое посольство, несомненно, было успешным.

Подготовлено все было, надо отметить, на самом высоком уровне: возглавляли посольство три великих и полномочных посла: генерал и адмирал Франц Яковлевич Лефорт, генерал и комиссар Федор Алексеевич Головин и думный дьяк Прокофий Богданович Возницын.

Если Лефорт ехал как бы «для представительства», он был по сути таким же «декоративным» послом, каким являлся декоративным адмиралом. Это нимало не умаляет его заслуг в Великом посольстве — Лефорт ехал, прежде всего, как друг государя, как человек, которому Петр безгранично доверял, а еще как уроженец Западной Европы, прекрасно ориентировавшийся в тонкостях тамошних взаимоотношений, что должно было оказать и в общем-то оказало большую помощь и Петру, и другим его русским спутникам.

Другое дело Головин. Знатный боярин, представитель одного из древних и знаменитых родов, он был одним из самых близких и преданных соратников Петра. В 1696 году государь сделал его главою Посольского приказа, вместо Льва Кирилловича Нарышкина, не проявившего себя на этой должности достойно. В течение семи лет, до своей кончины в 1706 году Головин успешно возглавлял Приказ, став одним из самых талантливых русских дипломатов.

Правда, некоторый дипломатический опыт у него имелся еще до Петра. Именно он в печальные времена князя Голицына вел переговоры с Китаем, когда китайская армия стояла под Нерчинском, именно он подписывал Нерчинский договор, и уж, конечно, не его вина, что в результате этого договора Россия так много потеряла.

Между прочим, Петр, узнав о той давней миссии Головина, проявил к ней живейший интерес. Но привлекал его не договор, а те впечатления, которые на боярина произвела Сибирь, эта огромная, богатейшая и почти неизведанная область России.

Вот отзыв одного из историков XIX века:

«Царь Петр столько любопытствовал знать о путешествии Головина, что несколько дней сряду проводил с ним в беседах; с жадностью расспрашивал об образе жизни народов Сибири и богатствах той земли; черпал из рассказов своего собеседника свежие и новые сведения. Проницательный и дальновидный ум Петра находил в Головине не одного усердного рассказчика, но полезного, умного советчика»^[24].

Именно Головин, формально назначенный вторым после Лефорта великим послом, вел основную дипломатическую работу.

Дьяк Прокофий Богданович Возницын, человек уже немолодой, очень хитрый и осторожный, опытный в посольских делах, хорошо дополнял двух первых и был также очень полезен.

Впрочем, состав собственно посольства этим не исчерпывался — при каждом из великих послов был целый штат, состоявший из людей самых разных профессий: священники, врачи, офицеры, просто солдаты охраны и, конечно, переводчики. Среди последних находился Петр Шафиров — будущий вице-канцлер и известный дипломат. Всего посольство составляли 250 человек.

Петр прекрасно понимал, что добиться каких-то важных дипломатических успехов в этот раз скорее всего не удастся: громко заявив о себе победой над турками, Россия еще не доказала Европе, что в силах и ее поставить на место. Послы просто ехали изучать Европу и отбирать из громадного европейского опыта то, что могло быть полезно России. Немалые успехи были у государя и в главном, ради чего собственно он сам отправился в это долгое странствие. Он немало преуспел в кораблестроительной практике.

Лучшими корабельными мастерами тогда считались голландцы, и Петр мог в этом убедиться — на верфи в Архангельске работали несколько плотников из голландского местечка Саардам. Гордые тем впечатлением, которое их работа произвела на молодого русского царя, ребята решили, между прочим, приврать и заявили, что их родной Саардам — главный центр европейского судостроения. Простодушный Петр поверил, тем более что как и все в России плохо представлял себе, что находится в Голландии, кроме Амстердама.

Посему, когда Великое посольство достигло столицы Голландии, государь оставил там часть своих товарищей, а сам с остальными поехал в Саардам. Причем представились они там простыми русскими мастерами, пожелавшими устроиться работать на местную судоверфь. Голландцы не удивились — в их местах уже ходили слухи о том, что невероятный русский царь шлет по всей Европе своих подданных, наказывая им обучаться ремеслам. Никто и подумать не мог, что наниматься на верфь явился сам Петр I. А тот ничем себя не выдал. Купил указанные ему инструменты (в то время хозяева мастерских не проявляли лишней щедрости), надел фартук, засучил рукава и принялся плотничать, старательно постигая тонкости ремесла.

Впрочем, вскоре он понял, что саардамские рабочие в Архангельске прихвастнули: их родной поселок вовсе не был центром судостроения. И строили там не крупные военные корабли, а небольшие суденышки для местных купцов и рыбацьи лодки.

Нужно было возвращаться в Амстердам. К тому же инкогнито царя было вскоре раскрыто — скорее всего, проболтался знакомый кузнец, с которым Петр встречался еще в России и который узнал его, увидав в родном городке. Толпы саардамцев стали курсировать вокруг верфи, желая поглядеть на монарха, орудующего топором...

В Амстердаме, между тем, послы государя отбивались от дипломатов короля Вильгельма III, желавшего непременно встретиться с Петром. Послы честно отвечали, что царя с ними нет, а дипломаты недоуменно вопрошали, где же он может быть.

В Амстердаме Петр также нанялся простым работником на верфь и работал там около месяца, не жалея сил. При этом, как вспоминают его спутники, умудрялся следить за политическими событиями в Европе, регулярно и своевременно получая письма от своих резидентов, и руководить работой посольства. Сам он познакомился с бургомистром Амстердама, а затем встретился и с королем Вильгельмом, которому страстно хотелось присмотреться к необычному царю и понять, чего следует ждать от него. Встреча произошла в городе Утрехте, но о чем говорили с глазу на глаз Петр и кумир его юности знаменитый Вильгельм III (Оранский) неизвестно — не осталось ни записей, ни воспоминаний.

Судя по всему, Голландия стала самым плодотворным местом пребывания Великого посольства. Работая, Петр по-прежнему успевал следить за событиями в мире и в России, которая продолжала войну с Турцией и закрепила за это время свой успех под Азовом. А еще он посещал музеи, театр (после чего вскоре приказал построить такой в Москве) ботанический сад, мануфактуры, даже анатомическую лабораторию. И везде его пылкое любопытство оказывалось не напрасным — государь тщательно фильтровал в своем сознании европейский опыт и достижения, отбирая то, что могло пригодиться его стране, и решая, как перенести чужие семена на русскую почву, с тем чтобы получить не засушенные образцы, а живые всходы.

Европейские дипломаты, в это время буквально кружившие вокруг Голландии, вскоре стали понимать, что посольство может служить лишь предлогом для Петра, причем предлогом не только для его строительных упражнений — в этом случае отчего было бы просто не поехать инкогнито, без большой свиты и не поработать в свое удовольствие. Скорее всего, решают дипломаты, Петр просто изучает Европу и старается понять, как строить с нею отношения.

«Царь все направляет по своему разумению, — пишет австрийский резидент в Гааге Плейер. — Посольство служит только прикрытием для свободного выезда царя из страны и путешествия, чем для какой-либо серьезной цели».

Надо думать, резидент из Вены был недалек от истины.

Своими впечатлениями о Европе государь делился достаточно сдержанно. Зато европейцы оставили множество воспоминаний о нем.

Главное, что отмечали — полную его непринужденность, свободное обращение и простоту, начисто разрушившие представления многих европейцев о замкнутости и отчужденности русских. При этом, как все замечали, Петр совершенно не стремился «понравиться», произвести какое-то особое впечатление — он всегда был таким, какой он есть, русским, независимым человеком, со своими привычками, взглядами, манерой поведения.

Особенное впечатление произвел молодой монарх на всех без исключения европейских дам.

Правда, встреч с ним европейские красавицы искали, как правило, из обычного любопытства. Ученица и друг знаменитого немецкого философа Лейбница, супруга курфюрста София Ганноверская в полном смысле гонялась за русским царем по всей Германии. Узнав, что он, торопясь по делам, не поедет в Берлин, энергичная дама вместе со своей матушкой успела обогнать Петра и, выбрав красивый замок в живописном местечке, отправила послов навстречу венценосному путешественнику. Те с трудом, но уговорили государя отобедать с двумя знатными дамами. Едва ли Петр принял бы это достаточно назойливое приглашение, если бы знал, как перед тем София-Шарлотта объяснила в письме одной из приятельниц свое желание непременно встретиться с русским царем: «Желала бы воочию посмотреть на странствующих по Европе диких зверей».

К чести любопытной немки, после знакомства и четырехчасового общения с Петром, ее мнение о русских вообще и о русском царе в частности изменилось с точностью до наоборот. В последующих письмах она не скрывает своего восхищения. Все — свободная манера поведения, легкость речи (зачастую царь говорил по-немецки, не пользуясь услугами переводчика), владение самыми разными предметами разговора, — убеждали в образованности, остром уме, находчивости государя. Знала бы она еще, каким образом Петр получал свое образование — ведь фактически он всему учился сам. Единственное, что огорчило аристократку, это неумение монарха «есть опрятно». Но даже это не заставило его померкнуть в глазах Софии-Шарлотты.

Правда некоторое время спустя она напишет: «Этот государь одновременно и очень добрый и очень злой, У НЕГО ХАРАКТЕР — СОВЕРШЕННО ХАРАКТЕР ЕГО СТРАНЫ (выделено мною. — *И. И.*). Если бы он получил лучшее воспитание, это был бы превосходный человек, потому что у него много достоинств и бесконечно много природного ума»^[25].

Да, фрау! Если бы мы получали то лучшее, что получила, во многом благодаря нам, Европа, то, наверное, были бы, с вашей точки зрения, превосходны. Но уж какие есть...

Не станем описывать предпринятых государем дипломатических шагов и тех встреч, которые произошли у него и отправившихся с ним придворных в разных европейских столицах. Наша цель не анализировать политическую ситуацию, а решить, насколько та или иная страна могла быть заинтересована в исчезновении русского царя.

Если судить по Великому посольству, то в начале петровских реформ Европа, хотя и обеспокоенная, еще не считала Россию такой уж опасной. Что до Петра, то к нему пока что присматривались, и лишь немногие политики ясно сознавали, что этот удивительный царь вскоре заставит других государей кусать себе локти...

Точку над «i» ставит Санкт-Петербург. Рождение этого города становится переломным моментом, вслед за которым Россия, уже на виду у всего мира, берет столь стремительный разбег, что угнаться за ней становится невозможно.

Великий мечтатель

Темпы, которыми начинает развиваться новая Россия, вскоре приводят в замешательство и российскую оппозицию, и в особенности Запад.

Прежде всего стоит заметить, что, поставив себе главную цель — величие и независимость России, Петр Алексеевич великолепно понимал: добровольно никто не пустит молодую страну на авансцену международной политики и экономики. Кому охота допустить, чтобы огромная страна, обладавшая колоссальными ресурсами, стала еще и сильной? Покуда русские дипломаты ездили в Европу с посольствами, предлагали различные договоры, — все было как бы под контролем. Но отдавать России моря, делиться торговыми пространствами! Нет уж, позвольте...

И в особенности опасными становились для поднимающейся на ноги страны два ее хищных соседа: северный — Швеция и южный — Турция.

Значит война? Война — Петр это знал и не собирался идти на попятную, чтобы избежать ее.

Он царствовал (реально, а не на бумаге) уже десять лет. Эти десять лет еще не полностью, но изменили и внутреннее состояние России и расстановку сил вокруг нее. Политика молодого царя обозначалась все более твердо и все более определенно.

«Правда, — пишет Н. Н. Молчанов, — она не была, особенно в начале этого периода, в полном смысле слова его собственной политикой. От Софьи и Голицына Петр унаследовал ее южное направление, ее орудие — старую, плохо организованную, состоявшую из стрельцов, дворянского ополчения и казаков армию; само состояние войны с Турцией, начатой не им (не Петром. — *И. И.*); так называемых союзников — Австрию, Венгрию и Польшу и многое другое»^[26].

Но «южное направление» тоже было уже другим. Петр больше не отбивался от крымских татар, периодически пытаясь заключить с ними мир, как это делала Софья. Он воевал уже непосредственно с самой Турцией, а создание боеспособного флота и взятие такой мощной крепости, как Азов доказало сильному врагу, что Россия тоже становится сильной, и значит с нею отныне придется разговаривать иначе. До Петра южная политика была, как подчеркивает тот же Молчанов, как отмечает в своих очерках Соловьев, ЧИСТО ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ, при Петре в ней впервые появляется поступательное движение. Правда, большинство историков утверждают, что «дальнего прицела» у Петра пока не было. Но с этим трудно согласиться. Последовательное завоевание позиций на южном направлении доказывает обратное. И создание флота, и поиск удобной южной гавани (Таганрог), и приобретение крепостей, — все это говорит о стремлении прочно утвердиться на южных рубежах, чтобы в дальнейшем добиться большего.

Петр отлично понимал, что Турция никогда не оставит Россию в покое. Поэтому нужно было раз и навсегда отбить ее подальше от русских рубежей. Дальнейшие события покажут, что планы государя простирались значительно дальше.

Впрочем, южные победы были необходимы не только для безопасности страны. Петр стремился добиться свободы плавания русских кораблей по Черному морю, а значит свободного их прохода в проливы, ведущие в Средиземноморье.

Но это все же была политика, ограниченная одним направлением.

К тому же Черное море не обеспечивало выхода к рубежам ведущих стран Европы. И даже если бы, пролив реки крови, Петр сумел вовсе раздавить и уничтожить Османскую империю (чего ему, вероятно, и хотелось бы, но не такой ценой!), то уровня европейских держав Россия этим не достигла бы. Не на Турцию равнялись они в своем уже почти объединенном усилии поделить еще не мир, но Европу и часть Азии на сферы влияния, не Турция, с которой та же Франция успешно союзничала, была основной силой, которой бы Европа всерьез боялась.

«Это, — отмечает Молчанов, — была бы победа над отсталой, переживающей упадок страной, не имеющей регулярной армии, промышленности, технической культуры. Как бы ни укрепились позиции России на Черноморском побережье, на северо-западной границе ее независимость по-прежнему оставалась бы под угрозой. Такая опасность даже усилилась бы из-за отвлечения сил к югу»^[27].

Союз, заключенный Австрией, Венгрией и Польшей для войны с Турцией к началу XVIII века полностью распался. Правда, Россия на тот момент могла и в самом деле победить Турцию в одиночку. Не уничтожить полностью, но без лишних жертв разгромить и поставить в зависимое от себя положение. И многим (в самой России в первую очередь) казалось, что это нужно сделать.

Но Петр, несмотря на свою молодость и относительную политическую неопытность, понимал, что настоящей угрозы нужно ждать не с юга, а с севера. По выражению Молчанова он «сумел отдать предпочтение ВАЖНОМУ ПЕРЕД СРОЧНЫМ» (выделено мною. — *И. И.*).

Балтийское побережье было когда-то русским. За него воевали новгородцы, князь Александр Невский сумел отвести от него шведов и немцев.

Но наступили тяжелые для Руси времена, и Швеция надолго завладела этими берегами.

Русские цари и до Петра понимали, что Балтику нужно вернуть. Двадцать лет за нее вел упорные войны Иоанн Грозный, но его усилия оказались тщетны. Алексей Михайлович тоже однажды предпринял попытку выйти к северным берегам — но начатый им штурм Риги завершился ничем... Балтика оставалась недоступна.

Шведы тоже не были столь уж беспечны — они тоже отлично понимали, что войны с Россией за эти земли не миновать. Однако надеялись, что природные препятствия и надежные укрепления не дадут русским подступиться к Швеции, а у нее, благодаря выходу в море, напротив, всегда будет возможность когда вздумается напасть на Россию.

«Нас отделяют от этого врага большие озера, такие как Ладожское и Чудское, район Нарвы, обширные пространства болот и неприступные крепости. Россия лишена выхода к морю и, благодаря Богу, отныне ей будет трудно преодолеть все эти препятствия», — говорил шведский король Густав-Адольф, выступая в 1617 году перед своим риксдагом^[28].

Петр стремился преодолеть все эти препятствия и изменить карту прибалтийских владений.

А для осуществления этой идеи особенно был нужен мощный русский флот, созданию которого государь отдавал так много времени и сил, ради которого махал топором на голландских верфях.

Но кроме создания флота нужно было создать новое государство, по-новому организованное, которое было бы способно, обладая таким флотом и армией, взять под контроль обширные приморские области и защищать их не только военной силой, но и искусством дипломатии, умением ориентироваться в сложных политических ситуациях.

Вернувшись из своего Великого посольства, Петр Алексеевич начал активную преобразовательную деятельность. Именно она впоследствии стала основной мишенью историков, именно за этот на первый взгляд хаотический и неуправляемый штурм Петру приклеили прозвища одно другого обиднее — от «деспота и самодура» до «сумасшедшего».

Он менял буквально все, ошеломляя современников потоком указов и правил, которые внешне были мало связаны меж собой, иногда казались бессмысленными и даже дикими. Даже спустя столетия критики, разбирая «по пунктам» действия государя, обсуждая его невероятно разнообразную деятельность, не могли понять взаимосвязи этих действий, смысла этой деятельности. Им казалось, что Петр не имел никакой цельной программы, никакого продуманного плана преобразований, и его просто «мотало» из стороны в сторону, а его поступки порою были продиктованы случайными прихотями и побуждениями.

Но тогда почему же из этих прихотей, из этого хаоса дел и поступков, менее чем за сто лет выстроилась стройная система абсолютистского государства, с безукоризненно отлаженной государственной машиной? Как показывает опыт той же Европы, государства создаются и совершенствуются куда медленнее...

«Если заниматься традиционным фактописательством, — с некоторой иронией замечает Молчанов, — то и в самом деле легко попасть в плен многочисленных КАЖУЩИХСЯ (выделено мною. — *И. И.*) парадоксов в деятельности Петра. Как понять, например, то обстоятельство, что, еще не разделившись с турецкой войной, но уже встав на порог новой, еще более трудной войны против Швеции, Петр вскоре после возвращения в Россию ликвидирует стрелечье войско, составляющее основную часть армии? Как ни плохо организованы, обучены и вооружены стрельцы, это все же целых двадцать полков, без которых остается всего два полка бывших потешных — Преображенский и Семеновский и два полка нового строя — Гордона и Лифорта. Не идти же с этими четырьмя полками против прославленной победными шведской армии...»^[29]

Можно сразу же добавить: а как идти против прославленной армии с теми полками, каковыми тогда были стрельцы? С неумеющими зарядить пищали (по выражению Ивана Посошкова) дворянами, с худой конницей, с бойцами, готовыми отсиживаться в окопах и прятаться от атаки? С четырьмя разобьют, а с такими двадцатью засмеют... На турок с грехом пополам хватило, но вести их против шведов? То же самое, что выступить против шведского флота с потешными ботиками Переяславского озера.

Нет, Петр не сошел с ума, опережая события и стремясь заложить основу будущего там, где его современники не могли понять даже сегодняшней ситуации. «Уникальная особенность личности Петра Великого состояла в том, — пишет далее Молчанов, что его мысли и действия не разделялись. ОН МЫСЛИЛ, ДЕЙСТВУЯ, И ДЕЙСТВОВАЛ, МЫСЛЯ!» (выделено мною. — *И. И.*). Порой его дела даже обгоняли мысли. Гениальная интуиция превращала внешне хаотическую бурную импровизацию в четкую систему целенаправленных усилий. Во всем, что сделано Петром, в конечном счете, обнаруживается железная логика государственного интереса^[30].

Роспуск стрелечьего войска, от которого смут и неповиновения можно было ждать скорее, чем отваги и дисциплины в бою, не оставил Россию беззащитной перед перспективой долгой и трудной войны. В июне 1699 года стрелечьи полки были упразднены, а уж 19 ноября того же года издается указ о формировании тридцати новых полков. При их создании был применен совершенно новый по тем временам рекрутский набор — призывались «даточные» люди, то есть крепостные от определенного количества дворов, а также вольные люди.

Так впервые в России был осуществлен призыв в регулярную армию.

Главным «призывным пунктом» становится село Преображенское. И отбор ведется самым строгим образом. Петр проверял и определял годность рекрутов сам, и тут же начиналось их обучение.

Взяв за основу, но коренным образом переработав уставы западных армий, государь создал первый русский воинский устав. От Запада берется то, что действительно может быть полезно и напроочь отвергается внешнее, ненужное показное. Кто-то из офицеров-иностранцев предложил было создать русскую форму на манер шведской — красочную и нарядно украшенную. Петр с иронией ответил, что ему нужны солдаты, а не куклы балаганские. Русская форма оказалась простой, удобной и неброской. Зато понравился государю и очень быстро был одобрен солдатами шведский «багинет» — штык, привинченный к винтовке.

Советы иностранцев в конце концов начинают раздражать государя, и он довольно быстро отстраняет приглашенных из Европы военных и заменяет их русскими.

Создавая новую армию, Петр ни на минуту не забывал и о другом своем любимом детище — военном флоте, который строился на верфях Воронежа. Едва наладив рекрутский набор, царь спешно отправился посмотреть, как там обстоят дела.

То, что он увидел, обрадовало и даже поразило государя. Тогда, два года назад, когда он закладывал эти верфи, его бурная энергия казалась многим чрезмерной, а кому-то наивной: экой мечтатель — вздумал Россию в плавание отправить! Но воля, устремленность, вера Петра многих воодушевила и

заразила, и теперь, без него, сотни людей работали почти с той же энергией, вкладывая все силы в осуществление его дерзкого замысла. Десятки кораблей уже были готовы к спуску со стапелей, некоторые доделывались на воде. Тут же обнаруживались многие недостатки и недоделки, возникшие от неопытности мастеров и недостатка настоящих специалистов, но все это исправлялось, переделывалось, совершенствовалось.

Конечно, вспоминая верфи Амстердама, Петр понимал, что воронежским до них пока далеко. Но ведь это было только начало!

Впрочем, проведя в Воронеже несколько дней, государь всерьез озаботился нештучными проблемами строительства. Многие из мастеров и начальства самым беззастенчивым образом воровали! Занявшись дотошной проверкой, Петр нашел «чистыми» лишь нескольких человек — вороват оказался даже начальник верфей.

Огорчало и то, что простые рабочие, в основном пригнанные на строительство крестьяне, не понимая, к чему эта работа вдруг понадобилась, не умея к ней привыкнуть и почувствовать ее необходимость, попросту разбегались с верфей... Не объяснять же каждому, для чего России флот и как важна при его создании каждая пара рабочих рук!

«Уповаю на Бога с блаженным Павлом!» — пишет Петр из Воронежа одному из своих сподвижников.

Но уповая на Бога, Петр работает, работает не покладая рук, по-прежнему не гнушаясь топором, пилой, рабочим фартуком, и те, кто видят его на стапелях, понимают — раз уж государь сам как каторжный трудится, значит дело это действительно нужное.

Петра смело можно назвать мечтателем. Он постоянно желал того, что в принципе представлялось современникам невозможным.

И при этом он неуклонно осуществлял свои мечты.

Его действия, даже если в них не сразу обнаруживалась взаимосвязь, были всегда целенаправленны, иной раз цель определялась только тогда, когда фактически была уже достигнута — так стремительно работала мысль государя, такой разгон придавал он своей неустанной созидательной работе.

Государство, с новой государственной машиной, новой дипломатией, новой армией в новых мундирах, с новым военным флотом создается за несколько лет, при помощи мощного давления, титанического труда, великой воли и великой мечты.

Мечты о Великой России.

Все для победы!

Решив начать Северную войну, Петр, на первый взгляд торопливый в своих решениях, в действительности самым тщательным образом обдумывал все возможные трудности этого опасного предприятия, и все, что было для его осуществления необходимо.

А необходимы для войны были, прежде всего, деньги.

В короткие сроки государь заново перестраивает систему налогообложения, до того примитивную и неэффективную, усиливает государственный контроль за всеми поступлениями в казну. С целью повышения доходов городского купечества и промышленников, в городах упраздняются воеводы и вводится власть выборного городского самоуправления. Учреждается Бур ми стрелка палата, куда отныне централизованно стекаются городские сборы со всей страны.

Вызывая новое неудовольствие сторонников старых порядков, царь берет под контроль и доходы церковные, а также запрещает церквям выплачивать жалование священникам, у которых есть свои имения, приносящие доход.

Позднее учреждается Монастырский приказ, контролирующий церковное имущество. Как итог деятельности только этого приказа — с 1701 по 1710 годы государство получило дополнительный доход более миллиона рублей.

Стоит упомянуть еще об одном, очень забавном налоге, правда, не принесшем таких больших доходов, но лишней раз доказывающем рациональный подход Петра ко всему, из чего можно было извлечь выгоду для государства.

Введя столь шокировавшее многих сторонников старых традиций «брадобритие» (о котором мы позднее еще поговорим), государь обязал непременно бриться только людей служилых, в основном военных. Остальные, если хотели, могли не только остаться при бороде, но и по-прежнему носить старое платье, не обзаводясь европейскими кафтанами. Но за это... надо было платить! Хочешь ходить по старинке — плати налог, и никто тебя не тронет. Мзда была не так уж велика и для людей состоятельных необременительна, а несостоятельных, то есть крестьян, эта реформа совершенно не касалась: их никто бриться не заставлял.

Столь же стремительно развивается промышленность, главным образом военная. Петр не желает больше покупать оружие в Голландии, а железо в Швеции, тем более, если с нею придется воевать. На Урале строятся доменные печи, литейные цеха. Первый из них был заложен в 1698 году в городе Невьянске. Уже спустя три года он стал давать чугун, а в пушечных цехах из него начали лить пушки.

Одновременно разворачивается отечественное государственное производство пороха, канатов, парусины и другой наиболее необходимой стране продукции. За три-четыре года в разных городах были выстроены и стали действовать более сорока заводов!

Справедливости ради надо сказать, что развитие русской промышленности не потребовало от Петра «отсчета с нуля», как иные другие его преобразования. Здесь он вполне мог положиться на традиции. В России был широко развит труд ремесленников, причем они работали повсеместно — не только в городах, но и в сотнях деревень. Изделия ткачей, кузнецов, гончаров, кожевников, сапожников высоко ценились на рынке, и многие хорошие мастера имели крупные мастерские, на основе которых в начале XVIII века возникают мануфактуры, распространяются по всей стране, и из них выходят великолепные отечественные мастеровые и рабочие, даже предприниматели.

Они-то и помогли государю в создании заводов и фабрик.

Реформируя систему управления, Петр Алексеевич упраздняет старые приказы и создает новые. Их названия говорят сами за себя: Адмиралтейский, Военно-морской, Военный, Провиантский, Артиллерийский, Рудокопных дел.

Одновременно те приказы, в которых уже не было необходимости, упраздняются — как, например, Стрелецкий приказ, который после роспуска войска был уже не нужен.

В связи с этим почти полностью исчезает влияние на государственные дела прежде всецельной Боярской думы. Бояре, не желающие принимать участия в царских нововведениях, от должности не устраниются, однако ничем уже не управляют. Вся власть быстро и последовательно сосредотачивается в руках царя.

Это был самый энергичный, после реформ Иоанна Грозного, шаг к введению абсолютизма в России.

Пожалуй, все это было самым сильным поводом для недовольства среди «старых кадров» страны.

Историки-славянофилы любят писать об обиде бояр на распоряжения брить бороды, носить в официальных случаях европейское платье. Но это как раз не столь важно — многие, в особенности молодые бояре, вроде того же Василия Голицына, и так это делали, а кто не хотел, мог от официальной жизни устраниваться или, как уже было сказано, платить «налог на бороду».

Но вот лишение реальной власти, а значит, большей части доходов, — это уже был повод не просто для недовольства. Это был повод для ненависти.

Как ни странно, о реальных крупных заговорах, направленных на убийство царя, на тот период ничего не известно. Означает ли это, что их не было, что напуганные примером Ивашки Цыклера бояре присмирели, либо попытки покушений делались, но не достигли цели и не стали известны? В это трудно поверить. А вот в то, что подобные факты могли замалчиваться, а участники заговоров просто тайно ликвидироваться, верится вполне. Система тайной слежки и сыска тогда уже начала внедряться и, вероятно, приносить свои первые плоды. (А тем, кто, читая эти строки, скривился, позволю себе напомнить, что без системы государственной безопасности государство не может существовать, и упразднить таковые системы возможно, только упразднив само государство...)

Итак, врагов у Петра в это время, несомненно, не убавилось, а прибавилось, и основные враждебные силы пока находились в России, а не за ее пределами.

А он продолжает свое грандиозное строительство, продолжая готовиться к самому серьезному шагу — к многолетней борьбе за то, о чем много лет мечтал, но что не успел осуществить его великий предшественник Иоанн Грозный — выход в Балтийское море, который обеспечил бы возможность военного равновесия между Россией и ведущими европейскими странами. Предстояло решающее противостояние со Швецией и усмирение ее нахальных претензий на северные, исконно русские земли.

Но отвоевать мало, надо удержать. Надо «ногою твердой встать у моря». Не вязнуть в болотах, не караулить туманные берега, заросшие лесом. Но выстроить на своей земле города, которые были бы не хуже европейских.

Так рождается великая утопическая мечта о новой столице. Рождается и воплощается, как большинство «утопий» Петра.

Из тьмы лесов...

Когда мы всем городом готовились отметить его трехсотлетний юбилей, как водится, нашлись витии, что в газетках, а больше изустно стали припоминать одно, якобы очень давнее предание.

Встретил-де государь-батюшка в лесах близ Финского залива некоего старца, и тот старец сказал ему о будущем новой столицы: «Ровно триста лет от основания простоят град твой!» (Говорят, эта же притча была в ходу перед двухсотлетием Санкт-Петербурга, но тогда старец почему-то вешал: «двести лет...» Оговорился, наверное.)

Газетки в связи с этим в который раз стали обсуждать гипотезу очередных потопов, землетрясений, метеоритов, космических пришельцев, эпидемий и т. д. Свою задачу — смутить и прилунить народ в канун праздника пишущие и нашептывающие, строго говоря, не выполнили: даже и тени паники не создали, и что совсем уж для них обидно — настроения не испортили. Если кому и не в радость был праздник, то не по этой причине. А Питеру благополучно минуло триста один.

Тем, кто доживет до четырехсотлетнего юбилея Санкт-Петербурга, советую вспомнить притчу — она наверняка всплывет снова, и на этот раз финский старец скажет: «четыреста лет».

Ну, а если серьезно, то всякие пророчества, легенды, мистика сопровождают наш город во все время его существования. Потому что и впрямь он был создан как сказка и небыль, потому что стоил великих жертв и крови, потому что благословения и проклятия одинаково равно впитались в его болотистую землю.

Места здешние для русских людей святы. Неподалеку (по российским меркам) находится Старая Ладога, город, с которого, как свидетельствуют последние открытия ученых, и начиналось Русское государство. На берегах Невы, а затем Ладоги совершал свои великие подвиги князь Александр Невский. Здесь закладывались основы русского государственного самосознания — идея защиты Отечества, Всяя Руси, а не отдельных княжеств и уделов.

Наверняка это понимал и государь Петр Алексеевич. Не случайно же он в первые годы строительства Санкт-Петербурга превращает монастырь Александра Невского в лавру и перевозит сюда из Переяславля-Залесского мощи Святого Князя, утверждая его небесное покровительство над новой столицей России.

Замысел строительства города, который соединил бы в себе черты самого по тем временам современного западного полиса и русской великодержавной столицы, наверняка созрел не в одночасье. И вместе с прагматическим расчетом: выстроить крепость в устье Невы, закрыть на замок северные рубежи России, создать форпост для войны со Швецией, — видимо, вынашивалась мысль и о большом культурном центре, в котором русская мысль и русская культура могли бы сделать столь же стремительный скачок, что и экономика. Москва не годилась для осуществления этой задачи — старые традиции, а главное замедленный ритм ее существования неизбежно воспрепятствовали бы такому развитию.

Историки (даже многие славянофилы!) отмечают, что занятый военными и экономическими преобразованиями, Петр I, тем не менее, активно осуществлял и преобразования в сфере культуры и науки.

Н. Н. Молчанов пишет: «Ни о чем так горячо, постоянно, настойчиво не мечтал Петр Великий, как о создании русской школы и русской науки»^[31].

Путешествуя по западным странам, государь, наряду с ремеслами и политикой, в особенности интересовался европейской системой образования, накопившей к тому времени огромный созидательный опыт. Для учрежденной в Москве Навигацкой школы, первого светского учебного заведения России, Петр пригласил троих преподавателей-англичан. Но это было лишь начало. Государю вовсе не хотелось, чтобы русских людей учили иностранцы, и он стремился поскорее подготовить своих инженеров, медиков, офицеров, архитекторов.

Уже с конца XVII века в России постоянно выпускаются книги по истории, астрономии, навигации, литературе. По-прежнему направляются за границу молодые люди для обучения различным наукам. Петр все меньше внимания уделяет сословию — при выборе кандидатов для обучения на Западе, как и для назначения на должности, выполнения ответственных поручений, главными критериями являются способности и ум.

Центром образования и культуры предстояло стать Санкт-Петербургу.

Создавая его, государь создавал не просто столицу, не просто неприступную крепость, не просто форпост России на северных рубежах. Он хотел построить действительно прекрасный город, который восхитил бы самых взыскательных гостей.

Вначале это казалось немислимым. Топкие берега Невы, непроходимые чащи, тучи комаров, волки, в первые годы строительства рыскавшие по главным «перспективам», лютые зимы, летняя сырость и буйные ветра Балтики.

Но Петр, поставив себе ясную цель, уже не понимал смысла слова «невозможно».

Современный историк, один из крупнейших исследователей петровской эпохи, профессор Ю. Беспятых в телевизионной передаче, посвященной Санкт-Петербургу, привел удивительный пример. Он напомнил, как создавались великолепные сады, в которых утопает наш город и которыми так восхищаются иностранцы. Любуясь ими, мы и сами не задумываемся, что, казалось бы, в наших широтах не должны расти липы, клены, а уж южному дереву каштану тут и вовсе делать нечего. Но ведь они у нас растут! Да еще и как. Каштаны весной сплошь покрыты высокими свечками своих соцветий, потом на них появляются зеленые «жейки» плодов, и они вызревают! А все дело в том, что триста лет назад по приказу Петра Великого в новый город привозили по весне взрослые деревья из более южных широт России. Привозили и высаживали.

«Из десяти тысяч, — говорит профессор Беспятых, — восемь тысяч погибли. Но две тысячи прижились и росли!»^[32] А еще надо добавить, что выжидали-то самые выносливые, самые стойкие, то есть лучшие представители породы. Значит их потомство — особенно здоровые и сильные деревья, и «второе поколение» этих лип и каштанов полностью акклиматизировалось, приспособилось в наших местах. Плод каштана далеко не укатится, они растут только в городе, но липок, кленов у нас сейчас полно и в окрестных лесах. Кто задумывается о том, что когда-то их севернее Псковской области не было и быть не могло?

И это стремление сделать северный город садом, чудом — не блажь, не нелепая прихоть монарха. Это то, что всегда так поражало и поражает в русских людях — неутолимая жажда совершенства, гармонии. И чем тяжелее жизнь, тем эта жажда в нас сильнее. А Петр был русским до мозга костей. И он совершил невозможное: за двадцать лет выстроил в совершенно непригодных для жизни и строительства условиях один из самых прекрасных на земле городов.

Да, Петербург дорого стоил. Но он был необходим России. Именно такой: крепость, дворец, райский сад, и вместе с тем — нерушимый символ российского абсолютизма.

Москва оказалась покинута, хотя и не заброшена. Но теперь, в отсутствие государя, в ней могли еще активнее развиваться и консолидироваться силы оппозиции. Хотя до поры до времени эта оппозиция ограничивалась одними разговорами. Окружив себя теперь уже проверенными, испытанными в первых боях и в долгом заграничном путешествии людьми, соратниками и друзьями, Петр Алексеевич стал достаточно силен — его уже невозможно было заставить врасплох.

Начало войны

Санкт-Петербург стал, прежде всего, форпостом северных рубежей России, к моменту его основания уже вступившей в войну со Швецией.

Предшествовали этому началу войны переговоры и заключение мира (увы, недолгого!) с давним врагом Руси — Турцией.

Вернувшись из Великого посольства в Москву, Петр оставил в Вене одного из трех великих послов — Прокофия Богдановича Возницына, старого, очень опытного дипломата, много лет проработавшего в Посольском приказе. Ему была поставлена конкретная задача — любой ценой добиться безопасности южных рубежей России. Правда, в 1698 году Петр еще не говорил открыто о войне со Швецией, но умный и проницательный Возницын отлично понимал намерения царя и полностью одобрял их, а потому свою миссию исполнил превосходно.

Основные переговоры с Турцией, в которых принимали участие кроме России еще Австрия, Голландия и Польша, произошли на так называемом Карловицком конгрессе в октябре 1698 года, и о них можно было бы не писать подробно, но много забавных и, напротив, печальных событий, которые ему сопутствовали, делают это дипломатическое предприятие довольно любопытным.

Карловицы — небольшое местечко вблизи Белграда, не были приспособлены для принятия большого числа сановных особ, прибывших из разных стран. (Так и остается загадкой, почему не было найдено ничего лучше!) Жить пришлось прямо на берегу Дуная, в палатках. Меж тем близилась зима, задули студеные ветры, в ноябре пошел снег, а дров для господ-послов никто не заготовил. Не самим же рубить? Да и где?

Остается лишь восхищаться мужеством Прокофия Богдановича. Он был уже очень немолод, но все тяготы выносил стойко. Надо думать, порадовался, что не отказался от старинной русской одежды и приехал на конгресс в долгополой, подбитой соболями шубе. Вот уж когда золоченые европейцы позавидовали москвитину!

Стужа и разгоревшиеся на конгрессе страсти способствовали несдержанности иных дипломатов. Польский посол пан Малаховский пришел в Карловицы пешком... у него то ли пали по дороге лошади, то ли их ему вообще не выделили. Но при этом он проявил такой гонор, что начал свое посольство с драки!

Полез в бой с русскими за почетное место на одном из собраний. Московиты дали пану отпор. Впрочем, тот вскоре не стерпел лютой стужи и покинул конгресс.

Ко всему, эти места оказались небезопасны: кругом рыскали разбойники, прослышавшие, что в Карловицах собралось много знати. На обратном пути в Вену был ограблен дипломат из Австрии. Он получил серьезное ранение, а четверо его слуг были убиты.

Что до самих переговоров, то благодаря уму, спокойствию, а когда надо и решительности Возницына, они прошли для русской стороны успешно. Турки поначалу хотели предложить России, коль скоро она сама заговорила о мире, самые унижительные условия, но московский посол решительно заявил, что раз так, то Россия вполне может продолжать войну, поскольку «в одной победу одержать может». Тогда турецкая сторона немного снизила тон, но все же потребовала вернуть Азов, на что Возницын не смущаясь отвечал, что сие возможно, если турки отдадут России Очаков и Керчь.

«Турские послы, — вспоминал об этом Прокофий Богданович, — то услышали, в великое изумление пришли и вдруг в образе своем переменились и, друг на друга поглядев, так красны стали, что больше того невозможно»^[33].

Спокойному и решительному отпору со стороны русских изумлялись и европейцы.

«Тогда злорастным устремлением, молчал и чернев, и краснев много, испустил свой яд аглинский посол и говорит: уж де это и незнамо что... Я, видя его наглость и делу поруху, говорил галанскому послу, чтоб он того унял»^[34].

Но окончательно Возницын «достал» басурман, когда в конце декабря, направив поздравления с Рождеством Христовым всем европейским дипломатам, поздравил и турок тоже...

Ловкость русского дипломата помогла заключить с Турцией перемирие на самых выгодных условиях. Не понадобились даже небольшие уступки, которые Петр, инструктируя Возницына, вполне допускал. В январе 1699 года договор был подписан.

Карловицкий конгресс немаловажен еще и с той точки зрения, что на нем послы иностранных держав воочию увидели, как окрепла и возмужала Россия — теперь ее посланники говорят с друзьями и с врагами уже совершенно другим языком и другим тоном.

Реакция не замедлила последовать. В Москве вскоре работает чуть ли не вдвое больше иностранных резидентов — Европа начинает понимать: игнорировать Россию больше нельзя, это время прошло!

Зато за спиной России, уже и после Карловицкого конгресса, европейские державы усиленно убеждают Турцию прервать перемирие и продолжать войну с московитами... Поражение под Азовом стало для них неплохим уроком. И в конце концов перемирие перерастает в долгожданный мир: 8 августа 1700 года был заключен Константинопольский договор между Россией и Турцией. Это не был «вечный мир», но соглашение о прекращении военных действий сроком на тридцать лет. По этому договору Россия прекращала выплату дани крымскому хану и сохраняла за собой Азов и устье Дона.

Теперь у Петра были развязаны руки, и уже на другой день, 9 августа он официально объявил войну Швеции.

Некоторые историки (причем среди них есть и славянофилы, и западники) упорно называют этот шаг русского царя «нападением на Швецию».

Да, собственно говоря, это было нападение... если воспринимать его как лучший вид обороны. Всем, и в первую очередь самой Швеции, было очевидно, что она не предпринимает никаких агрессивных действий по отношению к России только до тех пор, пока Россия отсиживается за своими болотами и не является для нее серьезным соперником — ни в политическом, ни в экономическом, ни в военном смысле. Это даже если не учитывать того бесспорного факта, что посягнул Петр на русские земли, отнятые некогда этой самой Швецией у России.

Первый поход Северной войны, как и первый азовский поход Петра, закончился неудачей. В октябре 1707 года русские войска осадили город Нарву — сильную шведскую крепость. Осада длилась месяц, и 19 ноября завершилась поражением наших войск. Причин тому все без исключения историки называют две: откровенное предательство Дании, на поддержку которой русский царь серьезно рассчитывал, и ошибку самого Петра. Точнее не ошибку, а вынужденный компромисс: русская армия была еще в стадии формирования, офицерских кадров не хватало, и многие полки были укомплектованы наемными западными офицерами, которые отнюдь не проявили в осаде и штурме крепости ни героизма, ни военного дарования. Действительно геройски дрались элитные гвардейские полки — преображенцы и семеновцы. Но двумя полками крепостей не берут!

Петра эта неудача не обескуражила. Казалось, он предвидел ее возможность. Позднее, в написанной им «Истории шведской войны» он подвергает анализу это первое испытание новой армии и совершенно трезво оценивает и ее необученность, и просчеты с ее снабжением, даже боеприпасами, а главное — слабость военачальников, набранных из иноземцев. Петр с горькой иронией пишет, что действия армии походило на детскую игру. И далее он пишет о самом себе и что его сие несчастье вынудило отказаться от лени и проявить трудолюбие. Это он-то был ленив?! Ничего себе! Но Петру даже тогда, когда он работал сутками, казалось, что времени для работы мало. (Однако удлинить сутки даже не в царской власти!)

Немедленно принимаются меры к восстановлению сил армии. В Москве был объявлен новый набор. Уже действующая армия в количестве двадцати трех тысяч человек, отступившая от Нарвы, занимает позиции на линии Псков — Новгород, и государь под страхом смерти запрещает отступать дальше этой линии. Эти два города, а также Псково-Печерский монастырь в спешном порядке превращают в крепости — строят укрепления, насыпают валы, подвозят боеприпасы.

Чтобы восстановить потерянную под Нарвой артиллерию, государь бросает новые силы на развитие металлургии — прежде всего на Урале. Но металла катастрофически не хватает. Именно тогда Петр отдает приказ, который наверняка стоил ему немалых нравственных усилий: снять часть колоколов с церквей и перелить их на пушки. Что ж, гром орудий тоже должен был достичь Божьего слуха, коль скоро битва за Россию велась во славу Божию. Петр свято в это верил и колебался недолго...

Зато в наши дни колокола над православными церквями звонят и в Нарве, и в Кронштадте, и в Петербурге.

Прошло чуть больше года, и в конце января 1701 года посол императора Священной империи германской нации господин Плейер отписал в Вену, что армия русских в течение самого краткого времени усилилась втрое.

Историки отмечают, что если для Петра Нарва стала уроком, проверкой сил, то совершенно роковые последствия она имела для его противника — шведского короля Карла XII. Юный монарх, совсем недавно вступивший на престол, от природы честолюбивый и самонадеянный, возгордился своей

победой до такой степени, как если бы уже въехал на белом коне в Кремль. Он мнил себя уж по меньшей мере Александром Македонским и рвался в дальнейшие сражения. При этом вслух говорил о русской армии и русском государе с презрением и издевкой: «Нет никакого удовольствия биться с русскими, потому что они не сопротивляются, как другие, а бегут»^[35].

«Великой победой» Карла XII тут же возгордилась вся Европа. Во всех странах радовались ей, превозносили ее и сильно преувеличивали, раздувая и без того непомерную гордыню Карла, то есть упорно толкая его к гибели...

Шведского короля объявили героем, хотя вел он себя достаточно подло: когда было заключено соглашение об отступлении русских войск от Нарвы, было условлено, что они отступят с оружием и знаменами. Но стоило уйти из лагеря семеновцам и преображенцам, которые навели на шведов страху, как те совершили нападение на оставшиеся части и захватили в плен нескольких офицеров.

Столь же «благородно» Карл поступил и с гражданскими представителями России. Едва была объявлена война, как король приказал арестовать русского посла в Швеции и, более того, — всех русских торговцев, которые имели несчастье там находиться. Это в то время как Петр разрешил шведам покинуть Россию.

Карл XII одерживает еще две победы, но уже не над русскими: его полки побеждают в Дании и наносят поражение саксонцам под Ригой. О юном монархе начинают слагать легенды и называют его «непобедимым». А он уже мечтает о безграничных просторах России, уже мысленно примеряет русскую шапку Мономаха... Ну-ну!

С конца 1701 года русская армия начинает побеждать. Русские берут одну за другой шведские крепости Нотебург (переименованный в Шлиссельбург) и Ниеншанц, завоевывают Ингрию, возвращают старинные русские города Ям и Копорье. В мае 1703 года Петр закладывает в устье Невы свою новую столицу и начинает строительство русского балтийского флота. В июле 1704 года шведы теряют крепость Дерпт, в августе русские берут Нарву!

Собственно, это было уже достижение поставленной цели, и если бы в это время Карл XII захотел заключить с Россией мирный договор, признав ее завоевания, ему бы это удалось.

Но он и не помышлял о мире, будучи уверен, что успехи Петра временные, и ему еще удастся нанести русским сокрушительное поражение.

Швеция впервые столкнулась с Россией по-настоящему сильной. С новой Россией, которая твердо предъявила права на свои некогда отнятые у нее земли.

Трудно сказать, понимал ли Карл XII, что это новое государство выросло всего за несколько лет и стимулировать этот небывалый его рост сумел фактически один человек, русский царь, своим неумным гением изменивший не только положение вещей в России, но и всю расстановку сил в Европе.

Как бы то ни было, для шведов Петр I становится врагом номер один и, судя по всему, для других европейских стран тоже. Они всей душой были на стороне шведов, и когда русская армия начала наносить им поражения, всерьез обозлились и даже испугались.

Но вряд ли кто-либо из западных политиков представлял себе весь масштаб происходящего. По-настоящему им предстоит понять высоту взлета России после Полтавы, которая была уже не за горами.

Нет никаких данных о том, были ли предприняты уже в то время какие-либо попытки со стороны западных недругов России с целью уничтожить русского государя. По логике вещей уже тогда многие могли понять, как опасен Петр и насколько опаснее он становится для своих противников с каждым годом.

Однако даже если бы у западных политиков и зрел какой-то коварный план, по той или иной причине не осуществленный, до нас сведения о нем не дошли.

На кого опереться?

Вместе с ушедшим в небытие XVII веком от Петра ушли двое его самых преданных сподвижников. 2 марта 1699 года умер адмирал Лефорт. Ему было всего сорок пять лет, и эта неожиданная кончина стала тяжким ударом для молодого царя.

За гробом своего преданного друга он шел рыдая и не пытался этого скрыть. Среди иных бояр нашлось несколько человек, которым, как видно, были безразличны заслуги знаменитого полководца и его верное служение России в течение многих лет. Они, решив, что царь в горе своем ничего не видит и никого не замечает, попытались уйти с поминок «по иноземцу». Но Петр отлично все видел. В гневе вскочив с места, он приказал боярам вернуться. «Какие ненавистники! — воскликнул царь. — Верность Франца Яковлевича пребудет в сердце моем, доколе я жив буду, и по смерти понесу ее с собой в могилу!»

А осенью того же года скончался второй великий иностранец — генерал Гордон.

Со смертью этих двух выдающихся полководцев и государственных деятелей фактически завершается период «зарубежных друзей» Петра. Ни с кем из работавших впоследствии при русском дворе иностранцев он уже не был связан дружескими узами, да и само влияние зарубежных специалистов на развитие России все более слабеет.

Историки-славянофилы и историки-западники имеют на этот счет полярные точки зрения, поэтому имеет смысл привести мнение историка «с той стороны». Французский профессор Роже Порталь, один из наиболее серьезных западных исследователей петровской эпохи утверждает: «Роль иностранцев, неотделимая от политики Петра Великого, составляла дополнительный вклад, иногда очень ценный, который ускорял... эволюцию, но не был определяющим. Влияние иностранцев было наиболее значительным в первоначальном определении политики Петра, в период до начала войны против Швеции. Затем оно ослабевает, и Россия, особенно после Полтавы, начинает сама оказывать растущее влияние на Европу»^[36].

Правда, с одним иноземцем Петру еще довелось близко сотрудничать и, пожалуй, сдружиться.

Но это был уже не офицер и не дипломат. И не эмигрант.

Едва начинается строительство новой столицы на берегах отвоеванной у шведов Невы, государь приглашает в Россию нескольких крупных архитекторов, чтобы строить город по всем правилам прославленного европейского зодчества.

Опять можно сказать — ну не утопия ли? Возводя крепость, закладывая город в самых диких, до того почти необитаемых местах, уже мечтать украсить его лучшими в мире дворцами, уже намечать четкий градостроительный план?

Но опять приходится напомнить: ведь Петр выстроил этот город! С идеальной планировкой улиц, с великолепным расположением крепости, с домами и дворцами, которые уже через двадцать лет после начала строительства изумляли даже самые взыскательные европейские взоры. Первым архитектором Санкт-Петербурга, другом и соратником государя, сумевшим понять дерзновение его планов и изо всех сил пытавшимся поспособствовать их исполнению, стал первый зодчий Петербурга гениальный Доменико Трезини.

Он был не итальянцем, как почему-то часто ошибочно пишут в справочниках по городу, а швейцарцем, получившим великолепное образование и до приезда в Петербург уже имевшим хорошую практику в Европе.

Наверное, это был тоже романтик и мечтатель, если согласился (каких бы там денег ни обещали!) ехать в комаринные болота, в глушь русских лесов, чтобы строить город в разгар кровопролитной войны, которую во все время строительства вел пригласивший его в Россию государь. Трезини рискнул всем и в полном смысле слова стал великим!

Тут придется сказать еще об одном даровании Петра Великого, о котором практически не упоминают историки и исследователи, подавленные неисчерпаемостью его натуры. Петр, без всякого сомнения, был от природы наделен выдающимися способностями архитектора.

Не имея не только абсолютно никакого образования в этой области, но совершенно не представляя себе правил современного ему европейского зодчества, государь задумывает для строительства Санкт-Петербурга план, который изумил Трезини продуманностью и четкостью. Простым карандашом, на листе подвернувшейся под руку бумаге государь быстро набрасывает перед Трезини контуры будущей крепости, рисунок собора, который хотел бы видеть в центре ее, рисует улицы и площади.

— Вы где-нибудь учились этому, ваше величество? — спрашивает пораженный архитектор.

— Да где бы? — в свою очередь удивляется Петр. — И времени бы на то не хватило. Учились вы. Вам и строить.

В дальнейшем они составляют и продумывают проекты вместе, Петр утверждает все архитектурные планы зодчего, приезжает на строительство.

Петропавловская крепость становится шедевром не только искусства фортификации (а что она, с ее безупречным расположением стен и бастионов, практически неприступна, отмечали все специалисты того времени), но и шедевром архитектурным, а это, по мнению многих искусственных людей, было тогда вообще не сопоставимыми понятиями: как это — крепость и вдруг красота стиля и благородство линий. Абсурд!

Но доминирующий над могучими стенами красавец-собор, который издали напоминает плывущий корабль, совершенно меняет не только внешний облик крепости, но и само представление о ней как о твердыне и «военном объекте». Если главное в крепости — храм, то она построена не только и, возможно, не столько для войны. Она не только оборонительная, но и духовная цитадель города.

Тот же Трезини, проявляя чудеса изобретательности, строит удивительное по своей простоте и продуманности здание двенадцати коллегий. В чем его необычность? Да в том, что в реальности зданий там действительно двенадцать — двенадцать изящных высоких крыш над... одним длинным-длинным корпусом. Для чего это понадобилось? Да для того, чтобы сэкономить труднодобываемые, дорогие по тем временам, тем более в строящемся городе, камень и кирпичи. Корпус один, а зданий, получается, двенадцать!

Столь же изобретателен был Трезини, проектируя Лавру, целый ряд других зданий и сооружений.

А главное, они вместе с государем составили и осуществили генеральный план застройки, который и сейчас поражает идеальной точностью и гениальной простотой.

Петр обладал неиссякаемой энергией, которой умел заражать других. В том случае, если тот, от кого энергия требовалась, был хотя бы отчасти единомышленником царя. Вероятно, во многих, на кого царь рассчитывал изначально, ему пришлось разочароваться. И прежде всего это была та часть общества, то сословие, интересы которого в первую очередь, казалось бы, поддерживали петровские реформы — дворяне. Именно им, в отличие от бояр, предоставлялись широчайшие возможности проявить себя на государственной службе, освоить новые знания, стать самым передовым сословием государства. Однако многие, очень многие представители русского дворянства не сумели понять ни великих замыслов преобразователя, ни открывшихся перед ними возможностей. Об этих «врагах самим себе» лучше всего в свое время сказал В. О. Ключевский, чье мнение особенно ценно, потому что он, как представитель либеральной интеллигенции, далеко не сторонник Петра Великого. «Это было сословие... не привыкшее воспитывать народ, практически разрабатывать и проводить в общество какие-либо идеи и интересы высшего порядка. Но ему суждено было ходом истории стать ближайшим проводником реформы, хотя Петр выхватывал подходящих дельцов и из других классов без разбора, даже из холопов».

Так как дворянство, на которое рассчитывал опереться государь, оказалось плохим проводником его идей, то низшие сословия воспринимали их еще медленнее. Реформа шла полным ходом, а народ, ради которого, в конечном итоге, она совершалась, поспевал за нею с трудом.

Недовольство, безусловно, было и в низших слоях. Однако едва ли можно предположить, что в среде мелкого мещанства, а тем более крестьянства мог созреть крупный заговор. Петровская эпоха, столь тяжелая для подавляющей массы народа, которому пришлось за двадцать лет поднять работу, рассчитанную на сотню лет, — эта эпоха, как ни странно, не прославилась даже сколько-нибудь значительными восстаниями. Наиболее крупное народное движение того периода — восстание Петра Болотникова не идет ни в какое сравнение с бунтом Стеньки Разина или Емельяна Пугачева.

Рядом с Петром в самые бурные и нелегкие годы оказываются люди, способные работать с той же неутомимостью, что и он сам.

И, пожалуй, самой яркой, можно сказать, блистательной фигурой среди этих людей становится светлейший князь Александр Данилович Меншиков.

Легенда о неграмотном академике

Мы уже говорили, что о Петре Великом сложено много небылиц, а образ его в истории равно искажен теми, кто относится к нему с неприязнью, и теми, кто его любит и чтит.

Но неправильно и неточно написанные портреты Петра не идут ни в какое сравнение с изображениями, которыми историки «увековечили» его ближайшего сподвижника и друга Меншикова. Иначе как карикатурами, эти «портреты» не назовешь.

Что обычно вспоминается даже вполне начитанному человеку, когда звучит это имя? Ловкий пройдоха, бывший торговец пирожками с зайчиной, плутоватый казнокрад, хитрый царедворец... Добро, если при этом вспомнят, что Меншиков был первым губернатором Санкт-Петербурга, руководившим его возведением в отсутствие государя.

Человека, более приниженного и оболганного официальной историей, сложно отыскать. Легенд о Меншикове, причем самых диких и несусветных, пожалуй, вдвое больше, чем о самом Петре. Стоило бы немного разобраться с ними, потому что версии возможного покушения на государя нельзя рассматривать, не поняв, кто находился непосредственно рядом с ним.

О происхождении Александра Даниловича Меншикова досконально ничего не известно. Есть любопытная версия, что родом он не русский, что его отец был польско-литовский шляхтич, во время одной из войн попавший в плен и принявший русское подданство. По другой версии, Меншиков из торгового сословия. Что до пирожков с зайчиной, то эта притча очень старинная, но у нее подтверждений не более, чем у всех остальных версий.

Достоверно одно: Александр Данилович сблизился с государем еще в период противостояния Петра и Софьи, был вместе с ним в Троице-Сергиевом монастыре. Он же участвовал во всех его потешных баталиях, затем в Великом посольстве, затем во всех войнах и во многих дипломатических предприятиях государя. Был незаменимым спутником и бесспорно после смерти Лефорта — самым близким другом царя. Во многих случаях царь с ним советовался и, бесспорно, ему доверял.

Именно для Меншикова, первого губернатора новой столицы, строится на берегу Невы первый в Санкт-Петербурге настоящий дворец. По сравнению с ним «дворец» самого Петра, что в Летнем саду, кажется просто скромным домиком.

Правда, эти хоромы светлейший использовал не только для себя. Именно здесь, во дворце князя Меншикова, Петр принимал гостей, послов, устраивал праздники и пиры. В своем доме государь мог жить спокойно, его не тревожили, а вот дом его друга и главного официального лица города был всегда открыт для торжеств.

Князь не меньше царя любил всяческие забавы, а уж в организации праздников превзошел самого Петра, что, впрочем, было тоже необходимым умением: ведь торжества в новой столице устраивались далеко не ради забавы — гостям Санкт-Петербурга нужно было показать, что и в этом Россия ничуть не ниже Европы.

Один из самых нелепых мифов, связанных с именем Меншикова, это утверждение, что князь был неграмотным — не умел ни читать, ни писать.

Прекрасно! Губернатор Санкт-Петербурга, через руки которого постоянно проходила вся важнейшая документация по строительству, финансам, отчеты, статистика, — не умел читать! Глава Военной коллегии, действительный тайный советник, генералиссимус, один из самых гениальных и успешных полководцев на всем протяжении двадцатилетней Северной войны — неграмотный...

Даже если допустить, что такой казус мог иметь место, если уверить себя в том, что столько важных государственных дел мог успешно вершить бывший лотошник, не удосужившийся выучить алфавит, даже если предположить, что Петр I, дотошный и придирчивый к своим подданным, терпел недоучку просто из особой симпатии, — даже если все это, скрипя зубами, допустить, то куда девать Исаака Ньютона?

При чем он здесь? Да притом, что князь Меншиков стал первым среди русских, удостоенных звания академика. Он был избран членом Лондонского Королевского общества (то есть, английской Академии наук!), и документ о его избрании подписал лично Исаак Ньютон. Вряд ли открывший закон всемирного тяготения гениальный ученый как-то зависел от Петра I.

Кстати, княжеский титул Александр Данилович получил впервые вовсе не от русского царя. В 1706 году Меншиков, уже тогда прославленный полководец и выдающийся государственный деятель, стал Светлейшим князем... Священной Римской империи германской нации! Так высоко оценил его заслуги и дипломатический талант австрийский император Иосиф I.

Представить себе, что все эти почетные звания и титулы получил человек, не умеющий читать и писать, немисливо. Тем более помня, КАК относились в то время к русским на Западе...

Кстати, в создании мифа о неграмотном губернаторе иностранцы приняли самое деятельное участие. Прежде всего слухи о том, что князь не умеет ни читать, ни писать распространяли в своих кругах зарубежные дипломаты — датский посланник Юль, английский резидент Ч. Уитворт и другие. Такое же впечатление создалось якобы и у генерал-фельдмаршала Миниха, родом немца, и у французского офицера Вильбуа.

Но у светлейшего князя были, помимо всего прочего, секретари, которые по долгу службы фиксировали в своих записях все его дела. Каждый его день, можно сказать, каждый час — ведь Меншиков был лицом официальным. И уж, конечно, государственные чиновники ничего в жизни князя не придумывали и не дописывали от себя.

Итак, выписка из хроники: «В 9-м часу получа почту и прочет Куранты (газету)».^[37]

Какой вывод можно сделать из этой выписки? Во-первых, светлейший вставал очень рано, раз в девятом часу уже получал почту, а во-вторых, он ЧИТАЛ газету сам, ему никто ее вслух не прочитывал.

Далее: «Его светлость, прибыв в дом свой, получил от Его царского величества письмо чрез Бухавецкого и оно прочет».^[38]

Подобные записи повторяются многократно.

Правда, довольно часто секретари упоминают и о том, что корреспонденцию князю прочитывали вслух. Но подобное обыкновение бывало у многих вельмож, и в России, и в других странах. Это объясняется вовсе не неграмотностью, а многими другими причинами: не хочется утомлять глаза, легче воспринять на слух ту или иную информацию, хочется, чтобы информацию получили все присутствующие и т. п.

Профессор Беспятых и другой исследователь петровской эпохи, в частности, жизни и деятельности князя Меншикова Александра Рахман приводят в одной из своих статей свидетельство и одного из иностранцев, посетившего Санкт-Петербург по случаю заключения Ништадтского мирного договора:

«В Петербурге тогда находился Гольштейн-Готторпский герцог Карл Фридрих, приехавший, чтобы заключить брак с одной из дочерей Петра I — Анной или Елизаветой. Придворный герцога Ф. В. Берхгольц вел подробный дневник. Он осветил и проведение торжеств, записав, в частности, 11 октября 1721 года: «... князь Меншиков читал о производствах по армии...» то есть оглашал перечень повышенных в чинах. Стало быть, А. Д. Меншиков как президент Военной коллегии ЛИЧНО (выделено авторами) зачитал весьма пространный список военнотружущих, по случаю великой победы над шведами получивших повышения. Но даже при всех своих выдающихся способностях он не смог бы сделать этого по памяти, предварительно выучив перечень наизусть»^[39].

Сохранилось и письмо, присланное Меншикову из немецкого города Демина Екатериной Алексеевной (будущей царицей Екатериной). В этом письме и такая приписка: «При сем посылаю княгинину грамотку, и ты изволь ее прочитать и назад прислать»^[40]. (Имеется в виду княгиня Дарья Михайловна — супруга Меншикова.)

То есть прямо указывается светлейшему: «изволь прочитать»! Уж верно, Екатерина отлично знала, грамотен ли князь...

Вообще утверждение о неграмотности человека, сумевшего за столь короткий срок достичь таких высот государственной власти, и это в просвещенном XVIII веке, выглядит, по меньшей мере, нелепо: получается битвы выигрывать научился, крепости брать научился, руководить строительством современного города в отсутствие там государя научился, управлять страной по сути дела научился, а научиться читать и писать времени не хватило? (Если даже допустить, что в самом начале, во время знакомства с Петром, Александр Данилович и впрямь был неграмотным, что тоже вызывает сомнения.) Полный абсурд!

В России Меншиков был вторым человеком после Петра, и ни разу за все время своей деятельности он не показал себя некомпетентным. И это не умея читать?

Кроме того, не надо забывать, что государь часто отправлял Александру Даниловичу свои письма и указания, наверняка среди них бывали и послания конфиденциальные, возможно, содержащие сведения, которые не подлежали огласке. Надо думать, Петр едва ли потерпел бы, если бы его письма самому доверенному лицу государства читал кто-то другой.

Не менее твердо все (и историки в первую очередь!) уверяют нас в том, что лучший друг государя был отпетым вором и казнокрадом.

Тут нужно оговориться: трудно быть уверенным в том, что человек, через руки которого проходили такие громадные деньги, вовсе ничего себе не брал. Но также трудно поверить, что он мог постоянно и МНОГО воровать из казны. Как ни любил бы его Петр Алексеевич, как ни благоволил ему, такого ни за что не потерпел бы. Известна пара случаев, когда светлейшему от государя попадало палкой. Но, во-первых, Петр сгоряча мог ударить и почем зря, а потом каяться и даже (что среди царей обычно не в ходу) извиниться. А, во-вторых, причины для царского гнева тоже могли быть самые разные, и попадали под царскую палку очень и очень многие важные государственные люди.

Бесспорно одно: Александр Данилович Меншиков — гениальный государственный деятель и полководец, образованный человек, талантливый политик, — вовсе не карикатурный, а скорее драматический персонаж русской истории.

А все вымыслы о нем — еще один способ принизить перед потомками грандиозную фигуру Петра: вот, мол, какому мелкому пройдохе Петр доверял!

На этом можно было закончить рассуждения о Меншикове, но в нескольких исторических трудах мне довелось прочитать намеки на то, что именно князь Меншиков был заинтересован в смерти Петра I, ибо именно он после кончины государя фактически захватил в стране власть.

На первый взгляд, об этом стоит задуматься. Да, возведя на престол супругу почившего царя Екатерину I, Александр Данилович получил неограниченную возможность управлять страной. И он управлял ею, причем успешно продолжая петровские преобразования.

И все же подобная версия не выдерживает никакой критики. Во-первых, такой умный человек, каким был Меншиков, не мог не понимать, что вся государственная машина в России держится на имени и власти Петра. После его смерти все затряслось и зашаталось, и была огромная опасность не удержать страну в ее шатании и потерять все, что было достигнуто. Во-вторых, при Петре светлейший князь имел лишь чуть меньше власти, чем сам император, но при этом рядом была мощнейшая поддержка в лице государя. В-третьих, будучи человеком дальновидным, великий политик отлично знал, как легко меняется ситуация. И не мог исключить возможности того, что и произошло спустя два года: Екатерина умерла, малолетний царь Петр II (внук Петра I) оказался под влиянием враждебной Меншикову партии, и князь попал в опалу, разом потеряв все, чего сумел достичь.

Нет, как ни соблазнительна высказанная догадка, принять ее за рабочую версию невозможно. Меншикову ни в коем случае не была выгодна смерть государя.

Не говоря уже о том, что многие факты говорят об искренней и преданной любви светлейшего князя к Петру, которого он знал с ранней юности и с которым бывал в самых тяжелых испытаниях и битвах.

Против вся Европы

Говоря о Петре Великом, приходится постоянно переходить от войны к миру и вновь возвращаться от описаний мирной жизни на поля суровой брани.

Такова была жизнь государя: он существовал, как сказали бы теперь, сразу в нескольких измерениях — он строил грандиозные планы, практически тотчас осуществлял их, в то же время вел войну, учился, занимался подготовкой мирных и военных кадров для будущей России.

Сложно представить, как хватало на это времени и сил. Еще сложнее вообразить, как хватало мыслей, каким образом удавалось упорядочить их, когда думать приходилось фактически обо всем одновременно.

Начиная Северную войну, государь не сомневался, что она продлится долго.

Европа, напротив, думала и, вероятно, надеялась, что война будет быстрой и будет проиграна Россией. Первые победы Карла XII уверили Запад именно в этом, а дальнейшие успехи Петра многим казались временными.

Тем более что к 1705 году стало ясно — Россия будет продолжать борьбу со Швецией в одиночку...

Былые союзники — Дания, Голландия, Польша и Саксония давно прекратили поддержку России. И причина не в том, что они боялись Карла и его «непобедимой» армии, успешно воевавшей в Европе. Главное — Запад начинает по-настоящему бояться России. Да, шведский король, с его непомерно раздутыми амбициями и явной военной агрессивностью, внушал опасения многим западным политикам, но они понимали: каков бы ни был, он СВОЙ — ему всегда можно уступить, с ним можно договориться, в конце концов, можно ему и сдаться — а что в том страшного: сегодня он взял, допустим, Данию и присоединил ее к своим владениям, завтра победит правившая там династия и назовет уже Швецию частью Дании. Это, разумеется, гипотетические рассуждения. Суть в том, что Европа, еще разделенная массой противоречий, еще воюющая внутри себя, все же была в XVIII веке уже объединена общими понятиями, принципами, общим отношением к окружающим ее «варварским» народам, к которым они причисляли и русских. И, совершенно очевидно — враждебностью в отношении православия — веры, диктовавшей народам России, Греции, Балкан совершенно отличное от других европейцев поведение, сформировавшей у них другой менталитет. Но Греция и маленькие балканские государства, в основном находившиеся под пятой у Турции, на тот момент не вызывали у Запада никаких опасений.

Можно смело утверждать, что исламская Турция внушала Европе меньшую неприязнь, чем православная Россия. Это видно из всего опыта межгосударственной дипломатии XVIII века и из откровенно предательского в отношении России поведения всех ее западных союзников.

К тому же ведущие европейские страны, в основном господствующие морские державы, такие, как Швеция и Англия, уже начинали ощущать себя элитой европейского континента, лидирующими в условном союзе странами, и делиться мощью, славой, сферами влияния не собирались ни с кем.

Последним сдал свои позиции очень лукавый, но довольно долговременный союзник — Август II Саксонский, он же одно время — король Польши, он же по его уверениям — преданный друг России и Петра, постоянно, в течение всей войны ведший за его спиной переговоры со Швецией и в конце концов сдавшийся ей полностью.

По выражению Н. Н. Молчанова в Европе «...мечтали только о том, чтобы Швеция, получив свободу рук, обратила все свои силы против России»^[41].

С 1706 года Россия ведет войну против Швеции одна.

И именно тогда начинает выигрывать.

Вершиной войны, ее окончательным переломным моментом, ее кульминацией становится Полтавская битва. Наверное, нет надобности лишний раз повторять многократно описанные, показанные в фильмах и на живописных полотнах, легендарные события этой блистательной операции, тщательно подготовленной и гениально осуществленной Петром Великим.

Уже упоминалось, что находятся люди, занимающиеся историей, которым и эта победа Петра представляется незначимой, бездарной (восклицательный знак после этого слова мы уже ставили), а для судьбы России бесполезной. До чего же надо не любить свое Отечество, чтобы до такого договориться! Прежде всего, эти занимающиеся историей господа ставят Петру в упрек то, что он не принял боя со шведами сразу, а сумел как следует вымотать армию Карла, что распатало дисциплину шведских рядов. Позвольте! Да ведь это же тактика всех великих полководцев, начиная с Александра Македонского. И это — четкая грамматика войны. Что ты за полководец, если не стремишься выиграть бой с минимальными потерями и с максимальным успехом, а для этого можно и нужно применять как раз такие маневры, какие предпринял Петр, какие предпринимали многие «классики войны» до него и после него.

Долгое время уклоняясь от генерального сражения, русские не просто утомили врага и выиграли время. Петр был на своей земле и мог выбирать место, подходящее для решающей схватки, мог присматриваться к армии противника, мог навязать ей свои условия, что, в конечном счете, и произошло.

«Карл привел за собой в Россию армию в 35 тысяч человек, и, кроме того, вскоре к нему должны были присоединиться войска генерала Левенгаупта численностью в 16 тысяч человек. Петр имел больше войск. Но у Карла была опытная, закаленная, прославленная победами армия. Петр же оказался вынужденным разделить свои войска по трем возможным направлениям движения шведов. Поэтому сразу после вторжения силы были равны. Более того, если бы Петр проявил нетерпение, не выдержал томительной неизвестности и ввязался в сражение, то победа Карла была бы вероятной. Это Петр понимал, он отдавал себе отчет в том, что на карту поставлено все. Для него война означала решение вопроса о жизни и смерти России»^[42].

Полтава обнаружила и всю несостоятельность «военного гения» Карла XII. Он, в своих мечтах овладеть просторами России и ее богатствами, даже не вынес уроков из своих поражений на Балтике. Ему казалось, что остается лишь немного «дожать» Россию, и ненавистный Петр будет у его ног. Легендарная фраза Карла, которая звучит даже в советском фильме «Петр I»: «Поднимите меня! Я хочу видеть, как побежит царь Петр!» — фраза подлинная. Даже оказавшись на грани поражения (а что Полтава — ловушка, мастерски расставленная Петром, многие военные уже поняли), даже увидев, что союзники его подставляют, что лукавый гетман Мазепа, этот четырежды изменник, то и дело бегавший с одной стороны на другую, привел на помощь шведам не двадцать тысяч обещанных казаков, а всего две тысячи, — даже тогда тщеславный шведский венценосец не сообразил, что его карта фактически уже бита. Он пошел в бой с полной уверенностью, что одержит победу.

Но ему нужна была победа более всего для личной славы. Личные амбиции были, увы, побудительной силой, двигавшей многими европейскими монархами.

Петр шел в бой не ради своего возвышения. Полтава стала одним из первых сражений, в котором возродился и утвердился некогда вдохновлявший воинов Александра Невского и Дмитрия Донского русский православный патриотизм.

«Воины! — сказал им перед сражением государь. — Вот пришел час, который решит судьбу Отечества. Итак, не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, ПЕТРУ ПОРУЧЕННОЕ (выделено мною. — *И. И.*), за род свой, за Отечество... Не должна вас также смущать слава неприятеля, будто бы непобедимого, которой ложь вы сами своими победами над ним неоднократно доказали. Имейте в сражении пред очами вашими правду... А о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и в славе для благосостояния вашего».

Более точного, убедительного, искреннего призыва идти в бой найти невозможно.

Бесславное поражение Швеции под Полтавой, конечно, не было концом войны. Но после этой победы можно было заключить мир, вернее добиться мира. С тем, чтобы потом снова продолжать войну.

Но Петру было нужно не это. Ему нужна была победа полная. И не только военная, но и нравственная. Чтобы Европа, с такой надеждой ожидавшая триумфа шведского короля, наконец поняла: Россия теперь не просит мира, она его завоевывает.

После победы под Полтавой был и момент, когда Россия едва не потеряла утраченные позиции. И произошло это из-за ошибки самого Петра. Но вряд ли кто станет слишком укорять государя за эту ошибку, по крайней мере, те, кто продолжают сочувствовать православным народам на Балканах и в наши дни.

К русскому царю неоднократно обращались государи балканских государств, которые изнывали под турецким игом. Они просили помощи, обещая, что в свою очередь помогут военной силой и продовольствием, лишь бы русские помогли выбить турок с Балкан.

Пресловутое тридцатилетнее перемирие к этому моменту союзники турок крымские татары нарушали уже не раз, совершая более или менее крупные набеги на южные области России, основные силы которой были отвлечены на север. Значит, можно было пойти и на военный конфликт. Другое дело, чем это обернулось.

Хотя Россия никак не была готова к этой новой южной войне (ее войска были в основном сосредоточены в Прибалтике и занимали многие взятые у шведов крепости), и, несмотря на категорическое несогласие некоторых сподвижников государя, Петр предпринимает опасный для России в этот момент поход к Дунаю, надеясь выйти на его берега раньше турецкой армии. Сделать этого не удалось, но Петр не повернул армию назад, хотя собранный им военный совет большинством голосов советовал это сделать. Возможно, и на Петра в какой-то мере подействовала слава: после Полтавы так хотелось верить, что отныне русские непобедимы!

«Возбуждая надежды христианского народонаселения, обмануть эти надежды, остановившись на Днестре, было очень тяжело для Петра», — пишет С. М. Соловьев.

Обещанной помощи со стороны населения не последовало: жители Молдавии, Валахии и других областей, по которым двигались русские войска, смертельно боялись турок, чья жестокость была поистине легендарной. Сам поход оказался сложным: жара, недостаток воды и продовольствия, несвоевременный подход и отставание обозов, — все это привело к тому, что, в конечном счете, летом 1711 года русские войска попали в окружение на берегу реки Прут. Стотридцатипятитысячная турецкая армия обступила армию Петра, которая насчитывала всего тридцать восемь тысяч человек.

Но это было уже не стрелковое войско, это была совершенно другая армия. И когда турки предприняли атаку, воины Петра встретили их и отбили нападение! Итог: потери русских — четыре тысячи восьмисот человек, потери турок — восемь тысяч девятьсот...

На другой день прославленные янычары султана отказались идти в бой. Кому же охота на штыки? А сдаваться эти проклятые русские не собираются...

Но положение войска, не получившего обещанной поддержки населения, почти лишено продовольствия и даже воды, было отчаянным. Поэтому пришлось вновь идти на переговоры, при этом Петр понимал, что условия, которые будут выдвинуты турками, могут оказаться очень тяжелыми.

Более того, узнав об этом просчете русского царя, зашевелилась и возрадовалась Европа.

Карл XII, нашедший убежище в Бендерах, стал надеяться, что турки, ведя переговоры, потребуют от России уступок и ее северных завоеваний.

Но этого не произошло. Турки, как оказалось, не до конца поняли тяжесть положения русской армии. Петровский дипломат, знаменитый Шафиров, тот самый, что был переводчиком Великого посольства, едва турки попытались заговорить с ним ультимативным тоном, сделал вид, что готов прервать переговоры: «Если так, то мы готовы вновь сражаться!» — преспокойно заявил он. И эта твердость, как обычно, сработала!

Прутский мирный договор оказался достаточно легким. Правда Россия временно потеряла свои южные крепости Азов и Таганрог, но при этом сохраняла право никому не платить дани. А уж о Швеции и ее короле везир турецкого султана даже и не заикнулся! У султана хватало своих проблем, и он отлично понимал, что если попробует слишком «прижать» Петра, тот, уладив свои дела на севере, вернется и рассчитается сполна. Все уже поняли, что этот царь, как никто, умеет учиться на своих ошибках.

Русская армия ушла с Прута под барабанный бой, со всеми своими пушками, развернув знамена. Это заставило Карла XII спешно приехать к Пруту и устроить настоящую истерику везиру Мехмету-паше, командовавшему турецкой армией. Король даже потребовал дать ему отборные турецкие части, чтобы догнать и разгромить русских, но Мехмет-паша спокойно ответил: «Христианин не может командовать правоверными!»

Это было крушением последней надежды проигравшего короля.

Северная война, которая продолжалась после этого еще почти десять лет, тем не менее, вступила в завершающую стадию.

Остальные ее этапы вели к постепенному, но неизбежному утверждению русских позиций.

Шерше ля фам?

Что греха таить — в жизни самых великих, самых знаменитых людей очень часто «слабым звеном» оказываются женщины.

Историки, коих мы здесь так часто поминаем, любят подчеркивать, насколько резвым был Петр Алексеевич по женской части. Читая их рассуждения, невольно задумываешься: что ж это? Такое традиционное ханжество, или историей начинают заниматься не раньше семидесяти лет?.. Уж простите за правду, но то, что написано о «любовных похождениях» Петра I, характеризует вообще-то обычного красивого мужчину, с нормальным физическим развитием. Так, как он вел себя в отношении женщин, ведут себя девяносто девять и девять десятых процента мужчин любого сословия, вероисповедания, любой эпохи. А если прибавить к этому неограниченные возможности, то есть власть монарха, то и реакция на измены, любовные затруднения у Петра была самая обычная. Только купец Калашников проломил сопернику ребра, а Петру драться прилично с обидчиком — значило выставить себя, государя, на посмешище. Пришлось посадить на кол. Но об этой (кстати, единственной подобной расправе Петра на любовной почве, не в пример другим монархам!) поговорим чуть позднее.

Более того, если сопоставить свидетельства современников, то получается, что государь был уж никак не Казанова. Конечно, он женщинам нравился. Конечно, в юности не избегал веселых походов. Потом стало почти не до того... Да и натура у Петра была чувствительная — влюблялся он на удивление прочно, и это, судя по всему, не раз причиняло ему настоящую боль.

Первой женой самодержца стала уже упомянутая Евдокия Лопухина. Невесту подобрала сыну Наталья Кирилловна, и он, как обычно, с нею не спорил. Хотя, скорее всего, жениться не хотел. В 1689 году, когда состоялась венчание, Петру было шестнадцать лет, а Евдокии — девятнадцать. Для людей взрослых разница лет незначительная, но для фактически еще подростка Петра невеста должна была казаться «старой». Да и мысли юного царя на тот момент были заняты совсем не этим.

Все без исключения историки отмечают, что и в церкви, и позднее, во время свадебного пира, Петр был «лицом хмур». Значило ли это, что Евдокия с самого начала была ему так уж немила? Сказать трудно. Очень возможно, что причиной его раздражения была просто длинная помпезная свадебная церемония — Петр их не выносил.

Однако жил он с «Дунюшкой» несколько первых лет вполне мирно, хотя, скорее всего, был не без греха. Евдокия родила ему троих сыновей: Алексея, Александра и Павла, но двое последних умерли в младенчестве.

Историки, все без исключения, настаивают на том, что Петр не любил жену. При этом славянофилы восторженно расписывают, какая она была благочестивая, воспитанная по Домострою, во всех отношениях «правильная» женоука, и каков царь был негодяй. А западники из всех сил рисуют царицу «глупой бабой», недалекой, ограниченной, вздорной, яростной противницей реформ и т. д.

Если же рассматривать факты без эмоций, объективно, то получается, пожалуй, не то и не другое.

Во-первых, судя по всему, в первые годы, а возможно, и позднее, Петр по-своему был привязан к жене, наверное, даже любил ее. По сохранившимся портретным изображениям видно, что Евдокия была лицом хороша, а домашнее воспитание (она была из боярского, но не знатного рода и воспитывалась в строгости) сделало ее домовитой и, вероятно, достаточно мягкой. Однако характер у нее был совсем не слабый — Дунюшка умела и спорить с супругом (чего никогда, ни в коем случае женщине делать нельзя — или ее брак можно считать не состоявшимся!), и распекает его за пристрастие к веселым пирам в Немецкой слободе (еще одна тактическая ошибка, но это уж грех всех без исключения женщин, как любвеобилие — грех почти всех мужчин).

Взаимопонимания между ними, конечно же, не было. Но называть царицу Евдокию противницей реформ смешно. Как можно быть противником того, чего не понимаешь и не можешь понять? И уж конечно, Петр не искал в жене сподвижницу в делах. Она могла бы, как добрый друг, быть его тылом, нежной, преданной, понимающей без слов, просто любящей, просто верящей во все, что он делает, без доказательств. И тогда, может быть, их брак вообще не распался бы: именно такие (увы, очень немногие) женские образы история сохранила как образец великого женского подвижничества и служения — такие жены всегда надежная опора самым великим мужьям. Но именно великим такие попадаются редко, хотя им-то они более всего и нужны.

Очевидно, реакционное московское боярство, с самого начала воспротивившееся петровским преобразованиям, пыталось использовать Евдокию для влияния на царя. Но влияния на него она почти не имела, а ее неуклюжие попытки спорить о вещах, в которых она ничего не смыслила, повторяя чужие внушения, могли только раздражать мужа.

Вместе они прожили целых девять лет, правда, с оговоркой: Петр часто уезжал. Но в 1698 году наступил кризис. Задолго перед тем к Петру пришла, судя по всему, первая сильная влюбленность. «Удружили» верный соратник — Франц Лефорт. Именно он познакомил Петра в Немецкой слободе с купеческой дочерью, писаной красавицей Анной Моне.

Сильными эмоциями Петр отдавался всей душой, и его любовь к Анне во многом стала роковой, нажив ему немало врагов. Ведь влюбился-то не просто в красивую девушку: в иноземку, во-первых, «неровню», во-вторых. (Позднее эта история зеркально повторяется с Екатериной, но тогда царь был уже гораздо более независим, да и нравы при дворе успели несколько измениться, хотя и тогда шуму было немало.)

Если бы Евдокия молча снесла отчуждение мужа, все могло опять же кончиться спокойно.

Но она не пожелала мириться с соперницей — пошла на открытую борьбу и, разумеется, ее проиграла.

В то время развестись было невозможно. Оставалось отправить жену в монастырь, и Петр пошел на это. Сначала пробовал уговорить Евдокию постричься. Она наотрез отказалась. Тем более, что государь, крутой и невожатый с подданными, с непослушной женой всегда был мягок — ни разу в жизни он не поднял на нее руку, хотя рукоприкладство в семейной жизни вовсе никем не осуждалось.

В конце концов Евдокию отправили в суздальский Покровский монастырь. Почти год она наотрез отказывалась постричься, «подставив» местного архимандрита: тот боялся хотя и опальной, но все же царицы, и не совершал обряда, покуда не потерял своего места и не попал в опалу. Его преемник совершил постриг уже без всяких церемоний. В монастыре Евдокия получила имя Елены, однако соблюдать монастырский устав не хотела и вела жизнь вполне мирскую. К ней приезжали гости и родственники, навещал ее сын, царевич Алексей, и очень возможно, что последующая трагедия между отцом и сыном произошла во многом под влиянием разгневанной на отца матери...

Петру обо всем этом доносили, но он оставался неизменно снисходителен к удаленной от престола жене, возможно, сознавая свою вину перед нею, возможно, продолжая по-своему ее любить... В пользу последнего говорит трагическое событие, которым завершилось пребывание инокини Елены в Суздали. Она страстно влюбилась в посещавшего ее (!) майора Глебова, и он ответил ей взаимностью. Роман продолжался недолго. Узнав об этом, Петр пришел в ярость и приказал любовника бывшей супруги посадить на кол, обвиненных в сводничестве священника и ключаря казнить, двух приставленных к Елене монахинь наказать кнутом, хотя они, возможно, и не сводничали, просто «недоглядели»... Расправа фактически не коснулась лишь самой Евдокии — ее перевели в Ладугу, но даже пальцем не тронули.

В одном из последних фильмов на тему конфликта Петра с сыном Алексеем есть сцена допроса и даже пытки сообщившей с Алексеем Евдокии. Но это — абсолютный вымысел. Даже самые ярые историки-славянофилы не сумели найти никаких фактов, которые бы говорили о применении к ней физического насилия. Чем это объяснить? Вряд ли кто ответит.

О том, что Евдокия участвовала в интригах царевича Алексея против Петра, говорят многие факты. Однако едва ли у нее была возможность поддерживать связь с оппозицией после высылки из Суздали. Да и наблюдение за нею было усилено. Она не могла быть «соучастницей» заговора, в конце концов приведшего к гибели Петра, если в самом деле он умер не своей смертью.

Первый серьезный роман государя, роман с Анной Моне завершился печально. Они познакомились в Немецкой слободе в 1692 году. И этой связи царь почти не скрывал, хотя первое время и не афишировал, не желая ссоры с женой. Немка была очень хороша, весела, и это располагало к ней Петра. Кроме того, страсть подогревалась препятствием: даже отправив в монастырь Евдокию, государь не мог жениться на купеческой дочери.

Петр умел любить верно и преданно, но Анну, скорее всего, привлекало в нем лишь его высокое положение. Во всяком случае, она изменяла ему, должно быть, с самого начала, и только очень любя, можно было об этом не догадаться...

«Визави» Анны Моне был польский посланник Кенигсеку. Однажды, изрядно напившись, он ухитрился свалиться в ручей и захлебнуться. При нем было довольно много бумаг, а так как он был дипломатом, то всю эту почту, не просматривая, принесли Петру: мало ли, какие государственные тайны могли оказаться в этих документах?.. Государственных тайн в письмах не было. Зато были любовные письма Анны Моне.

Предательство Аннушки потрясло Петра. Он сперва не поверил, хотя все было очевидно. Последовало бурное объяснение, в конце которого царь неожиданно разрыдался. Потом дал волю гневу. Рукоприкладства опять же не было, но в тюрьму Аннушку отправили тотчас. Тут же вмешался прусский посланник Кейзерлинг. Возможно, Анна оказывала знаки внимания и ему?.. Так или иначе, он попросил разрешения жениться на неверной фаворитке царя. Однако разгневанный Петр ему отказал, да еще и спустил с лестницы в присутствии князя Меншикова. Кейзерлинг тоже пришел в бешенство, но что он мог сделать монарху, да еще в России? Чтобы утешить свою гордость, дипломат вызвал на дуэль Меншикова. Тут уже вмешался Петр. Он совсем не хотел подвергать друга опасности и замял скандал.

Однако Кейзерлинг был влюблен в Анну по-настоящему... Он повторял свою просьбу снова и снова. В опалу Аннушка угодила в 1706 году, а в 1711 году пруссак наконец получил разрешение на брак с нею. (Интересно было бы знать, хранила ли она верность мужу, хотя бы в знак благодарности, но об этом история умалчивает — Анна и Кейзерлинг тонут в тумане, едва удаляясь от яркой фигуры Петра.)

Серьезным дипломатическим скандалом между Россией и Пруссией история с Анной Моне и рукоприкладством в отношении дипломата не обернулась. И нет оснований думать, что кто-либо из ее участников мог быть замешан в интригах, направленных против русского царя.

Последней любовью Петра, любовью сильной и серьезной, стала Екатерина. Из поколения в поколение она — излюбленная мишень историков, причем даже прозападного толка. Называют ее и авантюристкой, и развратницей, и интриганкой... Между тем история ее знакомства с Петром скорее трагическая. И, в отличие от Анны Моне, уж она-то вовсе не виновата в том, что Петр не жил с давно покинутой им Евдокией...

Марта Скарвонская, простая лифляндская крестьянка, попала в плен к русским после сражения под Мариенбургом. Молодая и красивая, она приглянулась генералу Боуру, но ее тут же у него отобрал граф Шереметьев. Вскоре Марта понравилась Меншикову, хотя очень возможно, что он «конфисковал» ее у графа вовсе не для себя. Иные историки полагают, что умный князь уже тогда понимал неизбежность разрыва Петра с Анной Моне и приискивал ей замену.

Так или иначе, она вскоре становится близка царю, настолько близка, что он отвергает прочие связи, возникшие после разрыва с Аннушкой. Марта была очень умна, научилась разбираться в царевых делах и с пониманием его слушать. Ничего для себя не требовала, зато умела унять государевы вспышки гнева и даже смягчала его припадки, лишь проведя рукой по голове. Она рожала ему детей, сопровождала в походах, выносила трудности, от которых, бывало, ломались и мужчины.

Он полюбил ее всей душой и любил до конца.

Они обвенчались в 1712 году, в небольшой деревянной церкви на берегу Невы. Это была церковь святого преподобного Исаакия Далматского, одного из небесных покровителей государя, потому что день памяти святого 31 мая (по старому стилю) совпадает с днем рождения Петра. Стояла церковка примерно там, где сейчас Медный всадник, немного севернее нынешнего Исаакиевского собора.

Приняв православие, Марта стала Екатериной Алексеевной. Она научилась хорошо говорить по-русски, умела читать и писать, хотя иные историки до сих пор это отрицают. Сохранились ее письма к Петру и к тому же князю Меншикову, написанные по-русски.

В 1723 году Петр короновал Екатерину и объявил императрицей.

Очень много в исторических заметках говорится о неожиданном и странном романе Екатерины. (Если только он был!) О романе с... камергером Виллимом Монсом, родным братом той самой Анны Моне.

Очень возможно, все это вымыслы. По крайней мере, никаких явных доказательств измены не существует. Бесспорно, многие при дворе ненавидели Екатерину, желали ее ссоры с царем. Ненавидели иные и Петра, и удар мог быть нанесен с целью ранить именно его — все знали, с какой великой силой он любит «сердешного друга Катеринушку», как свято верит ей.

Однажды, когда Петр уехал по делам из Петербурга, его в дороге догнало подметное письмо. Расчет был жестокий и точный. Если верить свидетельствам спутников государя, у него начался нервный припадок. Он вернулся с дороги, и... Нет, нет, никаких крамольных сцен. Царь застал жену вполне одетой, однако же, в обществе Монса, с которым Екатерина вела беседу. Учитывая, что Моне по своей должности заведовал вотчинным хозяйством императрицы, в этой беседе, даже и в позднее время, вообще-то не было ничего необычного.

Но тот, кто устроил это «разоблачение», видимо, хорошо знал Петра. Нервный срыв, который тот пережил, помешал ему рассудить здраво. Он не стал слушать объяснений жены, прогнал на ее половину, а Монса приказал арестовать и судить «за взятки». Позорить ни себя, ни Екатерину царь не стал.

Виллим Моне был обезглавлен, и вечером государь поехал в карете вместе с женою мимо эшафота, чтобы показать ей насаженную на шест голову и всмотреться в ее лицо. Виновная или безвинная, Екатерина не дрогнула.

Трудно сказать, удалось ли ей объясниться с Петром по-настоящему, смогли ли они примириться.

Казнь Виллима Монса состоялась 16 ноября 1724 года. Петр простудился и заболел два месяца спустя, а 28 января умер. Было ли пережитое им страшное потрясение одной из причин смерти? Очень возможно. И если не было причины более весомой, о которой нам еще предстоит говорить, то убийцей государя можно считать и автора подметного письма.

Но могла ли желать его гибели Екатерина? Да, она, благодаря всеильному Меншикову, сделалась императрицей, самодержицей всея Руси. Правда, царствовала недолго — два года. Если меж ними после роковой истории с Монсом не наступило настоящего примирения (а многие историки на этом настаивают), то умная женщина могла предвидеть дальнейшее охлаждение мужа, свою возможную опалу... Если бы это было так, то именно у нее были все возможности «ускорить события».

Но против этого говорят следующие соображения: Екатерина не могла быть до конца уверена в поддержке Меншикова, который действовал уж конечно не в ее, а прежде всего в своих интересах, и без его помощи ей бы не видать престола, она это отлично понимала. И второе: она слишком хорошо знала Петра и знала, КАК он ее любит. Скорее Катериночка могла надеяться на свое обаяние, ум, на умение успокоить супруга, нежели впутываться в такую опасную авантюру, как убийство государя.

И еще, хотя это уже не относится к фактам. Мне думается, что многое о Петре и Екатерине — лишь домыслы, к тому же домыслы, созданные людьми предубежденными. Да, «Золушка» попала в царские палаты, пройдя через грубые руки офицеров, чьим трофеем она была. Но ее вины в этом нет. Она любила Петра, и не было в его жизни женщины, которая сумела бы лучше понять его и дать ему больше тепла и счастья.

Какое право мы имеем в чем-то ее подозревать?

Нраву был резкого...

Последовательно рассматривая все возможные причины, которые могли бы привести к физическому устранению русского государя, мы упомянули уже почти все и всех, но не рассмотрели еще одной стороны: личностной характеристики возможного потерпевшего.

Не могло ли так случиться, что Петр стал жертвой не какого-то великого заговора, а просто мести людей, которые мстили ему, скажем, за жестокость, резкость, несправедливость?

Здесь приходится отметить, что поводы для таких предположений есть. Все, знавшие Петра близко, говаривали, что «нраву он бывал резкого», что даже доверенным людям от него нередко попадало, и что зачастую его выходки казались блажью и были для многих тяжки.

Ну, во-первых, не станем уподобляться тем историкам, которые делают из образа государя подобие Медного всадника.

Не ангел он был, это уж точно. И во всем, что не касалось непосредственно государственных дел, бывал и резок, и жесток, и несправедлив.

Те, кто хорошо относятся к государю, объясняют это очень просто: а каким было вырасти человеку, у которого на глазах, когда он был десятилетним ребенком, закололи пиками и растерзали близких его матери людей, перед которым бесчинствовала озверевшая толпа стрельцов? Как должно было деформироваться сознание юноши, прожившего несколько лет с мыслью о том, что родная сестра желает убить его? Как мог стать уравновешенным и благонаправленным тот, кого заставили доказывать свое законное право быть царем, бороться с жестокими и беспощадными врагами, от которых он никак не мог ждать пощады?

Это объяснение заслуживает уважения. Но, скорее всего, есть и другие причины неуравновешенности Петра, и мы их уже фактически выяснили: на протяжении всей своей деятельности он постоянно наталкивался на непонимание, на сопротивление тому, что считал единственно верным (и, как показывал последующий опыт, обычно он бывал прав!). Даже ближайшие соратники не всегда успевали за стремительностью петровой мысли, не могли уследить за развитием его идеи, и тогда его указы и решения казались им непоследовательными, хаотическими, сумбурными.

Представим себе преподавателя высшей математики, который всеми силами, прилагая весь свой опыт и талант, пытается растолковать второклассникам биниом Ньютона... Смешно? Или еще лучше: вы даете задание компьютеру составить какую-то программу и пытаетесь проконтролировать последовательность его действий с карандашом в руках? Кто кого сочтет тупым: вы свою машину или она вас?

В большинстве своем одаренные в какой-то области люди прекрасно понимают, что другим сложно их понять. Петр этого не понимал — горячий и пылкий, он требовал поддержки, требовал отклика сейчас, сию минуту. И когда видел, что такового отклика нет, приходил в ярость.

По натуре он был мягок и добр (вспомним его желание помиловать Федора Шакловитого), но само время, в которое ему пришлось жить и царствовать, не оставляло возможности быть добрым.

Славянофилы состязаются в красноречии, описывая страшную жестокость, с которой был подавлен второй стрельцкий бунт (1698 года). Особенно усердствуют иностранные историки. Казнь восьмисот стрельцов-бунтовщиков, которые отправились походом на Москву, иначе как расправой не именуют. Но позвольте, разве где-нибудь в мире измена каралась менее сурово, особенно в то время? Ведь стрельцы шли в Москву не с миром, одно их нападение на верные Петру полки на берегах Истры это наглядно доказывает.

А то, что побежденных перед казнью подвергали допросам и пыткам, объясняется сурово, но просто: любому глупцу было понятно, что неорганизованные и недисциплинированные стрельцы сами не учинили бы заговора и не предприняли бы такого грамотного похода. Нужно было выяснить, кто из бояр и знати стоит за бунтовщиками. И это было выяснено. Потянулась ниточка и в Новодевичий монастырь, откуда бунтовщиков вдохновляла и направляла опальная царевна Софья. Остается удивляться, отчего она после этого дознания фактически никак не пострадала — за нею всего лишь усилили надзор.

Резкая и жесткая реакция на бунт позволила локализовать его: шесть стоявших в Азове стрельцких полков, как выяснилось, тоже готовы были взбунтоваться, но до этого не дошло.

Что до замыслов заговорщиков, то вряд ли, познакомившись с ними, можно дальше разглагольствовать о неумной жестокости Петра.

«Если бы судьба оказалась благоприятной нашим замыслам, мы бы подвергли бояр таким же казням, каких ожидаем теперь как побежденные. Ибо мы имели намерение все предместье немецкое сжечь, ограбить и истребить его догла. И очистив это место от немцев, которых мы хотели всех до одного умертвить, вторгнуться в Москву... бояр одних казнить, других заточить...»⁴⁴³.

Как теперь принято говорить — без комментариев!

Иные скажут: ну, ладно, с врагами... Но ведь и сподвижникам доставалось палкой под горячую руку. И дикие срывы бывали — крик, брань, рукоприкладство.

Бывали. И, возможно, «трудным детством» это оправдать сложно. Правда, палкой обычно попадало все же виновным. Когда же кто бывал невиновен и получал напрасно, Петр всегда искренне раскаивался и извинялся, вовсе не боясь уронить своего царского достоинства.

Так случилось, когда однажды из зависти был оклеветан придворный архитектор, второй великий зодчий, приехавший по приглашению Петра строить Петербург. Его звали Жан-Батист Леблон. Великое дарование и царские милости, а также собственный достаточно невоздержанный нрав подарили французу множество недоброжелателей.

Однажды Петру донесли, что, работая в Петергофе, Леблон крадет и продает древесину, а к тому же якобы приказал вырубить любимые государем старые дубы. Петр был в дурном расположении и пришел в неистовую ярость. Вызвав к себе Леблону, он не стал и слушать его объяснений. Кричал, бранился и наконец замахнулся на зодчего...

Дальше произошло нечто невиданное. Леблон перехватил руку государя и... замахнулся в свою очередь!

Все, кто видели эту сцену, пришли в ужас. А Петр внезапно опомнился. Правда, тотчас приказал архитектору, чтобы тот убирался вон, но никому из приближенных не отдал на его счет никаких распоряжений.

Затем государь разобрался в случившемся и понял, что его попросту обманули. Приказал вновь послать за французом, но ему донесли, что у Леблону, не вынесшего такого оскорбления, сделалась горячка. Царь не раздумывая поехал к нему на дом и попросил прощения за свою ошибку и за попытку ударить архитектора. Этот пример не единственный.

Правда «дикими выходками» называют и иные из реформаций Петра, которые не объяснишь сиюминутной вспышкой гнева.

Самым большим нападкам подвергается пресловутое «брадобритие», о котором уже упоминалось. Ну в самом деле, с чего бы понадобилось государю в таком уж вульгарном смысле европеизировать население России? Буквально заставляя бриться и носить европейское платье? Ведь скольких ненавистников это ему добавило!

«Но надо понять и Петра, не терпевшего полумер, недомолвок и двусмысленностей, — пишет Н. Н. Молчанов. — Россия должна быть действительно европейской страной и расстаться со своим во многом полуазиатским обликом... Русский должен был осознать себя таким же человеком, как и немец, то есть любой иностранец-европеец. Ведь вскоре предстояло воевать с ними и побеждать их»^[44].

Кроме того, как уже было сказано, брадобритие было вовсе не таким уж поголовным. Ни крестьяне, ни тем более духовенство этим нововведением вообще затронуты не были. Боярам позволялось платить «налог на бороду», ну а государственные чиновники в скором времени сами пристрастились и к удобному европейскому платью, и к парикам (которых сам Петр никогда не носил), и к бритью.

Но опять же, давайте не отливать заново Медного всадника!

Государь был человеком, со всеми присущими человеку недостатками, пороками и грехами. Он боролся с ними, как умел, и не всегда побеждал их. В его действиях часто просматриваются самые прекрасные намерения, которые порою оборачиваются тяжелыми результатами.

Могли ли его за это ненавидеть? Конечно, могли и ненавидели. И если кто-то готовил заговор против государя, то вполне мог поискать исполнителя, обиженного и недовольного царским «самодурством». (Во многих случаях кавычек можно и не ставить!)

Но вряд ли на последнем этапе правления такие люди могли оказаться приближенными к царю настолько, чтобы иметь возможность влить яд в его кубок.

Впрочем, кто знает?

А что до его дурного нрава — остается предложить бросить в него первый камень всякому, кто ни разу в жизни не выходил из себя, никогда и ни с кем из близких не бывал несправедлив, ни разу не принимал необдуманных решений, никогда не верил клевете, не впадал в гнев.

Что-то не вижу ни одного камня...

Сыновья измена

Как ни тяжелы были выпавшие на долю Петра Алексеевича испытания, связанные с женщинами, самой страшной трагедией его жизни стала, конечно, гибель его сына, царевича Алексея. Сына, которого он сам убил... Алексей — главный козырь противников Петра Великого. Славянофилы объявили его чуть ли не «мучеником за веру», поборником истинного православия, устоев русской самобытности. Повторяют, что стань он царем, Россия пошла бы по своему, истинному пути развития, не подражала бы Западу, не была бы им развращена.

Повторяют, все время почему-то забывая, что царевич боролся с отцом при поддержке именно злейших врагов России, которые уж никак не могли помогать ему бескорыстно.

Шла Северная война. Долгая, кровопролитная, тяжелая. Основной враг России Швеция после сокрушительного поражения в Полтавской битве утратила свои позиции, но не сдавалась. Англия, мечтавшая о мировом господстве, в принципе не очень печалилась об ослаблении Швеции, но вовсе не хотела усиления России, которая теперь все более пугала Запад своей стремительно растущей мощью. Франция и Голландия попали под влияние Англии. Попытки русских дипломатов заключить союз с Францией провалились. Священная Римская империя германской нации, внешне нейтральная, постоянно занимала враждебную по отношению к России позицию. Австрия не хотела помогать России, прежде всего потому, что была недовольна ее выходом на берега Балтики...

Не унимается и турецкий султан. Отлично понимая, что воевать на два фронта Россия не сможет, Петр пытался заключить мир с Турцией еще перед началом Северной войны. Но с таким давним и «верным» врагом не могло быть прочного мира. Впрочем, ошибочный, вернее, преждевременный шаг сделал в этом смысле и сам Петр: искренне стремясь вызвать из-под мусульманского ига балканские народы, представители которых умоляли Москву о

помощи, Петр в 1711 году предпринимает отважный поход на Днестр и Балканы. Засуха, выжженная степь, не оказанная вовремя помощь, которую обещали местные господа, привели к тому, что русская армия оказалась в турецком окружении. Именно тогда Петр пишет письмо недавно учрежденному Сенату, в котором призывает не оказывать ему помощи, если он будет взят в плен, более того, он пишет «не считайте меня своим государем». То есть просит не ставить Россию в зависимость от участи ее монарха. Подлинник этого письма не сохранился, и многие историки очень сомневаются в том, что оно действительно было написано Петром...

Умелая дипломатия русских послов, а также непреклонное мужество русской армии, которая, попав в окружение, готова была сражаться, помогли заключить относительно приемлемый Прутский мирный договор, но не давший никаких преимуществ ее западным врагам: грозное видение Полтавы стояло перед глазами султана, и ему совсем не хотелось злить Россию, отстаивая интересы Швеции.

Таким образом, врагам России не удалось «обойти ее с севера и с юга», и Северная война продолжалась с прежним преимуществом русских.

Но поддержки возможных «союзников» Петру I добиться так и не удалось. Какое-то время была надежда на военный союз с Австрией, но и она, желая угодить Англии, заняла враждебную позицию в отношении России.

Вероятно, западные политики лелеяли надежды, что Россия не выдержит длительной войны в одиночку, ее силы будут сломлены, и тогда ей удастся навязать мир, выгодный Европе.

Но все понимали, что военный напор и военные успехи России держатся на упорстве и твердости Петра Великого. Не будь его, едва ли Москва смогла бы добиться таких завоеваний, едва ли могла быть выиграна Полтавская битва, едва ли с такой осторожностью относилась бы к русским та же Турция.

Надо думать, что именно тогда в Европе стали грезить надеждами на смену власти в России.

И любопытно, что главным козырем Запада становится нынешний главный козырь наших славянофилов — царевич Алексей.

Размежевание Петра с сыном началось давно. Должно быть, неприязнь к отцу внушала наследнику Евдокия, искренне убежденная в том, что Петр «все делает плохо». Возможно, на Алексея оказывали влияние и люди из окружения матери.

Трудно, конечно, допустить, что сам Петр не старался общаться с сыном, которого искренно любил, не пытался рассказать тому о своих замыслах, о том великом деле, которое он затеял и которое вопреки всему делалось, хотя и страшными, мучительными трудами. Казалось бы, человек молодой, увлекающийся должен был загореться, представить себе грандиозность преобразований, от души пожелать в них участвовать.

Этого не произошло. Самый дорогой Петру человек его не понял. Вечный конфликт «отцов и детей», только в данном случае поколения странным образом меняются местами.

Славянофилы рисуют царевича сильной личностью, убежденным поборником «Руси истинной», ревнителем веры.

На самом деле, Алексей был вполне сыном своего отца. Он унаследовал и неуравновешенный характер Петра, и его властолюбие. Однако у царевича не было и сотовой части отцовской несокрушимой воли, не было и его живого, пронизательного ума. Он легко попадал под влияние, легко верил иной раз сомнительным словам и обещаниям.

Нежелание Алексея Петровича жить в Санкт-Петербурге, постоянные сношения с московской оппозицией, мечтавшей о смене власти, — именно все это, а отнюдь не влияние Екатерины, как полагают иные историки, окончательно разобили отца и сына.

В конце концов, Петр потребовал от Алексея или участвовать в жизни государства, подчиняясь царю и вместе с ним работая на пользу реформам, или, если это ему так не по душе, отказаться от прав на наследование престола и уйти в монастырь.

Алексей боялся отцова гнева (хотя в данном случае Петр не гневался, а напротив, хотел разрешить конфликт миром). Царевич объявляет, что отречется от престола. Но Петр все же пытается вновь склонить его на свою сторону — находясь на переговорах в Дании, он пишет сыну письмо, в котором просит приехать. Алексей под этим предлогом покидает Россию, однако едет совсем не в Данию. В октябре 1717 года он появляется в Австрии и просит приюта у императора.

Видимо, западные политики находились в нерешительности: очень соблазнительно было бы попытаться заменить могучего врага его слабой тенью, попытаться поменять Петра на Алексея. Устройство государственного переворота — дело нелегкое, но на первый взгляд игра стоила свечей. Предательство наследника стало важным аргументом западных политиков против России. «...Оно играло важную стимулирующую роль в происходившем тогда процессе формирования под эгидой Англии антирусского общеевропейского блока, способствовало усилению изоляции России и причинило, таким образом, огромный вред ее международному положению»^[45] — пишет Н. Н. Молчанов.

Это, конечно, был ход ва-банк. Алексей отчаянно стремился сохранить права на престол и не отречься, как того требовал отец.

О том, чтобы избрать другой предложенный государем путь — принять сторону Петра, царевич не желал и думать. У него были свои, совершенно определенные планы. Он почти не скрывал, что мечтает о смерти отца. И говаривал вслух, что тотчас уничтожит (в физическом смысле) всех его верных приближенных, вернет столицу в Москву, сократит армию. «...Корабли держать не буду; войско стану держать только для обороны, а войны ни с кем иметь не хочу».

Что это было? Несуветная глупость? Полное нежелание видеть политическую ситуацию, европейскую карту? Да кто б ему дал «только обороняться», когда вот уже столетие крепнущие враги с севера и с юга мечтали только об одном: о расхватывании и растаскивании русских земель!

Историки справедливо отмечают, что к бегству царевича подтолкнул отнюдь не инстинкт самосохранения: Петр и не думал посягать на его жизнь. Если бы царевич отрекся от престола и ушел в монастырь (после смерти его супруги это было вполне допустимо), то жил бы при полном содержании, именно такой жизнью, за которую постоянно внешне ратовал: полной благочестия и тишины.

Но Алексеем двигала жажда власти. Отчаявшись найти в России твердую опору, возможность организовать ширококомасштабный заговор и государственный переворот, он решил сделать ставку на иностранную помощь. В своем последующем признании Алексей Петрович откровенно

признался, что мечтал организовать иностранную интервенцию с целью свержения власти Петра и захвата России. Можно, конечно, допустить, что такое признание было выбито пытками, чтобы затем вынести смертный приговор. Но для чего? Сам факт предательства, бегства за границу, был уже достаточным поводом в военное время.

В течение полугода беглец жил при дворе императора тайно, его местонахождение тщательно скрывалось от России. Но и после того как открылось, Петру I пришлось сурово пригрозить Вене, прежде чем западные политики решились выпустить из рук такую козырную карту. Да скорее всего и не выпустили бы, не пойми они, что большой пользы от Алексея не будет.

Надо сказать, что царевич, человек нерешительный и боязливый, конечно же, упустил время. Многие приближенные шведского короля Карла XII открыто советовали ему использовать Алексея против России. В данном случае это было бы куда эффективнее, чем походы Лжедмитрия: Алексей был не самозванец, он имел прямые права на престол, откуда официально от них не отсекся... Если бы царевич бежал не в Австрию, которая представлялась ему сильнее и надежнее, а именно в Швецию, дело могло принять другой оборот. Видимо, беглец понял это: сообразив, что в Вене с ним просто играют, выжидая, как обернется дело, он начал искать контактов с Карлом. Но время ушло. Карл понимал, что, связавшись с изменником, будет подвергать себя слишком большому риску — Полтава многому его научила. Недолго колебался и английский король Георг I, которому Вена, в свою очередь, предложила «раскрытого туза». Нет, решил король, из этого уже нельзя извлечь выгоды, да и фигура царевича предстала перед европейцами все более и более ясно. Он был ненадежен во всех отношениях; кроме того, иностранные посланники в России тоже не зря работали — они доносили, насколько мала реальная поддержка Алексея у него на родине.

В Вене какое-то время еще «перекладывали карты», лихорадочно обдумывая, как бы все же сыграть на таком ценном подарке — бегстве наследника. Но вскоре поняли: безопаснее будет просто отделаться от такого гостя. И прибывшему в Вену графу П. А. Толстому было уже намного легче убедить царевича вернуться в Россию. По словам историка Соловьёва, император и его советники поняли, что «у царевича нет настолько ума, чтоб можно было надеяться от него какой-нибудь пользы».

Надо думать, Петр еще рассчитывал на искреннее покаяние сына, на последний разговор с ним. Не то царевич был бы арестован сразу по приезде в Россию. Этого не произошло. Не произошло ни покаяния, ни примирения, а раскрывшиеся вскоре факты постоянных сношений наследника с иностранными державами и вынашивания планов интервенции, не оставили выбора...

Историкам очень нравится описывать последние дни жизни царевича, пережитые им духовные и физические страдания, его гибель. Хотя нет никаких фактов того, что он был действительно убит. Ему вынесли смертный приговор, и, зная Петра, можно не сомневаться, что приговор этот привели бы в исполнение, как и требовалось — открыто. Но Алексей умер в Петропавловской крепости, возможно, вследствие перенесенных пыток.

Страданий, которые при этом пришлось пережить его отцу, не описывает никто.

Простим ли грех сыноубийства ради какой угодно, самой высокой цели?

Мы знаем исторические примеры такого рода.

Убийцами своих сыновей были Александр Невский, Иоанн Грозный (во втором случае это произошло вообще случайно, в припадке гнева!). В художественной литературе есть ярчайший и величественный образ Тараса Бульбы, трагедия которого, в куда меньшем масштабе, но один к одному совпадает с трагедией Петра...

Ни у кого нет права произносить в этом случае ни однозначного оправдания, ни однозначного осуждения.

Вопрос в том, остались ли в России силы, которые поддерживали Алексея Петровича, могли ли они тайно действовать, готовя заговор против царя?

На первую половину вопроса можно ответить однозначно: да, остались. Чтобы ответить на вторую половину вопроса, нужно знать, было ли этим силам на что рассчитывать?

А для этого придется вернуться к началу рассказа и к фигуре, о которой читатель, возможно, успел позабыть.

Итак, на сцену возвращается французский посланник в Швеции шевалье де Кампредон.

Проваленная миссия

Летом 1720 года коалиции европейских держав, прежде всего Швеции и Англии, становится ясно, что с Россией придется заключать мир. Россия выиграла войну, и продолжение ее не сулило ничего хорошего ни Швеции, ни всем, кто ее открыто или втайне поддерживал. Стало ясно, что Швеция должна будет отказаться от прав на Лифляндию и Эстляндию, а также признать права России на Балтике.

Спихавшись, Англия добивается посредничества в шведско-русских переговорах, но ее к этому особо никто не приглашает. Тайные интриги дипломатов Георга I приводят только к разрыву дипломатических отношений — посол России покидает Лондон. В Англии ждали, что из «Московии» будут тут же выворены все английские купцы и специалисты. Ничего подобного! Петр открыто объявил, что не станет препятствовать подданным английской короны вести торговлю и свободно въезжать в Россию. Это был хороший урок, усвоенный всеми иностранными державами: с молодой и уже могучей страной легче жить в мире, чем крючкотворствовать за ее спиной.

Кроме того, и сам король шведский уже понимал, насколько опасно доверяться европейским партнерам: они ратовали вовсе не об интересах Швеции, просто боялись упустить свои...

В октябре 1720 года Карл пишет письмо, в котором просит Петра начать переговоры без посредников.

Но посредник в переговорах России и Швеции все же нашлся. Им оказалась Франция. По поручению фактического главы французской дипломатии (и очевидно тайной разведки!) аббата Дюбуа в Санкт-Петербург едет посланник французского короля в Швеции, знакомый нам шевалье де Кампредон.

Сначала его не очень хотели принимать в Петербурге, понимая, что он будет действовать на пользу не столько Швеции, сколько Англии, с которой Дюбуа (а значит, и его король) давно заключили негласный союз. Но въезд все же разрешили, и шевалье заспешил, боясь опоздать. Историки приводят тот факт, что в спешке француз умудрился даже утопить свою карету вместе с лошадьми и поехал дальше «на перекладных».

Но саквож с французским золотом, который Дюбуа вручил ему для подкупа русских министров, посол сохранил. В его задачи входило, прежде всего, «убедить» министров оказать давление на русского императора, с целью смягчить условия договора для Швеции, а значит для Англии и косвенно Франции.

И он всеми силами пытался это сделать. Используя свой немалый ум, ловкость, обходительность, француз вел переговоры со всеми влиятельными министрами и сановниками. Но ничего не добился. Правда, нужно отметить, что в свете уже очевидной победы его предложения выглядели достаточно нелепо. Он убеждал вельмож, что Россия должна согласиться вернуть свои же земли: Эстляндию, Лифляндию, Выборг шведам, а взамен ей отдадут... Санкт-Петербург вместе с Ингрией и Нарвой. Ну, спасибо! Осчастливил!

И еще обиделся, когда в ответ на подобные предложения русские дипломаты принимались, по его выражению, «схотать во все горло». Тут захочешь...

В Европе система подкупа министров двора действовала давно, прочно и безотказно.

Каково же было изумление шевалье де Кампредона, когда он понял, что русские министры неподкупны. Правда, он вскоре убедился, что далеко не все они так уж бескорыстны: просто система контроля за государственными чиновниками была в России налажена блестяще.

Кампредону удалось побеседовать с самыми видными российскими дипломатами — Толстым и Шафировым (тем самым, который сумел в 1711 году вырвать у Турции более или менее выгодный для России Прутский мирный договор). Оба чиновника спокойно объяснили посланнику, что «ежели он ничего нового государю сказать не имеет, то и нечего у него время отнимать». Все, что Кампредон говорил, вельможи, по их словам «уж не раз слыхивали».

Правда, «приема» у русского царя посредник все же добился, однако то был скорее не прием, а наглядная демонстрация силы. Встречу назначили на корабельной верфи, где царю не раз уже случалось принимать послов — он не любил отвлекаться от главных своих дел.

Потрясенный шевалье де Кампредон, видимо, не сразу нашел, что и сказать русскому царю. Перед ним совершалось невиданное. Зимой, в мороз, верфь работала на полную мощность. Во льду вырубали гигантские полыньи и спускали на воду мощные линейные корабли, а на стапеля тут же закладывали новые. Петр, одетый в матросскую куртку, с руками, вымазанными смолой, отдавал распоряжения и выслушивал чиновников, не отрываясь от дела.

Француз начал убеждать царя, что слава его, слава победителя возрастет многократно, если он «будет великодушен» и откажется от завоеванных в ходе войны «шведских» провинций. В ответ Петр рассмеялся и сказал, что никакая слава не стоит трудов, пота и крови русских людей, пролитых ради возвращения этих русских земель, и что такой славой царь навлек бы на себя гнев Божий.

Два месяца, проведенных в Санкт-Петербурге, буквально сломали Кампредона. Он понял: Россия теперь настолько могущественна, что имеет право сама диктовать условия мира...

Вернувшись в Стокгольм, посланник заявил шведскому королю и поджидавшему его английскому послу, что уступок от России не будет и надо заключить мир как можно быстрее, куда Петру не показалось мало...

Слова, записанные Кампредоном в донесении своему королю имеют особенное значение: «В войне ли или в мире, **НО ЕСЛИ ЭТОТ ГОСУДАРЬ ПРОЖИВЕТ ЕЩЕ ЛЕТ ДЕСЯТЬ** (выделено мною. — *И. И.*), его могущество делается опасным даже для самых отдаленных держав»^[46].

Итак, картина окончательно проясняется: Европа, напуганная результатами войны, начинает осознавать, что ведущие мировые позиции переходят к России. И многие (явно не один Кампредон) понимают, что во многом дальнейшие успехи в развитии российской мощи зависят от того, сколько еще Россией будет управлять Петр Великий. Итак, в апреле 1721 года в финском городке Ништадт, без всяческих посредников, начались переговоры русских и шведских дипломатов.

Ништадтский мир был заключен 30 августа того же года и явился, как пишут многие историки, самым плодотворным документом всего царствования Петра, утверждением завоеваний России, признанием его прав и ее силы.

Правда, В. О. Ключевский утверждает, что победы можно было достичь гораздо раньше, не полагаясь на изменчивых союзников и действуя в одиночку.

«...Суждение знаменитого историка нельзя признать справедливым, — возражает Н. Н. Молчанов. — Оно было бы верным, если бы Петр упустил какую-то реальную возможность заключить мир со Швецией раньше 1721 года... Если бы, скажем, сразу после Полтавы удалось добиться прекращения войны, то Россия приобрела бы самое большое Петербург с частью Ингерманландии и, в лучшем случае, Нарву... Это была бы куца, неполноценная победа»^[47].

Да, Петр выжидал, но выжидал не напрасно. Ништадтский мир был утверждением прав России не на время, а уже навсегда.

Именно тогда Сенат просит Петра принять титул «Императора Всероссийского». И хотя при жизни Петра его новый титул признали только Пруссия, Дания и Голландия, отныне он утвердился в европейском лексиконе, а впоследствии и в европейской дипломатии.

И можно с уверенностью сказать: хотя войну Европа однозначно проиграла, она могла проиграть еще значительно больше, о чем и пишет в своем послании дальновидный Кампредон.

Так было ли убийство?

Смерть Петра Великого наступила 28 января 1725 года. Наступила, можно сказать, неожиданно.

За три месяца до того, во время наводнения, Петр помогал вызволять из беды матросов севшей на мель около Лахты финской шлюпки. Со свойственной ему энергией государь сам кинулся в ледяную воду и именно тогда серьезно простудился. Здоровье, по-прежнему крепкое, что бы ни говорили некоторые историки, помогло преодолеть болезнь.

Совершенно очевидно: если бы тогда, в октябре или ноябре 1724 года Петр почувствовал близость смерти, он позаботился бы не только о завещании в отношении власти, но и о том, чтобы у его приближенных были реальные возможности это завещание утвердить.

Но Петр в очередной раз выздоровел (а болел он и ранее), и в очередной раз дела не дали ему времени отдохнуть.

Новый приступ болезни случился в начале января 1725 года. Упрямый Петр не желал сдаваться, продолжал заниматься делами, ходил на верфи, принимал послов.

И вдруг... именно вдруг 19 января у него сделалась горячка, он слег и девять дней пролежал почти в полном беспамятстве.

Что это? Запущенная болезнь? Новая сильная простуда? Однако такое продолжительное беспамятство не характерно даже для острой пневмонии: в этом случае государь, скорее всего, или умер бы раньше, или хотя бы временами приходил в себя.

Правда, огромным волевым усилием, уже чувствуя близкий конец, Петр Алексеевич все же очнулся, вернее, очнулся наполовину, когда 28 января его окружили сподвижники и просили сделать распоряжения относительно передачи власти.

В 1722 году Петр отменил действовавший прежде порядок престолонаследия, то есть завещание или соборное избрание государя: он помнил, что творилось после его собственного соборного избрания в 1683 году... Он установил престолонаследие по личному назначению царствующего монарха, и несколько лет думал о том, кому доверить власть после своей смерти. (Совершенно очевидно, что умирать так скоро он и не помышлял.)

У умирающего царя отнялся язык, он не мог говорить и движением руки потребовал дать ему бумагу. Его рука довольно твердо вывела на чистом листе слова «Отдайте все». И в это мгновение дыхание государя прервалось. Он умер.

О том, как решалась далее судьба государства, сказано и написано немало.

А наша задача все же сделать вывод: могло или не могло это быть убийством?

О том, что силы, явно заинтересованные в устранении Петра Великого, были в России, мы уже говорили. И совершенно очевидно, что они были за пределами России.

В смерти Петра были заинтересованы Швеция, Англия, Франция, не в меньшей, а вероятно, в большей степени — Турция и Польша. И если допустить наличие тайной их коалиции, то становится вполне объяснимой записка шевалье де Кампредона, написанная, если помните, В ДЕНЬ СМЕРТИ государя и содержащая по сути дела указания, как вести себя Европе с Россией, в которой УЖЕ НЕТ ПЕТРА!

Другое дело, как возможно было осуществить заговор? Петра окружали люди, преданные ему. Возможность участия в таком заговоре всесильного князя Меншикова или Екатерины мы отмели.

Но ведь в окружении могли случайно оказаться меньшие по масштабу фигуры, фигуры тех, кто был так или иначе связан с прежней женою Петра (служил же ему до последних дней князь Куракин, видный дипломат, женатый на сестре Евдокии Лопухиной), с его сыном, с теми, кто был так или иначе «обижен» властью и, не выказывая явно, затаил обиду до конца...

Исключить такую возможность мы не имеем права.

Но если решения принимают большие политики, то осуществляют покушения, как правило, люди маленькие и незаметные. Простуда и болезнь государя были хорошим поводом — вряд ли кто мог бы сразу усомниться, что умирает он естественной смертью. И что стоило уронить ему в бокал или во флягу незаметную капельку какой-нибудь прозрачной жидкости. Сделать это мог один из придворных медиков, уловив минуту, когда его никто не видел, кто-либо из царской челяди, кто-то из военных охраны. Правда, за всеми следили и следили неплохо, но золото может многое, увя, очень многое...

Чьи же золотые сребреники могли утяжелить карман и совесть (если таковая была) гипотетического отравителя?

О, чьи угодно! Швеция была разорена войной, Англия тоже на тот момент не располагала лишним золотом. Но оно было у всесильного аббата Дюбуа, и едва ли он таскал его из французской казны. Ему могли дать это золото очень богатая Турция, либо кто-то из зажиточных поляков, люто ненавидевших Россию и русского государя.

Странная, странная смерть...

Но все, что здесь сказано, все равно — лишь предположение. Нам удалось доказать лишь то, что были силы, реально и последовательно желавшие устранения русского царя, что у них была возможность объединиться, что исчерпав надежды на государственный переворот, они могли прибегнуть к последнему средству.

Было или не было?

Твердого ответа теперь не даст никто.

Остались ни с чем?

Одна из, быть может, интереснейших загадок истории может так и остаться загадкой.

А историки продолжают спорить о том, плохи или хороши были петровские преобразования, принесли они России добро или, напротив, зло, как БЫ развивалась БЫ наша история, если БЫ у руля государственной власти встал БЫ кто-то другой?

Они спорят, не считаясь с главным постулатом самой истории: она не допускает никаких «БЫ», по крайней мере в том, что уже совершилось. И то, что совершилось, всегда логически обусловлено тем, что совершалось до того — значит, коль скоро исторический путь развития привел Россию к Петру, это было обусловлено и необходимо. Так или иначе. Здесь может быть много возражений, но ведь нельзя отрицать, что весь путь мирового развития постоянно подчиняется некоей загадочной, но жесткой логике.

Для славянофилов неплохим аргументом может быть сам факт яростного стремления большинства европейских государств свести на нет достижения петровской России. Если же государь и в самом деле был убит, то это — неопровержимое доказательство его правоты и несомненной пользы его великих трудов.

В свете современной истории все события той эпохи (не менее бурной, чем современная), обретают особенный смысл. И уже новые, куда более смелые оценки дают деятельности царя-реформатора современные исследователи. Но зачастую ярче и интереснее всего бывают высказывания не историков (что греха таить, не успевающих делать выводы из происходящего), а журналистов и публицистов, «по долгу службы» находящихся на острие событий.

Журналист Евгений Соломенко, отнюдь не западник, скорее напротив, так оценивает смысл всей жизни и деятельности Петра Великого: «...все это делалось, дабы уберечь то главное, что составляло глубинную суть его преобразований. А суть эта (не вполне очевидная, не столь бросающаяся в глаза, как разгром доселе непобедимых шведов и овладение балтийскими берегами) становится ясной, если взглянуть: что же в первую очередь создавал Великий государь?

А создавал он университет и другие учебные заведения, Академию наук, библиотеки, архивы, музеи. Последовательно и упорно он строил плацдарм для мощнейшего прорыва России на стратегических направлениях цивилизации»^[48].

И далее, неожиданно резко и категорично автор продолжает: «Путь Петра от царя к императору — это путь России от тараканьего царства, захудалых задворков Европы до форпоста научного и технического прогресса, высокоразвитого государства, которого опасались, но с которым считались и стремительно взлету которого поразились дворы самых цивилизованных, самых преуспевающих в ту пору стран Старого Света»^[49].

Можно с пеной у рта спорить с Соломенко относительно «тараканьего царства» и «задворков Европы». Господа славянофилы могут сколь угодно яростно доказывать, что у нас и до Петра была великая культура и прекрасная история. Могут. Но и они не сумеют отрицать, что ничем не стала бы стремительно набирающая мощь Европа разговаривать с Россией на равных, остаться Россия прежней. Не смогли бы ездить туда русские дипломаты, зная что их примут и выслушают с уважением. А уж о русских ученых, которые стали бы членами международных академий, о Ломоносове, об Академии художеств можно было и не заикаться!

Славянофил-фанатик воскликнет: «Ну и ладно! Ну и пусть! А нам так лучше, нам не надо ваших академий и международного признания. Мы сами в себе, и такие мы самые лучшие!»

Возможно (даже вероятно) это и так. Но это было бы здорово, если бы площадь России была примерно как у Люксембурга, и в ее недрах таилась разве что тонна-другая угля... Но такая, какая она есть, Россия никогда не осталась бы «сама в себе» — она слишком желанный кусище для всех агрессивных соседей. И не набери она своей великой мощи, чужая мощь смела бы русское государство со всех карт. Об этом, собственно, мы уж не раз вспоминали, обсуждая эпоху Петра, которая волей судьбы стала решающей для нашей страны: «быть или не быть»?

Впрочем, такие исторические моменты для нашей страны повторяются постоянно. В своей статье Евгений Соломенко отмечает: «В каких-то основополагающих моментах эпоха Петра повторяется сегодня. То, что мы нынче именуем глобализацией, имело свой пролог (разумеется, с поправкой на эпоху и с кучей оговорок, но все же!) три столетия назад. Вероятно, в этом, помимо всего прочего, таится и разгадка дикой, казалось бы, несуразности: отчего так непонятно, так наперекор логике и здравому смыслу Петр возвел свой стальной град в комарино-болотном краю с гиблым туберкулезным климатом, зачем мостил трясину гатью из костей крепостных строителей?»^[50].

И отвечает журналист на этот вопрос словами профессора Санкт-Петербургского государственного университета Александра Ивановича Юрьева: — «Сырой угол Европы» — это своеобразная классная комната России. Петербург был предназначен Петром для адаптации России к глобальным изменениям того времени. В качестве таких изменений выступали математический анализ и законы динамики Ньютона, воплощенные в кораблестроении, новейших вооружениях, мореплавании, университетах и Академии наук. Петр успел создать свою Северную столицу как научно-педагогический центр для изобретения «евроазиатской смеси» картины мира, мировоззрения, образа жизни, одинаково приемлемых как в Европе, так и в России. Идея Петербурга — это ПРЕДВОСХИЩЕНИЕ БУДУЩЕГО (выделено мною. — *И. И.*) и на его основе создание настоящего»^[51].

О том, что это действительно так, можно говорить, пожалуй, только теперь, в XXI веке, когда экономическая и политическая карта мира сделалась до предела контрастной, когда ресурсы недр тают и толкают политиков на самые нечестные и авантюрные предприятия, когда безопасность всех государств держится на парадоксе: наличии ядерного оружия у сверхдержав... Теперь тот, кто не успел занять достойное место у руля мировой истории, уже едва ли займет его — конкуренция слишком высока. И не успей Россия «взять разгон» три столетия назад, ее голоса теперь никто уже не услышал бы.

Другое дело, что этот голос был бы куда громче, если бы не попытка уничтожить Россию с помощью Октябрьского переворота, если бы не Вторая мировая война, когда могучая Европа почти вся покорно пала к ногам очередного диктатора и работала на его военную машину против той же России.

Но потенциал того великого перелома оказался слишком силен. И с одной стороны — несокрушимая духовная сила старой Руси, с другой — столь же несокрушимая поступательная мощь ее развития спасли нашу страну, дали ей выжить и под «красным колесом» Октября, и под железным ураганом Второй мировой...

И именно сейчас отчетливо видно, что Россия в любой ситуации не может быть тенью и копией Запада, что так или иначе она остается собою, все, что ни привносят на ее почву, дает здесь иные, «адаптированные к местности» всходы.

«Первый русский император не пытался догонять Англию, Францию, Голландию, — пишет в своей статье Соломенко. — Гениальной своей интуицией, поразительным историческим чутьем он уловил суть тех глобальных вызовов, которые новая эпоха готовилась бросить «просвещенной Европе». И, осознав это, он сработал на опережение: не тянуться вслед за требованиями времени, а опережать их, вырваться в лидеры, в первопроходцы на тернистых тропях исторического, научного, культурного прогресса»^[52].

Цель Петра Великого, как утверждает журналист, была «огромна и высока». За какие-то тридцать шесть лет — для истории одна секунда — Россия превратилась «...в передовую могущественную державу, которая затем на протяжении столетий дарила миру гениальные открытия Менделеева и Павлова, Чижевского, Сеченова и Циолковского... В державу, которая озарила мир высокой духовностью своих мыслителей и литераторов, драматургов и поэтов»^[53].

Да, Россия стала такой страной. Стала, несмотря на то что жизненный путь великого преобразователя прервался гораздо раньше, чем обещало его могучее здоровье и невероятная энергия.

Если это — убийство, то целью его было остановить преобразования, разрушить фундамент будущей великой державы, толкнуть Россию назад...

Но все дело в том, что то был уже не фундамент, то было, пускай и недостроенное, но здание новой России. И толчок назад, какой бы силы он ни был, уже не мог оказаться мощнее грандиозного поступательного движения, ранее заданного стране.

Эпоха Анны Иоанновны, бироновщина, с ее засилием иностранцев (вот уж когда действительно!), предшествовавшие этому смуты и шатания, устранение Меншикова, единственного, кто мог бы стать гениальным продолжателем дела Петра, — все это оказало свое негативное влияние на развитие нашей страны.

Но остановить ее уже не могло!

Поэтому убийцы (если мы имеем дело с убийством государя) либо очень сильно опоздали со своим решением, либо слишком долго не могли его осуществить.

Однако твердо можно сказать: если ЭТО БЫЛО СДЕЛАНО, то сделавшие это не добились конечного результата. Послепетровская Россия уже не свернула с проложенного им пути — сворачивать было некуда. Временные шатания междуцарствия не разрушили государственную машину, успевшую набрать слишком быстрые обороты. Россия пошла дальше, пошла вперед, а не назад.

И если Петр Великий был убит, то его убийцы, в любом случае, остались ни с чем.

Примечания

1

Цитируется по: *Молчанов Н. Н.* Дипломатия Петра Великого. М., 1990. С. 12.

2

Цитируется по: *Струмилин С. Г.* Петровская эпоха и экономика России. М, 1959. С. 68.

3

Цитируется по: *Молчанов Н. Н.* Дипломатия Петра Великого. М., 1990. С. 12.

4

Цитируется по: *Молчанов Н. Н.* Дипломатия Петра Великого. М., 1990. С. 29.

5

Там же.

6

Цитируется по: «Триста лет царствования дома Романовых» (репринт издания 1913 года). М.: Информ ЭКО. С.

7

Цитируется по: «Триста лет царствования дома Романовых». С. 15.

8

Цитируется по: «Триста лет царствования дома Романовых». С. 26.

9

Цитируется по: «Триста лет царствования дома Романовых». С. 28.

10

Цитируется по: *Молчанов Н. Н.* Дипломатия Петра Великого. С. 24.

11

Цитируется по: *Молчанов Н. Н.* Дипломатия Петра Великого. С. 39.

12

«Иностранцы о России». М., 1989. С. 102.

13

Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Великого. С. 48.

14

Цитируется по: *Молчанов Н. Н.* Дипломатия Петра Великого. С. 126.

15

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1959. Т. 9. С. 56.

16

Ключевский В. О. Очерки по русской истории. М., 1960. С. 129.

17

Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1990. С. 23.

18

Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1990. С. 34.

19

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1959. Т. 11. С. 91.

20

Устрялов Н. История царствования Петра Великого. Репринт. М., 1993. С. 19.

21

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1959. Т. 10. С. 97.

22

Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1990. С. 68.

23

Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1990. С. 71.

24

Терещенко А. Опыт обозрения жизни сановников, управляющих делами в России. СПб., 1837.

25

Цитируется по: *Молчанов Н. Н.* Дипломатия Петра Великого. М., 1990. С. 98.

26

Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1990. С. 122.

27

Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1990. С. 124.

28

Цитируется по: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1959. Т. 9. С. 86.

29

Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1990. С. 125.

30

Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1990. С. 125.

31

Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1990. С. 246.

32

Приводятся высказывания профессора Ю. Беспятовых в одной из телевизионных передач 5-го канала ТВ. Июль 2004 года.

33

Цитируется по: *Молчанов Н. Н.* Дипломатия Петра Великого. М., 1990. С. 140.

34

Там же.

35

Цитируется по: *Молчанов Н. Н.* Дипломатия Петра Великого. М., 1990. С. 167.

36

Цитируется по: *Молчанов Н. Н.* Дипломатия Петра Великого. М., 1990. С. 49.

37

Беспятовых Ю., Рахман А. Письма прочет... // Всемирный следопыт. 2004. № 7.

38

Беспятовых Ю., Рахман А. Письма прочет... // Всемирный следопыт. 2004. № 7.

39

Беспятовых Ю., Рахман А. Письма прочет... // Всемирный следопыт. 2004. № 7.

40

Там же.

41

Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1990.

42

Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1990. С. 176.

43

Цитируется по: *Молчанов Н. Н.* Дипломатия Петра Великого. М., 1990. С. 64.

44

Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1990. С. 134.

45

Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1990. С. 371.

46

Цитируется по: *Молчанов Н. Н.* Дипломатия Петра Великого. М., 1990. С. 400.

47

Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1990. С. 373.

48

Соломенко Е. Н. Петр Всея Руси // Всемирный следопыт. 2004. № 4. С. 9.

49

Там же.

50

Соломенко Е. Н. Петр Всея Руси // Всемирный следопыт. 2004. № 4. С. 9.

51

Соломенко Е. Н. Петр Всея Руси // Всемирный следопыт. 2004. № 4. С. 9.

52

Соломенко Е. Н. Петр Всея Руси // Всемирный следопыт. 2004. № 4. С. 10.